

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

2
2021

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source study and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, 25.05.2015, reg. No. FS77-61886

Editorial staff office: 6, Miusskaya, Moscow, 125993

e-mail: panov.a@rggu.ru

zhuravlevavic@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерении.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 07.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: panov.a@rggu.ru
zhuravlevavic@mail.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.P. Logunov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D., associate professor, University Paris VIII, France

D. Foglesong, Ph.D., professor, Rutgers University, USA

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), Cand. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Klyukanov, Ph.D., professor of Communication, Eastern Washington University, USA

M. Kramer, Ph.D., professor, Harvard University, USA

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on Consequences of War, Graz–Vienna, Austria

E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- B. Stelzl-Marx*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on Consequences of War, Graz–Vienna, Austria, vice-president of Austrian Commission, UNESCO, Vienna, Austria
- A.D. Voskressenskii*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- I.B. Antonova*, Cand. of Sci. (Pedagogy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- A.A. Novikova*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- A.S. Panov*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Executive editors:

E.A. Alekseeva

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, США

М. Крэмер, Ph.D., профессор, Гарвардский университет, США

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, Австрия

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А. Филлер, Ph.D., доцент, Университет Париж VIII, Франция

Д. Фоглесонг, Ph.D., профессор, Университет Ратгерс, США

Т.А. Шаكليша, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

Б. Штельцель-Маркс, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, вице-президент Австрийской комиссии ЮНЕСКО, Вена, Австрия

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

А.А. Новикова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

А.С. Панов, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Ответственные за выпуск:

Е.А. Алексеева

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, РГГУ

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ

А.С. Панов, кандидат исторических наук, РГГУ

CONTENTS

International Relations: History, Historiography, Sociocultural Practice

- Iskander E. Magadeev*
The “turning point” in the Second World War:
contemporary scholar discussions 10
- Michael A. LoSasso*
The depiction of the Great Patriotic War on American
television during the Second Red Scare 22
- David Goldfield*
The selective memory of US-Soviet cooperation during World War II 37

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

- Ivan A. Tsvetkov*
Memory of World War II as a factor
in contemporary U.S.-China relations 55
- Erik A. Olsen*
The 2020 U.S. presidential election,
Trumpism and the roots of negative distrust 67
- Denis O. Vakarchuk*
World War II in the context of contemporary Russian-Polish relations 80
- Mariya A. Pashuk*
Legal regulation of academic interaction between Russia and Germany
in the framework of the Bologna process: problems of improvement 91

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

- Valeriy P. Ljubin*
Soviet prisoners of war in Germany, 1941–1945 –
an undesirable topic for German society? 105
- Marina V. Novikova*
The problem of national trauma in the collective memory
of Germans in the united Germany 117
- Mariya M. Sirotinskaya*
United States Holocaust Memorial Museum (Washington, D.C.) 127

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, историография, социокультурная практика

- Искандэр Э. Магадеев*
«Коренной перелом» во Второй мировой войне:
современные академические дискуссии 10
- Michael A. LoSasso*
The depiction of the Great Patriotic War on American
television during the Second Red Scare
[Изображение Великой Отечественной войны на американском
телевидении в период второй «красной паники»] 22
- David Goldfield*
The selective memory of US-Soviet cooperation during World War II
[Избирательная память об американо-советском сотрудничестве
в годы Второй мировой войны] 37

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

- Иван А. Цветков*
Память о Второй мировой войне как фактор
современных американо-китайских отношений 55
- Erik A. Olsen*
The 2020 U.S. presidential election,
Trumpism and the roots of negative distrust
[Президентские выборы 2020 г. в США, «трампизм»
и истоки крайнего недоверия] 67
- Денис О. Вакарчук*
Вторая мировая война в контексте
современных российско-польских отношений 80
- Мария А. Пашук*
Нормативно-правовое регулирование академического
взаимодействия России и Германии в рамках
Болонского процесса: проблемы совершенствования 91

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

- Валерий П. Любин*
Советские военнопленные в Германии, 1941–1945 гг. –
нежелательная для немецкого общества тема? 105
- Марина В. Новикова*
Проблема национальной травмы в коллективной памяти
немцев объединенной Германии 117
- Мария М. Сиротинская*
Память о холокосте в Мемориальном музее США (г. Вашингтон) 127

Международные отношения: история, историография, социокультурная практика

УДК 94(100)«1939/45»

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-10-21

«Коренной перелом» во Второй мировой войне:
современные академические дискуссии

Искандэр Э. Магадеев

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Россия, iskander2017@yandex.ru*

Аннотация. Основное внимание в статье уделяется дискуссиям современных отечественных и зарубежных исследователей о хронологических рамках и самом содержании понятия «коренной перелом» во Второй мировой войне. Его использование историками с самого начала неизбежно было связано с вопросом о вкладе, который отдельные державы антигитлеровской коалиции внесли в общую победу над странами «оси» во главе с нацистской Германией. Неслучайно вокруг этого термина уже вскоре после 1945 г., в условиях набиравшей темпы холодной войны, начали разворачиваться историографические и публицистические дискуссии, которым придавалось не только серьезное исследовательское, но и общественно-политическое значение. Подобные дискуссии продолжаются по сегодняшний день. В статье рассматривается одна из современных ревизионистских концепций «коренного перелома», предложенная британским историком Ф. О'Брайеном. Он стремится опровергнуть представление о решающем характере сухопутных сражений на советско-германском фронте для исхода Второй мировой в целом. Критический анализ аргументов О'Брайена, содержащийся в статье, позволяет не только сформулировать ответ на его концепцию, но и уточнить ряд вопросов, связанных с развитием историографии Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, «коренной перелом», историография, советско-германский фронт, стратегия

Для цитирования: Магадеев И.Э. «Коренной перелом» во Второй мировой войне: современные академические дискуссии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 10–21. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-10-21

© Магадеев И.Э., 2021

The “turning point” in the Second World War: contemporary scholar discussions

Iskander E. Magadeev

*Moscow State Institute of International Relations,
Moscow, Russia, iskander2017@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is to review the contemporary scholar discussions which take place in the Russian and foreign historiography about the “turning point” in the Second World War. The use of the “turning point” term by scholars was inevitably linked to the question about the relative contribution made by the countries of the “Grand Alliance” to the victory over the “Axis Powers”. Thus, it was logical that after 1945, during the rise of the Cold War, the academic and media discussions about the “turning point” had not only a historiographical but also political significance. Such disputes continue nowadays. This article analyses one of the recent revisionist conceptions about the “turning point” proposed by the British historian Ph. O’Brien. He tried to revise the widely held thesis that the huge land battles at the Soviet-German front were crucial to the outcome of the whole war. A critical evaluation of O’Brien’s conception is fruitful to the further scholar research on the topic as well as to the understanding of the historiographical process itself.

Keywords: Second World War, “turning point”, historiography, Soviet-German front, strategy

For citation: Magadeev, I.E. (2021), “The ‘turning point’ in the Second World War: contemporary scholar discussions”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 10–21, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-10-21

Введение

Понятие «коренного перелома» является одним из ключевых для понимания динамики развития и хронологии Второй мировой войны. К тому же его использование современниками и последующими историками неизбежно было связано с вопросом о вкладе, внесенном отдельными державами антигитлеровской коалиции в общую победу над странами «оси» во главе с Германией. Неслучайно вокруг этого понятия уже вскоре после 1945 г., в условиях набиравшей темпы холодной войны, начали разворачиваться историографические и публицистические дискуссии, которым придавалось не только серьезное исследовательское, но и общественно-политическое значение.

Подобные дискуссии характеризовались, как правило, противостоянием двух «лагерей». В одном из них находились советские историки, разрабатывавшие (с определенными модификациями, привнесенными в 1960-е гг.) сталинскую концепцию «коренного перелома»; в другом – зарубежные авторы. Представители обоих «лагерей» (как правило, в имплицитной, а не развернутой форме) подразумевали под «коренным переломом» хронологический отрезок войны, связанный с событиями (сражения на фронтах, но не только они), после которых шансы Германии и ее союзников «оси» на победу в войне стали неумолимо сокращаться (начало «перелома») и в итоге сошли на нет (окончание «перелома»). Как в 1986 г. отмечал на одном из «круглых столов» по истории Второй мировой академик А.М. Самсонов, «коренной перелом – это длительный процесс, в который решающий вклад вносят вооруженные силы. Но это и противоборство экономик воюющих стран, это и военно-политический фактор, включая и дипломатию» [Самсонов 1988, с. 373].

При этом позиции советских и западных историков по вопросу о конкретном содержании и хронологических рамках «коренного перелома» различались. Если первые делали акцент на ключевой роли Сталинградского сражения и битвы на Курской дуге в истории войны, то вторые интерпретировали события на советско-германском фронте как отдельные, пусть и важные, элементы в череде многочисленных «решающих битв». Под последними, наряду со Сталинградом и Курском, подразумевались сражения под Эль-Аламейном, морская битва при атолле Мидуэй, «битва за Атлантику», стратегические бомбардировки Германии [Падерин 2013]. В наиболее прямолинейном и ангажированном ключе речь и вовсе шла о том, что «Третий рейх остановила американская мощь» [Brogan 1964, p. 10].

Учитывая обозначенную выше трактовку «коренного перелома», как советские, так и западные исследователи обращали особое внимание на корпус источников, связанных с оценкой военно-политического и экономического положения Германии. Данный корпус документов, чья сохранность отнюдь не была полной в результате разрушений периода самой войны, тем не менее был широко доступным для историков. Различные его части стали предметом масштабных публикаций, начатых уже вскоре после 1945 г.¹ Однако

¹ См., к примеру: *Nazi Conspiracy and Aggression*. Vol. 1–10. Washington, 1946–1948; *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab)*. Bd. 1–4. Fr. a/M, 1961–1965; *Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik*. Ser. E. Bd. 1–8. Göttingen, 1969–1979.

различия в трактовках приводили к тому, что исследователи из разных «лагерей» нередко обращали внимание на различные данные, зафиксированные в источниках: советские историки – на факты, которые подчеркивали роль сражений на сухопутных театрах военных действий, определивших поражение Германии; западные авторы – на значение стратегических бомбардировок с воздуха и экономический ущерб, который понес Третий рейх в результате англо-американских действий в воздухе и на морях.

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать основные представления о хронологии и содержании «коренного перелома» во Второй мировой войне, существующие в современной историографии. Особое внимание обращено на недавние ревизионистские тезисы, заставляющие вернуться к, казалось бы, досконально изученным вопросам.

Хронология и содержание «коренного перелома»

Хотя в современной мировой историографии «разграничительные линии» между историками из разных стран менее очевидны, чем в годы холодной войны, а дискуссии вокруг «коренного перелома» нередко уступают по своей остроте обсуждению иных вопросов Второй мировой («пакт Молотова–Риббентропа», коллаборационизм и др.), о единстве в трактовках все также не приходится говорить. Если опираться на официальные и пользующиеся авторитетом коллективные труды, то большинство российских историков продолжает исходить из того, что «победа советских войск под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе войны, изменив стратегическую обстановку не только на советско-германском фронте, но и на других фронтах Второй мировой» [Великая Отечественная война 2012, с. 421].

Все же ряд важных проблем, в том числе хронологические рамки «коренного перелома», остается дискуссионным и в рамках доминирующей парадигмы. Один из нерешенных вопросов, обсуждавшийся еще в советский период, – место контрнаступления под Москвой в декабре 1941 г. Считать ли его началом «коренного перелома» (об этом в мемуарах писали маршалы А.М. Василевский и В.И. Чуйков, а также ряд советских историков) или исходить из того, что последний начался с контрнаступления под Сталинградом (ноябрь 1942 г.) и завершился советскими успехами в Битве за Кавказ (октябрь 1943 г.) и Битве за Днепр (декабрь 1943 г.) [Данилов 2014]?

Сама концепция «коренного перелома», а также ряд ее дискуссионных моментов во многом проистекают из оценок, данных еще И.В. Сталиным в годы войны. Тезис о том, что период с ноября 1942 г. по конец 1943 г. стал «переломным не только в Отечественной войне Советского Союза, но и во всей мировой войне», был сформулирован «хозяином Кремля» в речи от 6 ноября 1943 г.² За чеканной формулировкой скрывалась, однако, амбивалентность: Сталин, переоценивший возможности Красной армии и степень ослабленности вермахта после поражения под Москвой, рассчитывал, что поворотным станет уже 1942 г. В директиве Ставки Верховного главнокомандования от 10 января в качестве цели советского наступления ставился «полный разгром гитлеровских войск в 1942 году» [Печатнов, Магадеев 2015, с. 126]. Хронология «коренного перелома» изначально отражала не статичный, но менявшийся характер боевых действий и трансформацию точек зрения влиятельных современников.

Определенная преемственность с прошлым наблюдается в современных оценках «поворотной точки» (англ. *turning point*) в войне со стороны ряда зарубежных исследователей. Своего рода «зеркальным отражением» влияния сталинских концепций в советском/российском случае является то обстоятельство, что англо-американская историография нередко и поныне (в той или иной форме) развивает идеи, которые сформулировал еще У. Черчилль в 6-томных мемуарах, опубликованных в 1948–1953 гг. [Reynolds 2005, р. xx]. На страницах своего масштабного труда, создававшегося в условиях набравшей темпы холодной войны, Черчилль был склонен уделять повышенное внимание именно тем событиям войны, в которые активно были вовлечены Великобритания и США. Сражениями, «когда все стояло на кону», для него были битва за Великобританию и битва за Атлантику, а вторую битву за Эль-Аламейн он сопоставлял по значению со Сталинградом. В сражениях на просторах Атлантики Черчилль видел «доминирующий фактор на протяжении всей войны»: «Никогда ни на один момент мы не могли забыть, что все события на земле, в море, в воздухе зависели, в конечном счете, от ее исхода...»³

С последним тезисом в значительной степени готовы согласиться и многие современные англоязычные историки [Grove et al. 2003, р. 17]. О сохранении идей в духе более ранней концепции

² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны: 1941–1945: Документы и материалы. Т. 1. М.: Политиздат, 1984. С. 429.

³ Churchill W.S. The Second World War. Vol. 5. London: Cassell, 1951. P. 6.

«решающих битв» говорила работа британского историка Ф. Белла, писавшего в 2011 г. о «двенадцати поворотных точках Второй мировой войны», в числе которых Сталинград соседствовал с битвой за Британию, Пёрл-Харбором, высадкой в Нормандии и другими сражениями [Bell 2011]. Продолжает высказываться и не раз критиковавшийся отечественными авторами тезис о второй битве за Эль-Аламейн (октябрь–ноябрь 1942 г.) как о сражении, изменившем ход войны в целом [Hammond 2012]. Российские исследователи подчеркивают, что силы, средства и ресурсы, вовлеченные в сражение в Северной Африке, несопоставимы по своему масштабу с теми, что использовались в тот же период под Сталинградом [Великая Отечественная война 2012, с. 376].

Спецификой отличается точка зрения ряда немецких исследователей, авторов глав для фундаментального труда «Германский рейх и Вторая мировая война». Б. Вегнер, исследуя «исторический топос», связанный с советской кампанией вермахта в 1942 г., полагал, что Сталинград представлял собой «точку невозврата» в развитии войны на Восточном фронте. Однако историк отказывался распространять данную мысль на мировую войну в целом. Трактую «поворотную точку» в войне как рубеж, после которого Германия теряла шансы на победу, Вегнер фактически писал о том, что нацистское государство было изначально обречено на поражение, что выглядит достаточно спорным. Ссылаясь на «неограниченный характер гитлеровских военных целей, раннюю глобализацию войны, крайнюю асимметрию в распределении людских и материальных ресурсов, превосходство Америки в разработке ядерного оружия и, наконец, решимость великих держав завершить войну путем нанесения поражения Германии», Вегнер полагал, что Третий рейх де-факто никогда и не имел шансов «победить в войне *в целом* [курсив в оригинале. – И. М.] в том виде, как это представлял себе Гитлер» [Wegner 2001, p. 1214]. Современный французский историк Н. Векбур также ограничивал последствия Сталинграда преимущественно Восточным фронтом, хотя и полагал, что Сталинград «обозначил конец немецких надежд на победу на русском фронте» [Vaicbourdt 2015, p. 388].

Если ряд советских и российских авторов стремился опустить нижнюю временную границу «коренного перелома» до декабря 1941 г., то дискуссии среди западных исследователей относительно хронологии рассматриваемого явления развивались в несколько ином ключе. С одной стороны, высказываются идеи о том, что «поворотная точка» в войне (как минимум, на Восточном фронте) была пройдена еще раньше. Так, в восьмом томе

«Германского рейха и Второй мировой войны» прослеживается тенденция немецких историков все чаще считать, что Германия потеряла шансы на победу уже в условиях замедления blitzkriega осенью 1941 г. [Wegner 2017, p. 8] С другой стороны, германо-американский историк Г. Вайнберг и его британский коллега Р. Овери были склонны отодвигать верхнюю хронологическую границу. В их трактовке «коренной перелом» в войне и потеря Германией шансов на успех рассматриваются как процесс, начавшийся в 1942 г. и закончившийся лишь в 1944 г. Подобная интерпретация, среди прочего, более выпукло подчеркивала вклад западных союзников в победу и роль «второго фронта», а также усиленных стратегических бомбардировок территории Германии [Weinberg 1995].

Овери, как и его коллегу М. Харрисона, можно отнести к числу зарубежных исследователей, в наиболее эксплицитной форме признававших решающую роль советско-германского фронта для судеб Второй мировой войны: «Советский Союз принял на себя главный удар Германии и переломил хребет немецкой мощи» [Overy 1996, pp. 1–2]. Овери считал Восточный фронт «решающим театром военных действий» [Overy 1996, p. 5].

Таким образом, современные исследователи продолжают обсуждать вопросы о том, какие именно сражения и битвы можно считать ключевыми составляющими «коренного перелома», а также хронологические рамки последнего. Однако реже в историографии можно встретить развернутые тезисы о самом содержании и внутренних характеристиках данного понятия и стоящего за ним периода войны. Актуальность уточнению стратегического наполнения «коренного перелома» придает и новый виток дискуссий по данному вопросу, вызванный ревизионистским тезисом, сформулированным в 2015 г. британским историком Ф.П. О'Брайеном [O'Brien 2015].

Ревизионистские тезисы О'Брайена

Делая акцент на роли войны в воздухе и на море, а также количестве ресурсов, которые Германия (65,2% от общего военного производства в июле 1944 г.) и Япония (83,2% в 1944 г.) выделяли на строительство авиации и флота, О'Брайен стремился опровергнуть представление о решающем характере сухопутных сражений на советско-германском фронте для исхода Второй мировой в целом. Исследователь призывал перенести внимание с собственно

боевых действий на фронтах в сферу анализа экономики Германии, полагая, что бомбардировки с воздуха и морская блокада, главную роль в которых играли США и Великобритания, заставляли рейх тратить основные ресурсы на противодействие западным державам. Он считал, что непосредственные материальные потери на советско-германском фронте были значительно меньше того, что «недопроизвела» немецкая экономика в результате англо-американских действий. О'Брайен не останавливался на этом и склонялся к мысли, что «без западной помощи СССР почти гарантированно проиграл бы немцам», американцы же и британцы, «вполне вероятно, победили бы немцев и без советской поддержки» [O'Brien 2000, pp. 108, 110].

Однако с критикой концепции О'Брайена выступил Харрисон. Он справедливо подчеркнул, что невозможно недооценивать роль «территориального фактора» и сухопутной войны в целом, значение людских потерь и фактора морально-психологического состояния. Харрисон отметил особенность военно-промышленных комплексов стран антигитлеровской коалиции, в определенной степени дополнявших друг друга, и фактор межсоюзного военно-технического взаимодействия [Harrison 2015]. Военно-воздушная и военно-морская мощь США и Великобритании были усилены сухопутной мощью СССР, хотя распределение жертв и бремени войны, безусловно, не было равномерным [Магадеев 2020]. Несмотря на работу О'Брайена, традиционная точка зрения о том, что «с момента нападения нацистской Германии на Советский Союз летом 1941 г. было ясно, что Восточный фронт приобрел решающее [*critical*] значение в войне», сохраняет свою актуальность не только в современной российской, но и в англоязычной историографии [MacMillan 2019, p. 26].

Заключение

Таким образом, многие из важных исследовательских параметров в оценке «коренного перелома» остаются предметом дискуссий в современной историографии. Стремление отодвинуть его начало к более ранним стадиям Второй мировой войны (осень – зима 1941 г.) соседствует с расширением его хронологических рамок до более 1,5 лет (ноябрь 1942 г. – июнь 1944 г.). Традиционный тезис о том, что ключевую роль в определении исхода войны сыграли сухопутные сражения на советско-германском фронте 1942–1943 гг., соседствует с уже встречавшейся, но обновленной концепцией о решающей роли «войны в воздухе» и морской блокады.

Многое из обозначенных дискуссий указывает на сохраняющуюся актуальность обобщающих исследований истории Второй мировой войны; работ, которые совмещали бы различные национальные ракурсы и были нацелены на воссоздание полноценной картины «тотальной» и «глобальной войны» [A World at Total War 2005]. Современные дискуссии по вопросам о содержании и хронологии «коренного перелома» кое-что говорят и о более общих процессах в развитии историографии – о влиянии идей современников на позднейшие исследования; о том, что ревизионистские концепции, если они не являются очевидно ангажированными, могут способствовать дальнейшему развитию историографии; о необходимости для исследователя сохранять критический настрой и подвергать скрупулезному анализу не только взгляды других авторов, но и свои собственные.

Литература

- Великая Отечественная война 2012 – Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 3 / Ред. комиссия: В.П. Баранов и др. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
- Данилов 2014 – *Данилов В.Н.* Коренной перелом в Великой Отечественной войне: подходы и суждения в историографии проблемы // Известия Саратовского университета. Сер. «История. Международные отношения». 2014. Т. 14. № 2. С. 32–38.
- Магадеев 2020 – *Магадеев И.Э.* Коренной перелом: содержание и хронология // Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2020. С. 277–288.
- Падерин 2013 – *Падерин А.А.* Сталинградская битва в зеркале западной историографии // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2 (29). С. 95–106.
- Печатнов, Магадеев 2015 – *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: Документальное исследование. Т. 1. М.: Олма медиа групп, 2015. 656 с.
- Самсонов 1988 – *Самсонов А.М.* Память минувшего: события, люди, история. М.: Наука, 1988. 408 с.
- A World at Total War 2005 – A World at Total War: Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937–1945 / Ed. by R. Chickering, S. Förster, B. Greiner. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 408 p.
- Bell 2011 – *Bell Ph.M.H.* Twelve Turning Points of the Second World War. New Haven: Yale University Press, 2011. 288 p.
- Brogan 1964 – *Brogan D.* American Aspects. New York: Harper & Row, 1964. 195 p.

- Grove et al. 2003 – *Grove P.D., Grove M.J., Finlan A.* The Second World War. Vol. 3. New York: Osprey Publishing, 2003. 96 p.
- Hammond 2012 – *Hammond B.* El Alamein: The Battle that Turned the Tide of the Second World War. London: Osprey Publishing, 2012. 328 p.
- Harrison 2015 – *Harrison M.* World War II: Won by American Planes and Ships, or by the Poor Bloody Russian Infantry? // Warwick Economics Research Paper Series. 2015. No. 1077. P. 1–8.
- MacMillan 2019 – *MacMillan M.* Political Prima Donnas: How Leaders of the Great Powers Wrote to Each Other // Times Literary Supplement. 2019. June 21. P. 26.
- O'Brien 2000 – *O'Brien Ph.P.* East versus West in the Defeat of Nazi Germany // Journal of Strategic Studies. 2000. Vol. 23. P. 89–113.
- O'Brien 2015 – *O'Brien Ph.P.* How the War Was Won: Air-Sea Power and Allied Victory in World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 640 p.
- Overy 1996 – *Overy R.* Why the Allies Won. London: W.W. Norton & Co., 1996. 416 p.
- Reynolds 2005 – *Reynolds D.* In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War. New York: Random House, 2005. 655 p.
- Vaichourdt 2015 – *Vaichourdt N.* 1942–1943: les débats stratégiques entre les Alliés // 1937–1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. T. 1. Paris: Gallimard, 2015. P. 367–408.
- Wegner 2001 – *Wegner B.* The War against the Soviet Union 1942–1943 // Germany and the Second World War. Vol. 6 / Ed. by Militärgeschichtliches Forschungsamt. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 843–1217.
- Wegner 2017 – *Wegner B.* From Stalingrad to Kursk // Germany and the Second World War. Vol. 8 / Ed. by K.-H. Frieser. Oxford: Clarendon Press, 2017. P. 7–80.
- Weinberg 1995 – *Weinberg G.* A World at Arms: A Global History of World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1197 p.

References

- Baranov, V.P., et al. (eds.) (2012), *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov* [The Great Patriotic War of 1941–1945], in 12 vols., vol. 3, Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Bell, Ph.M.H. (2011), *Twelve Turning Points of the Second World War*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Brogan, D. (1964), *American Aspects*, Harper & Row, New York, USA.
- Chickering, R., Förster, S. and Greiner, B. (eds.), *A World at Total War: Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937–1945*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Danilov, V.N. (2014), “The turning point in the Great Patriotic War: historiographical approaches and conceptions”, *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 14, no. 2, pp. 32–38.

- Grove, P.D., Grove, M.J. and Finlan, A. (2003), *The Second World War*, vol. 3, Osprey Publishing, New York, USA.
- Hammond, B. (2012), *El Alamein: The Battle that Turned the Tide of the Second World War*, Osprey Publishing, London, UK.
- Harrison, M. (2015), "World War II: Won by American Planes and Ships, or by the Poor Bloody Russian Infantry?", *Warwick Economics Research Paper Series*, no. 1077, pp. 1–8.
- Magadeev, I.E. (2020), "The turning point: contents and chronology", in Belousov, L.S. and Manykin, A.S. (eds.), *Vtoraya mirovaya voina i transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru* [The Second World War and the international transformations: from multipolarity to the bipolar world], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 277–288.
- MacMillan, M. (2019), "Political Prima Donnas: How Leaders of the Great Powers Wrote to Each Other", *Times Literary Supplement*, 21 June.
- O'Brien, Ph.P. (2000), "East versus West in the Defeat of Nazi Germany", *Journal of Strategic Studies*, vol. 23, pp. 89–113.
- O'Brien, Ph.P. (2015), *How the War Was Won: Air-Sea Power and Allied Victory in World War II*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Overy, R. (1996), *Why the Allies Won*, W.W. Norton & Co, London, UK.
- Paderin, A.A. (2013), "Stalingrad battle in the mirror of the Western historiography", *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 2 (29), pp. 95–106.
- Pechatnov, V.O. and Magadeev, I.E. (2015), *Perepiska I.V. Stalina s F. Ruzvel'tom i U. Cherkhillom v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: Dokumental'noe issledovanie* [Correspondence of I.V. Stalin with F. Roosevelt and W. Churchill during the Great Patriotic War. Documental research], vol. 1, Olma media grupp, Moscow, Russia.
- Reynolds, D. (2005), *In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War*, Random House, New York, USA.
- Samsonov, A.M. (1988), *Pamyat' minushego: sobytiya, lyudi, istoriya* [The memory of the past: events, people, history], Nauka, Moscow, Russia.
- Vaicourdt, N. (2015), "1942–1943: les débats stratégiques entre les Alliés", in Aglan, A., et Frank R. (eds.), *1937–1947: la guerre-monde*, vol. 1, Gallimard, Paris, France, pp. 367–408.
- Wegner, B. (2001), "The War against the Soviet Union 1942–1943", in Militärgeschichtliches Forschungsamt (ed.), *Germany and the Second World War*, vol. 6, Clarendon Press, Oxford, UK, pp. 843–1217.
- Wegner, B. (2017), "From Stalingrad to Kursk", in Frieser, K.-H. (ed.), *Germany and the Second World War*, vol. 8, Clarendon Press, Oxford, UK, pp. 7–80.
- Weinberg G., (1995), *A World at Arms: A Global History of World War II*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Информация об авторе

Искандэр Э. Магадеев, кандидат исторических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76; iskander2017@yandex.ru

Information about the author

Iskander E. Magadeev, Cand. of Sci. (History), Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119454; iskander2017@yandex.ru

УДК 327.54

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-22-36

The depiction of the Great Patriotic War on American television during the Second Red Scare

Michael A. LoSasso

*University of South Florida, Tampa, Florida,
United States of America, losassom@usf.edu*

Abstract. This article analyzes the portrayal of the Eastern Front of World War II on early American television, specifically the documentary anthology series *The Twentieth Century*. It explores how most early portrayals of World War II on television excised or minimized the Eastern Front in response to the Second Red Scare. Although *The Twentieth Century* was one of the first to display the Eastern Front in detail, its portrayal paralleled Cold War propaganda of the Soviet Union and its people. This work analyzes three episodes of the series devoted to the Soviet Union's role in the war and notes how each utilized certain traits of U.S. anti-communist propaganda. Other matters considered are the mediators in the crafting the display of the war and the way the history was presented to satisfy the interests of the sponsor and the network. It concludes that the presentation of the Soviet people responded to Cold War imperatives with episodes produced in times when tensions were high having sharper criticism, whilst periods of eased relations leading to less propagandistic depictions.

Keywords: Cold War, World War II, television history, media history, propaganda, documentary

For citation: LoSasso, M.A. (2021), "The depiction of the Great Patriotic War on American television during the Second Red Scare", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 22–36, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-22-36

© LoSasso M.A., 2021

Изображение Великой Отечественной войны на американском телевидении в период второй «красной паники»

Майкл А. Лосассо

*Университет Южной Флориды, Тампа, Флорида, США,
losassom@usf.edu*

Аннотация. В статье анализируется изображение Восточного фронта Второй мировой войны на раннем американском телевидении, в частности в документальном сериале-антологии «Двадцатый век». Автор исследует, как в результате второй «красной паники» самые первые изображения Второй мировой войны на телевидении сокращали или сводили к минимуму роль Восточного фронта. Хотя «Двадцатый век» стал одной из первых работ, в которых Восточный фронт был подробно показан, его изображение соответствовало американской пропаганде в отношении Советского Союза и его народа времен холодной войны. В статье анализируются три эпизода сериала, посвященные роли Советского Союза в войне, и отмечается, как в каждом из них использовались определенные элементы антикоммунистической пропаганды США. Среди других рассматриваемых вопросов – то, какие средства применялись для изображения войны и как была представлена история для удовлетворения интересов спонсора и телеканала. Делается вывод о том, что представление о советских людях отвечало императивам холодной войны: в сериях, создававшихся во времена повышенной напряженности, содержится более резкая критика, в то время как в периоды улучшения отношений изображение событий становится не столь пропагандистским.

Ключевые слова: холодная война, Вторая мировая война, история телевидения, история СМИ, пропаганда, документальный фильм

Для цитирования: LoSasso M.A. The depiction of the Great Patriotic War on American television during the Second Red Scare // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 22–36. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-22-36

Introduction

At 6:30P.M. April 19th, 1959 anyone turning their television dials to CBS would have been greeted by German dictator Adolf Hitler delivering a speech. In seconds, the Fuhrer's voice fades as an off-screen narrator explains, "To him it is the city of Stalin, its very name an affront, infuriating, and he vows that no human being shall push us away from

that spot". The screen dissolves from Hitler to Soviet dictator Joseph Stalin also delivering a speech. The narrator continues, "To him it is his city controlling the Volga and 'Mother Russia'; and he orders Stalingrad must be held at any price". Dissolve again to the two men, now side by side in split-screen, as if facing one another as the narrator remarks "two dictators, Russia's Joseph Stalin and Germany's Adolf Hitler, make this battle of half a million men their personal death struggle here in this city". The image fades out to reveal narrator, CBS News anchor Walter Cronkite who announces, "This our story 'Stalingrad' – As the Prudential Insurance Company of America presents *The Twentieth Century*"¹.

This was the beginning of the last episode of CBS's popular documentary anthology series *The Twentieth Century*'s second season. Enrapturing audiences with its stark footage of the Battle of Stalingrad, this would be the first program to detail the battle on American television. Its chronicle was some of the first images Americans saw of the Eastern Front since the war, but presented through the filter of Cold War axioms which skewed the portrayal.

This article examines how the Soviet Union and the Eastern Front of World War II were portrayed on early American television through an analysis of three episodes of the CBS documentary series *The Twentieth Century*. *The Twentieth Century* produced the first American television programs on the Eastern Front for a national audience. This side of the war was largely excised from the American media due to the strictures of the Red Scare even as media of World War II flourished in mid-century America. Although the series broke a taboo in its display of the Eastern Front, its presentation aligned with prevalent anti-Communist propaganda, particularly the relation of communism to Nazism and the distinction between the Soviet leadership and the larger populace. These portrayals promoted the Anti-Communist ideological precepts that permeated through the United States in the 1950s through the early-1960s. However, as relations between the two superpowers began to shift by the mid-1960s, so too did their portrayals in the war as evidenced in the later episode "Leningrad" which presented a less propagandistic portrayal of the Soviet Union and its people.

The examinations offered here on the Cold War ideology propagated in television depictions of World War II fills a significant gap in the scholarship on Cold War culture and television history. While Tom Engelhardt and Peter C. Rollins have written about how war-documentaries promoted an image of a strong, noble America in relation to Cold War directives, neither detail the depiction of the Soviet Union in the early television documentaries. This work sheds light upon the

¹ Stalingrad. New York: CBS, Apr. 19, 1959.

skewed presentation seen on early American television in line with types of anti-communist propaganda examined in Cydney Hendershot's *Anti-Communism and Popular Culture in Mid-Century America* (2003). While there has been little analysis on the presentation of the Soviets in the war on American television, *The Twentieth Century* offered the most comprehensive look at the war on the Eastern Front since World War II's conclusion through presentations which reverberate Cold War themes. It supports the thesis of Ronald Smelser and Edward J. Davis' *The Myth on the Eastern Front* (2017) of how the history of the Eastern Front played into Cold War animosities by villainizing the Soviets and humanizing the Germans. Furthermore, it argues the importance of *The Twentieth Century* in television history and as an influencer of public opinion. The series' reach has been largely absent from scholarly works on the history of television outside of Jack C. Ellis and Betsy A. McLaine's *New History of Documentary Film*, despite being the longest running documentary series of its kind, while its popularity and critical acclaim made it an important propagator of the war narrative.

The Twentieth Century

The Twentieth Century was one of the most successful documentary-based series ever made. Lasting nine seasons from the fall of 1957 until its cancellation in 1966, the show aired twenty-six original programs each season along with twenty-six re-runs viewed by roughly thirty million people a week. Hosted by news anchor Walter Cronkite, the series was commanded by producers Burton Benjamin and Isaac Kleinerman who oversaw the production of 205 of its 219 programs². Its concept as a documentary account of the twentieth century gave it a flexibility to cover a variety of topics both contemporary and historical, so long as there was enough available film to fill its 30-minute run-time. Film theorist William Bluem notes that the series pushed the format further, being one of the first continuing series to incorporate on and off camera interviews into their historical documentaries which gave them a "you-are-there" aspect [Bluem 1965, p. 169]. The series was considered a bright spot in public affairs programming with its broad appeal and concise, yet exciting presentation as evidenced in its two Primetime Emmy Awards, a Peabody Award, and other prizes received throughout its run³.

² *The Twentieth Century* (Nine Year Report: 1957–1966). CBS News, n.d. – Sec. 1, p. 1. Wisconsin Center for Film and Theater Research. F. (Burton Benjamin Papers, 1957–1988). D. U.S. Mss74AF Ed. 14. No. 6.

³ *Ibid.*

Throughout its nine-year run, the show regularly turned to World War II for topics. Of the series' 112 historical episodes, 58 dealt with the war. "Besides their dramatic potential and the availability of footage", notes series chronicler Richard C. Bartone "World War II compilations dominate the series because of their national and international importance" [Bartone 1985, p. 90]. Indeed, the World War II episodes garnered high ratings. The series also benefited from its anthology format which allowed it to examine diverse aspects of the war, as opposed to just one branch of service or campaign as preceding documentary series like *Victory at Sea* had. It aired biographies of prominent figures like General George Marshal and lesser-known ones like General Andrey Vlasov as well as accounts of battles and miscellaneous topics like the internment of the Japanese Issei. It would devote six-episodes to the Eastern Front of World War II and be the first American television series to detail the Nazi-Soviet conflict.

World War II on television

On television the war was largely seen in the form of documentaries. While action or comedy-oriented series set during the war like *Combat!* (1962–1967) and *Hogan's Heroes* (1965–1970) dominated television by the mid-1960s, the war documentary was the primary form of presenting the war on television from the late 1940s through the early 1960s [Doherty 1993, p. 211]. NBC's series *Victory at Sea* (1952–1953) which detailed the triumphs of the Allied naval campaign, is the exemplum of how the war was presented to Americans, whether reliving the war or seeing it for the first time in their living rooms. Each episode was edited to make the campaign resemble a cinematic thriller, with plenty of gun fire and troop movements accompanied by Richard Rodgers rousing score as Leonard Graves' narration guided viewers through the campaign.

These documentary renditions of World War II were more than historical accounts of the war, they were laudatory epics of American strength that acted as surrogates of Cold War ideology. The presentation of the United States' as an innocent power that liberates the world from the forces of despotism and totalitarianism through its military might, the savvy of its commanders, and the fortitude of its people reinforced Cold War notions of vigilance and strength against communist inversion. Film historian Thomas Doherty notes in his work *Projections of War: Hollywood, American Culture, and World War II* how the war's appeal "wasn't merely the attraction of adventure, romance, or high melodrama, but the consolation of closure and serenity of moral certainty"

[Doherty 1993, p. 271]. In one episode of *Victory at Sea*, the narrator described the purpose of the Pacific campaign as such: “From island to island, continent to continent, the children of free peoples move the forces of tyranny are no more” [Rollins 2003, p. 103–122, 107].

Television depictions of the war mirrored Hollywood in minimizing mention of the Eastern Front and the Soviet Union as allies due to the Cold War. Historians Ronald Smelser and Edward J. Davies note how when relations with the Soviet Union changed after the war, “it was important to erase at least some aspects of the recent war from public memory and revise the terms of discussion of other aspects, particularly with regard to our new enemy – the former ally – the Soviet Union” [Smelser, Davies 2008, p. 2]. The resulting Red Scare led both networks and advertisers to reject any subject it considered pro-Communist. Films like *Mission to Moscow* (1943), *The Song of Russia* (1944) and even *Ninotchka* (1939) were aired with caution by the networks and local stations while the Pro-Soviet World War II film *The North Star* (1943) was re-titled and re-edited to lessen its praise of the Russians. In *Victory at Sea*, the Soviet Union is only shown in three of the series’ twenty-six episodes and only one battle mentioned by name [MacDonald 1985, p. 124].

The availability of footage was another factor in the exclusion of the Eastern Front in documentaries. No American cameramen were present at key battles and Cold War relations prevented the acquisition of film from most of Eastern Europe. Researchers had to make do with German-shot or captured Soviet footage, largely in West German and British archives or consult private collectors. When *The Twentieth Century’s* Mel Stuart inquired Soviet authorities about footage from a Soviet documentary on the Battle of Stalingrad he had seen during the war, he was informed those films were “obsolete” and rebuffed⁴.

A wide network of connections to film archives and private collections around the world provided the coveted footage of the Eastern Front. For “Stalingrad” Mel Stuart spent six months scouring repositories in Germany and Washington D.C. for appropriate footage of the German side and acquired the Soviet documentary he remembered from two private film collections. The ability of the series’ production crew in locating footage reinforcing Kleinerman’s belief that if there is a “body of film” to make a program practical pursue it⁵.

⁴ Twentieth Century Scours U.S. and Germany for Stalingrad Films the Russians Call Obsolete. CBS Television Network Press Release, April 6, 1959. Wisconsin Center for Film and Theater Research. F. (Burton Benjamin Papers, 1957–1988). D. U.S.Mss74AF Ed. 2. N. 12.

⁵ Film Bloodhounds Find Intriguing, Forgotten Shots // Victoria Advocate. 1959. March 1. P. 76.

Cold War “mediators”

Despite Kleinerman’s adage, there was more to the selection of programs than if there was enough footage available. *The Twentieth Century*, despite being a critical and commercial hit for the network and sponsor, was subject to certain Cold War strictures pervasive in the American television industry from the early 1950s to the mid-1960s. The series’ sponsor the Prudential Insurance Company of America and the CBS vice-president of Public Affairs programming held the right of approval over the topics presented on the series and as such held considerable sway in the show’s content. Each year Burton Benjamin and Isaac Kleinerman would submit a “formal list” of 36 possible subjects for programs for consideration to the CBS head of Public Affairs (Irving Gitlin until 1961 then Sig Mickelson), before sending it on to Prudential [Bartone 1985, p. 86]. Prudential had the right to deny any idea they deemed ill-suited to their interests as well as the privilege to recommend program ideas of their own. Henry M. Kennedy, Prudential’s Vice-President of public relations and advertising, described this arrangement as such to the Federal Communications Commission (FCC):

They will present us with a lot of ideas. We will usually go through them and we will say: “This looks pretty good; we have our doubts about this”, or once in a while we will say, “We do not think this is a good show”. Perhaps they can convince us that it is⁶.

While CBS maintained “ultimate responsibility” for the “programming fare”, their executives conceded that advertisers did “influence both entire programs and elements within programs”⁷.

However, Benjamin and Kleinerman managed to overcome these mediators thanks to its sterling reputation and ability to avoid controversy through a prescribed narrative structure which sought to “mirror” the established historical narrative instead of challenging it [Bartone 1985, p. 119]. Such was accomplished through a strict practice of crafting each episode around a theme or point of view which prescribed the rendition of history decided upon at the beginning of production by the Benjamin and Kleinerman. The resulting programs were thus crafted to reinforce popular perception and the official line espoused

⁶ Federal Communications Committee. Second Interim Report by the Office of Network Studies: Television Network Program Procurement Part II. Washington DC: US Government Printing Office, 1965. P. 388.

⁷ Ibid. P. 233.

by the U.S. government instead of directly challenging it which made the series largely non-controversial in its presentation of history as well as hot-button contemporary issues. This led the network and its sponsor (Prudential Insurance) to give Benjamin and Kleinerman a largely freehand.

Furthermore, a depiction of one of the most infamous battles of the Eastern Front was a timely subject of interest in 1959. Although Cold War tensions were high with the launch of Sputnik in 1957, the subsequent positioning of nuclear missiles in Western Europe, and crises in Lebanon and Taiwan in 1958; there was an increasing cultural dialogue between the superpowers. The signing of the Exchange in the Cultural, Technical, and Educational Fields Agreement – better known as the Lacy-Zarubin Agreement – facilitated the exchange of cultural products like films, music, and scholarly works. At the same time high-profile visits to the Soviet Union were made by such figures as Eleanor Roosevelt, Adlai Stevenson, and Senator Hubert Humphrey whilst Soviet vice premier Anastas Mikoyan and Frol Kozlov made tours of the United States. Furthermore, a rising amount of works on life in the Soviet Union, most notably former NBC Moscow correspondent Irving R. Levine's *Main Street USSR*, inspired a new interest in the people of the Soviet Union and their history. As cultural historian Jennifer M. Hudson concludes, the rise in cultural exchanges helped stoke “reciprocal curiosity at the grassroots level” as the “Rhetoric of coexistence overshadowed talks of hegemony – an indication that cultural detente could exist alongside political tensions” [Hudson 2019, p. 151]. This cultural reciprocity would reach a zenith in 1959 with the Soviet Exhibition in New York City in June [two months after the premiere of “Stalingrad”], the American Exhibition in Moscow in July and Nikita Khrushchev's visit to the United States in September. These exchanges birthed a renewed hope for peace, dubbed “the spirit of Camp David”, after Khrushchev's sojourn with Eisenhower at the Presidential get-away, at the end of 1950s [Rosenberg 2005, p. 223]. A documentary on one of the defining battles of the Soviet Union in World War II was bound to garner attention, as is evidenced by CBS's publicizing the program with four different press releases and various write-ups.

Anti-communism in television

Although a bold move to present the war in the East, the series' portrayal of the Soviet Union was couched in anti-communist precepts that had permeated popular culture since the late 1940s. Media scholar Cydney Hendershot notes how during this period, “Suspicion of and

hatred for Communism, and especially Soviet Communism, formed the backdrop of Cold War politics” while popular culture aided in interpreting the threat [Hendershot 2003, p. 144]. Being particularly vulnerable to government regulation, the medium was quick to fall in line with popular attitudes and official lines of thinking. American television, in the words of J. Fred MacDonald, “flooded the culture with politicized rhetoric that, rather than reason with viewers, bombarded them with anti-Communist platitudes” [MacDonald 1985, p. 105].

One way it did this was by relating Soviet communism to Nazi fascism as “Red Fascism.” On television, this link was illustrated largely in documentaries. These included overt anti-communist programs on the rise of the Soviet Union like NBC’s “Nightmare in Red” (1954) to later specials in its *White Paper* series “The Death of Stalin” (1962) and “The Rise of Khrushchev” (1962) which depict the country’s leaders relying on ideology, repression, and personality to jockey for control like the Axis leaders of World War II. Even an UpJohn, sponsor of the program “Who Goes There? A Primer on Communism”, commercial draws parallels between the Axis powers and the Soviet Union. It displays a series of extreme closeups of Hitler, Tojo, and Stalin in tangent while a narrator describes America as a healthy and prosperous nation “thanks in part to the men who weren’t shouting or marching, but just working quietly at Upjohn, hoping in their way to change things” [Curtin 1995, p. 48].

“Stalingrad”

The relation of communism and fascism through its leaders is apparent in the opening of “Stalingrad” which presents Hitler and Stalin side by side. The positioning of the two leaders – totalitarians, embodiments of their respective governments who led thousands to death for their megalomania – implies the two men are one in the same. Such imagery likens the leadership of Stalin to that of the Axis leaders, inviting the viewer to compare the Communist world to the legacy of fascism, America’s past foe with its present.

Most of the program that follows, proceeds as a compact history of the battle and its brutal conditions with the two sides portrayed even-handedly. It is in the final minutes on the aftermath of the battle that the Cold War reemerges. After the German surrender of February 2, 1942, Cronkite dubs the victory the turning point in the war on the Eastern Front, “decisive as Marne, Verdun, and the Battle of Britain”, but reminds viewers, “From this point on the Russian Army will move constantly westward to the Danube, the Odor, and the Elbe. With it will march Soviet communism and the torments of a divided postwar world”, as a

shot of a Soviet tank rolls westward through the snow. The program cuts to the arrival of one man, a man Cronkite calls “an important functionary in the Ukraine and virtually unknown outside of Russia”, this man “will later direct communism’s destinies – Nikita Khrushchev”⁸.

Here the program connects the viewer of the present to the war. The viewers’ mind would likely turn to domination of Eastern Europe and the Soviet suppression of the Hungarian Uprising a year previously. The appearance of Khrushchev further reinforces this. As Michael Heller and Steven Barson point out in their history of anti-communist propaganda and popular culture, by the late 1950s, “Khrushchev had taken on the aspect of King Kong, a fearsome monster who ‘brought half the world to its knees!’” [Barson, Heller, p. 116]. The scene thus informs the viewer the ills of the contemporary Cold War are rooted in the Soviet victory.

“Stalingrad” furthers the notion of Soviet oppression with its ending depicting lines of cold, bandaged, poorly clothed German prisoners marching through the snow as Cronkite informs the viewer, “123,000 Germans, less than half of fortress Stalingrad, lived to be captured. Of these, 50,000 die on the road to Siberia or typhus ridden Russian prison camps. Since the war fewer than 5,000 have been returned to Germany. It is unlikely that any more will return”⁹. An ending which reinforces the perception of the Soviets as brutal conquerors. TV Keys, a team of critics used by several newspapers, said as much in their review noting it was, “hard in retrospect to remember how America’s heart went out at the time to ‘our brave allies’”¹⁰.

“Partisan: The Nazi-Soviet War”

The next portrayal of the Eastern Front by *The Twentieth Century* came on February 11, 1962 with the episode “Partisan: The Nazi-Soviet War”. Unlike “Stalingrad”, this episode takes a more expansive view, beginning with the Nazi-Soviet Non-Aggression Pact of August 1939 and ending with the German retreat of late 1941 with a focus on the rise of the partisan guerrilla fighters whilst highlighting the atrocities of the Stalin regime.

By 1962, animosities between the United States and Soviet Union were flaring from multiple events that ended the “Thaw” period of the

⁸ Stalingrad. New York: CBS, Apr. 19, 1959.

⁹ Ibid.

¹⁰ TV Keys. *The Twentieth Century: “Stalingrad”* // *Herald and Review*. 1959. Apr. 19. P. 48.

Cold War. The downing of a U-2 spy-plane's flight over Russia in May 1960 proved American spying efforts, despite Eisenhower's initial denial. His subsequent refusal to apologize sabotaged the goodwill fostered from Khrushchev's visit to the United States. These tensions were soon heightened by the alignment of Cuba to the Soviet Union under Fidel Castro and the Berlin Crisis of 1961, where American and Soviet tanks faced each other over the occupational status and partition of Germany. Only a weeks after the Berlin Wall was erected, Khrushchev broke a three-year Soviet-American moratorium on nuclear bomb testing which climaxed with the detonation in November of a 58-megaton bomb, 3,000 times more powerful than the one dropped on Hiroshima [LaFeber 2002, p. 220–224]. Tensions between the two-superpowers were flaring up.

Such animosity permeated American popular culture, especially on television. The Kennedy Administration made it known to networks and syndicators their desire for more programming to promote their foreign policy initiatives culminating Federal Communications Commissioner Newton Minow's infamous "vast wasteland speech" of May 9, 1961. Broadcasters responded with a record number of documentaries that aimed to enlighten Americans on issues within the nation and world, many tinged with anti-communist prerogatives. The 1961–1962 television season, in which "Partisan" premiered, witnessed the airing of an unprecedented 46 documentaries on the big three networks, most with an anti-communist slant. These included examinations of issues like the ongoing Berlin Crisis in "Khrushchev and the Wall" (NBC) and illustrations of the dangers of communist influence like "Red Heresy" (ABC) and "The Hot and Cold War's of Allan Dulles" (CBS) [Curtin 1995, p. 263–264]. Such programming stressed the duplicity of the Soviet government and their totalitarian ambitions, while highlighting the tragic toll of these ambitions [MacDonald 1985, p. 188–190]. *The Twentieth Century* added to this stream of thought with its telling of the prelude and aftermath of the German invasion of the Soviet Union.

The program describes the Nazi-Soviet Non-Aggression Pact as "an uneasy bargain with Hitler" made by Stalin who now, "makes plans for war". The program cuts to images of battle as Stalin begins the Winter War of 1940 while fueling the Nazi war machine with Soviet goods. The viewer watches sacks of grain and train cars of oil sent to Germany as Cronkite explains, "The Soviet breadbasket is plundered by Stalin to pay off the political debt" to "fuel Hitler's panzers already poised to attack the West" whilst "every part of Russia is deprived of food". It cuts to November 1940 where Stalin has sent his Minister of Foreign Affairs Vyacheslav Molotov, "a hearty Bolshevik", to "insist that Hitler acknowledge Russia's dominance in Eastern Europe as the 'Reds' have

already annexed Estonia, Latvia, and Lithuania. This again highlights Fascist-Communist equivalency with Molotov's words used to show the two as equals while by detailing the Soviet complicity in the sufferings of World War II. Stalin and other "hearty Bolsheviks" helped start the war, supply the Nazis, and annex free countries as the Nazis had in Western Europe¹¹.

"Partisan" utilizes another aspect of anti-Soviet propaganda to greater effect: the separating the people of the Soviet Union from the government. While Stalin and his aides are condemned for their actions, the people at large presented as prisoners of the communist system and its leaders' terror. As the German Army moves further inward through Ukraine, Belorussia, Latvia, and Lithuania, the episode notes how hundreds of thousands, "Fanatically hating the Stalin regime, gladly surrender, and are ready to cooperate with the Germans in any way." The narration details how, "Ukrainians, Cossacks, Moslems, and other minorities at last can voice their resentment of Stalin. Millions horrified under communism welcome their conquerors as liberators". Footage of crowds waving and saluting passing German soldiers, throwing flowers and openly embracing Nazi soldiers is accompanied by people destroying monuments to Lenin and Stalin, which Cronkite calls "symbols of tyranny"¹². This reinforces Michael Curtin's conclusion on the style of anti-communist documentary of the early 1960s:

the 'effects' of these programs were not limited to what they had to say about particular places or events but included how they positioned these elements in relation to other elements, drawing attention to some things while obscuring others [Curtin 1995, p. 39].

According to the program it is only Hitler's order of mass-enslavement and persecution of the "racially inferior Slavs" what the program dubs, "Hitler's most fatal blunder", that led the people to take up arms, for their "homeland" and their "lives". This creates the partisan forces which sabotaged the Nazi war machine and turned the tide of the war. The episode makes it clear that the Soviet partisan guerrilla fighters are not Communists. Cronkite calls the civilian soldiers "minute men", like those in the American Revolutionary War, with the only semblance of government support stated in the program is the commissars dropping ideology to urge people to fight, "not for communism, but for Mother Russia"¹³.

¹¹ Partisan: The Nazi-Soviet War. New York: CBS, Feb. 11, 1962.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

“The Siege of Leningrad”

The Twentieth Century would address the Eastern Front in another four programs between 1962 and 1965, the most notable is “The Siege of Leningrad” which premiered on February 28, 1965. It was the first program made with footage from the Soviet archives [Bartone 1985, p. 163] which offers a grand display of the struggle for survival in the city’s 880-day siege¹⁴. Unlike the previous entries, the program is free of the anti-communist trappings of its predecessors; instead focusing on the plight of Leningrad’s citizens, victims of the German war machine, who suffer over a million losses in the siege yet never give up. The viewer sees the damage of the German bombardment, children pulling sleds of dead bodies through the snow, and women receiving their minuscule bread ration, which is made partly from tree bark, cotton seed, or moldy grain salvaged from sunken ships. Here the audience is not reminded of the atrocities of the Stalin regime or the Soviet occupation of Eastern Europe, only of the people’s indefatigable will to survive¹⁵. One review echoed such sentiment, noting how the program “is built around the Russians’ inexhaustible spirit, in temperatures 50 degrees below zero, to keep their city free”¹⁶.

Such depiction is the result of the easing of U.S.-Soviet relations by the mid-1960s. The Cuban Missile Crisis of October 1962 spurred a reappraisal of the maxims of Mutually Assured Destruction while reinforcing the need for better communication between the two nations. This spawned legislation like the Nuclear Test Ban Treaty of 1963 which in turn was complimented by a new look at the Soviet Union in the media. Hendershot notes how the move towards attempting peaceful coexistence by the two governments translated into a “gradual humanizing of American images of Russia” [Hendershot 2003, p. 143]. These emphasized the people and their similarities with Americans, whether students or housing communities, while the government leaders are shown heralding cooperation and co-existence, not nuclear superiority.

American television was also going to the USSR to bring Americans a comprehensive look at life in the Soviet Union. The fall of 1965 NBC broadcast a half-hour news report on the personalities and political at-

¹⁴ Isaac Kleinerman, with the help of CBS’s Moscow correspondent Stuart Novins, negotiated the purchase of the 58-minute Soviet documentary *The Bastion of Neve* and available outtakes from the State Committee of Radio and Television, which was re-edited into the episode.

¹⁵ *The Siege of Leningrad*. New York: CBS, Feb. 28, 1965.

¹⁶ TV Scout. *The Siege of Leningrad* // *The News-Herald*. 1965. Feb. 20. P 0.

titudes of the Soviet Union's new leaders Leonid Brezhnev and Aleksei Kosygin. *CBS Reports* news program would air a program on a voyage down the Volga River and life in the Russian heartland for its 7th season premiere in January 1966¹⁷. *The Twentieth Century* too would go to the Soviet Union, when, after years of requests, the producers received Soviet approval and aid to film a program on student life at Moscow University for their ninth season, free of any hassle by the Soviet censors¹⁸.

Conclusion

The Twentieth Century's presentation of the Eastern Front of World War II is a prime example of how the Cold War affected the presentation of the war. Narrative framing and selective information were used portray to the Soviets in line with anti-Communist propaganda. Thus, what Americans knew about the Soviet side of the war was slanted to arouse contempt for communism and sympathy for those living under such governments. With "The Siege of Leningrad" the presentation became more neutral as relations improved between the two superpowers. Yet, *The Twentieth Century's* end and the lessening of World War II documentary on television through the late 1960s meant Americans would not get a comprehensive view of the Eastern Front until the 1970s. The eased cultural relations fostered by Détente in the 1970s spurred the production of the 1978 documentary series *The Unknown War*. This 20-episode series in the style of *The World at War* but solely about the Eastern Front, produced by a joint American-Soviet team (including Isaac Kleinerman) and made largely with footage from the Soviet central state film archive (VGIK). Reflecting the state of the Cold War it offered the Soviet perspective on the war for Americans who long knew little of the conflict.

References

- Barson, M. and Heller, S. (2001), *Red Scared: The Commie Menace in Propaganda and Popular Culture*, Chronicle Books, San Francisco.
- Bartone, R.C. (1985), *The Twentieth Century (CBS, 1957–1966) Television Series: A History and Analysis*, Ph.D. dissertation, New York University, New York, USA.
- Bluem, W. (1965), *Documentary in American Television: Form, Function, Method*. Hastings House, New York.

¹⁷ Doan R. Life in the USSR // *The Evening Review*. 1965. May 19. P. 31.

¹⁸ Byers B. Meet Ike Kleinerman: Out of the Classrooms And Off to Siberia? // *The Kingston Daily Freeman*. 1966. Feb. 19. P. 22.

- Curtin, M. (1995), *Redeeming the Wasteland: Television Documentary and Cold War Politics*, Rutgers University Press, New Brunswick, NJ, USA.
- Doherty, T.P. (1993), *Projections of War: Hollywood, American Culture, and World War II*, Columbia University Press, New York, USA.
- Hendershot, C. (2003), *Anti-Communism and Popular Culture in Mid-Century America*, MacFarland & Company, Inc., Jefferson, NC.
- Hudson, J.M. (2019), *Iron Curtain Twitchers: Russo-American Cold War Relations*, Lexington Books, New York,
- LaFeber, W. (2002), *America, Russia, and the Cold War, 1945-2000*, McGraw Hill, New York.
- MacDonald, J.F. (1985), *Television and the Red Menace: The Video Road to Vietnam*, Praeger, New York, USA.
- Rollins, P.C. (2003), “ ‘Victory at Sea’: Cold War Epic”, in Edgerton, G.R. and Rollins, P.C. (eds.), *Television Histories: Shaping Collective Memory in the Media Age*, University Press of Kentucky, Lexington, KY, pp. 103–122.
- Rosenberg, V. (2005), *Soviet-American Relations, 1953-1960: Diplomacy and Cultural Exchange During the Eisenhower Presidency*, McFarland & Company, Inc., Publishers, Jefferson, NC.
- Smelser, R. and Davies, E.J. (2008), *The Myth of the Eastern Front: The Nazi-Soviet War in American Popular Culture*, Cambridge Univ. Press, Cambridge.

Information about the author

Michael LoSasso, M.A. (History, American Studies), Ph. D. Candidate with a focus on Cold War Cultural History, University of South Florida, Tampa, FL, the United States of America; 4202 E Fowler Ave, Tampa, FL 33620, the United States of America; losassom@usf.edu

Информация об авторе

Майкл Лосассо, магистр (история, американские исследования), докторант Университета Южной Флориды, Тампа, Флорида, США; 4202 E Fowler Ave, Tampa, FL 33620, United States of America; losassom@usf.edu

УДК 327.5

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-37-54

The selective memory of US-Soviet cooperation during World War II

David Goldfield

*University of North Carolina, Charlotte, United States of America,
drgoldfi@uncc.edu*

Abstract. By the time the US formally recognized the Soviet Union in 1933, the American economy was in desperate circumstances. President Roosevelt hoped that the new relationship would generate a prosperous trade between the two countries. When Germany, Italy, and Japan threatened world peace, a vigorous “America First” movement developed to keep the US out of the international conflicts. By the time the Germans invaded Poland in September 1939, this became increasingly difficult. The US, instead, became “the arsenal of democracy” and supported the efforts of the British and, by 1941, the Russians to defeat Nazi aggression, particularly through the Lend-Lease program. Although after the war, the Soviets tended to minimize American, the residual good will from that effort prevailed despite serious conflicts. The Cold War did not become hot, and even produced scientific and cultural cooperation on occasion.

Keywords: Lend-Lease, military cooperation, public policy, Cold War, space race

For citation: Goldfield, D. (2021), “The selective memory of US-Soviet cooperation during World War II”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 37–54, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-37-54

Избирательная память об американско-советском сотрудничестве в годы Второй мировой войны

Дэвид Голдфилд

*Университет Северной Каролины, Шарлотт, США,
drgoldfi@uncc.edu*

Аннотация. К 1933 г., когда США официально признали Советский Союз, американская экономика находилась в безвыходном положении. Президент Рузвельт надеялся, что новые отношения приведут к процветающей торговле между двумя странами. В связи с угрозами миру во

© Goldfield D., 2021

всем мире со стороны Германии, Италии и Японии возникло энергичное движение «Америка прежде всего», целью которого было не допустить участия США в международных конфликтах. После того, как в сентябре 1939 г. немцы вторглись в Польшу, добиться этого было все труднее. Вместо этого США стали «арсеналом демократии» и поддержали усилия британцев, а к 1941 г. и русских по подавлению нацистской агрессии, в частности посредством программы ленд-лиза. Хотя после войны Советы были склонны преуменьшать значение Америки, остаточная добрая воля от этих усилий преобладала, несмотря на серьезные конфликты. Холодная война не стала горячей и даже порой приводила к научному и культурному сотрудничеству.

Ключевые слова: ленд-лиз, военное сотрудничество, публичная политика, холодная война, гонка в космосе

Для цитирования: Goldfield D. The selective memory of US-Soviet cooperation during World War II // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 37–54. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-37-54

It has long been an axiom among diplomatic historians that foreign policy is an extension of domestic policy. That is, political, economic, and social conditions in the US have had a significant bearing on how America views the world. This principle was apparent with US-Soviet relations during (and after) the Second World War. In order to understand the arc of that relationship, it is worthwhile to focus on US domestic interests in the global context.

The US did not recognize the Soviet Union until November 1933, sixteen years after the Bolshevik Revolution. It was among the earliest major foreign policy decisions undertaken by the administration of Franklin D. Roosevelt that had taken power in March 1933. There were good foreign policy reasons for the recognition, chief among them was the growing concern about Japanese expansion in Asia. There were also domestic considerations, particularly the severe economic problems of the US during the depths of the Great Depression. The Roosevelt administration hoped that the diplomatic move would bolster American commercial activity in the Soviet Union¹.

¹ Perkins, E.R., Churchill, R.P. and Reid, J.G. (eds.) (1952), *Foreign Relations of the United States, The Soviet Union, 1933–1939*, Government Printing Office, Washington, available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1933-39> (Accessed 09 Feb. 2021). See also: [Hoff-Wilson 1974].

For most of the next eight years, the relationship between Washington and Moscow was frosty. The Molotov-Ribbentrop Pact signed in August 1939 between the Soviets and Nazi Germany plunged the US-Soviet relationship to its lowest point since before 1933. And there it remained until June 1941.

On June 22, 1941, the German *Wehrmacht* invaded the Soviet Union thereby substantially changing the relationship between Moscow and Washington. By that point, the US, still technically neutral, was openly supplying Great Britain with ships, munitions, and other war materiel. The British were the last effective holdout against the Nazi conquest of Europe.

With the entrance of the Soviet Union on the side of the Allied forces, Americans quickly resolved to expand aid to the new ally. The Roosevelt administration, however, met resistance from lawmakers and voters who hoped to keep the nation out of the war. These opponents of Roosevelt's policies, who rallied under the banner of "America First", feared that the Germans would perceive American aid to the Soviets as a serious provocation and would, therefore, be forced to retaliate.

The America First Committee, founded in 1940, represented the culmination of agitation during the 1920s and 1930s against US involvement in international affairs. It had substantial support throughout the country. Isolationist sentiment particularly grew in the 1930s as war clouds formed over Europe and Asia. The movement brought together a disparate coalition that, for various reasons, opposed American foreign entanglements. First and foremost as a motivation for these isolationists was the bitter experience of World War I. The US had entered that war in 1917 with high ideals – America would help make the world "safe for democracy". It did not turn out that way. First, our European allies fastened a financially debilitating treaty on Germany, and second the allies seemed more interested in grabbing the colonies of the defeated forces – particularly those of Germany, Austria-Hungary, and Turkey – than in fostering a lasting peace [Churchwell 2018, Cole 1953, Nichols 2013).

Second, a Congressional committee, the Special Committee on Investigation of the Munitions Industry during the First World War convened in April 1934. Gerald Nye, a Republican Senator from North Dakota chaired the committee. The Democratic-controlled Senate eventually shut down the committee in February 1936 after Nye made some intemperate remarks about Woodrow Wilson's complicity with munitions manufacturers in generating false rumors about alleged German military intentions against the US. By heightening animosity to-

ward Germany, American involvement in the Great War became almost inevitable, Nye's committee concluded².

Dorothy Detzer, a peace activist and executive secretary of the US branch of the Women's International League for Peace and Freedom, attended the Nye hearings and wrote a memoir of her time on Capitol Hill, *Appointment on the Hill* (1948) that included some damning testimony aired in Nye's committee. "The four solemn Du Pont brothers", Detzer wrote, explained that "the corporation's profits during the First World War seemed only the good fruit of sound business". Although the Nye Committee's work was short-circuited, sufficient information emerged to reinforce the nation's isolationist and pacifist organizations [Detzer 1948, p. 169].

Equally important, during the 1930s the US was mired in major economic depression. Domestic policy, particularly providing jobs and sustenance, took precedence over any concerns about troubling events abroad. The result was that, along with European indifference, the Germans were able to rearm and the Japanese advanced their predations in Asia unencumbered.

Finally, American Firsters betrayed a strong aversion to foreigners. In 1924, the US Congress passed a new immigration law that severely restricted immigration from Southern and Eastern Europe. Immigrants from those areas were overwhelmingly Jewish or Roman Catholic. With the revival of nativist groups like the Ku Klux Klan, the general belief was that immigrants from these regions and with these religious backgrounds would not fit into American life. Worse, they could be a disruptive political force bringing with them alien ideas such as Bolshevism³.

The "America First" movement had a powerful spokesperson in Charles A. Lindbergh. By the 1930s, Lindbergh had attained iconic status as an aviator – the first solo flyer across the Atlantic in 1927, among other exploits. As Europe stumbled into war in September 1939, the Firsters threw up emotional slogans appealing to parents, such as "I Didn't Raise My Boy to be a Soldier" and "Save Our Sons".

But as early as 1935, the Roosevelt administration believed it could not remain on the sidelines with the growing aggressions of Japanese, German, and Italian military forces in Asia and Europe, respectively. In 1935, 1936, and 1937, the US Congress, at the President's urging,

²The Nye Report: Report of the Special Committee on Investigation of the Munitions Industry, U.S. Congress, Senate, 74th Congress, 2nd sess., Feb. 24, 1936, pp. 3–13, available at: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/nye.htm> (Accessed 09 Feb 2021); see also [Cole 1997, Coulter 1997].

³For a good overview of the influence of anti-immigration sentiment on public policy since the 1920s, see [Young 2017].

passed a series of Neutrality Acts. On the surface, the Neutrality Acts reinforced America's isolationist stance. The Acts allowed belligerents to purchase only nonmilitary goods from the US as long as they paid in cash and transported the goods in their own ships. As limited as they were, the Acts established the precedent of American aid to allies threatened by aggressive neighbors⁴.

The threat became reality on September 1, 1939, when German forces invaded Poland. Within days, France and Great Britain had declared war on the Axis Powers and the Second World War was underway. On September 21, 1939, President Roosevelt appeared before a joint session of Congress and announced a revision to the Neutrality Acts called "Cash and Carry". The new policy now allowed the sale of military arms and the transfer of funds to belligerents, an important escalation of American involvement in the growing European conflict [Divine 1969, pp. 5–48].

By the end of 1940, the situation in Europe was desperate. Essentially, only the British remained to fight the Third Reich. Roosevelt was the first president to make extensive use of the radio to communicate with Americans. His "Fireside Chats" brought Americans up-to-date on the economy and global events. On December 29, 1940, the President, recently re-elected to an unprecedented third term, informed listeners that their country was going to escalate its support for the British.

He had recently concluded a Destroyers-for-Bases treaty that went well beyond "Cash and Carry". Now, he asserted, the national security of the US was at stake, and the best way to remain out of the war was to vigorously support the British. He proposed to make America, "the arsenal of democracy". Roosevelt warned,

If Great Britain goes down, the Axis powers will control the continents of Europe, Asia, Africa, Australia and the high seas. <...> It is no exaggeration to say that all of us, in all the Americas, would be living at the point of a gun.

Many in the administration believed it would only be a matter of time, before the US became actively involved in the Second World War⁵.

America's aid to the allies increased with the passage of the Lend-Lease Act on March 11, 1941. The Act marked a significant departure

⁴ For an excellent discussion of the Neutrality Acts, see [Dallek 1995].

⁵ Roosevelt, F.D. December 29, 1940: Fireside Chat 16: On the "Arsenal of Democracy", Miller Center, Presidential Speeches, available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-29-1940-fireside-chat-16-arsenal-democracy> (Accessed 09 Jan 2021).

from earlier measures and was a major step toward entering the war itself. The Act would lease (not sell, as with earlier legislation) war materiel to any country deemed “vital to the defense of the United States.” Great Britain was running out of cash, so “Cash and Carry” was no longer an option. The administration framed this bold step as a defensive measure, that stronger allies would benefit the security of America. As Secretary of War Henry L. Stimson explained to the US Senate Foreign Relations Committee in February 1941,

We are buying... not lending. We are buying our own security while we prepare. <...> By our delay during the past six years, while Germany was preparing, we find ourselves unprepared and unarmed, facing a thoroughly prepared and armed potential enemy⁶.

The timing turned out well. Just a few months later, on June 22, 1941, the German army launched Operation Barbarossa, and invaded the Soviet Union. Soviet authorities, lulled by their treaty with the Third Reich, were unprepared for the assault. The US declared that the Soviet Union was eligible for Lend-Lease, and on generous terms: no interest and repayment would not begin until five years after the war was over. An appreciative Josef Stalin wrote to Roosevelt,

Your decision, Mr. President, to give the Soviet Union an interest-free credit of \$1 billion in the form of materiel supplies and raw materials has been accepted by the Soviet government with heartfelt gratitude as urgent aid to the Soviet Union in its enormous and difficult fight against the common enemy – bloodthirsty Hitlerism⁷.

By August 1941 the first war supplies were on their way to the Soviet Union. The goods were transported along one of three routes. The Arctic route was the shortest and most direct, but it was also the most

⁶ Documents Related to FDR and Churchill // National Archives, available at: <https://www.archives.gov/education/lessons/fdr-churchill> (Accessed 09 Jan 2021); Transcript of Lend-Lease Act, 1941, OurDocuments.gov., available at: <https://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=false&doc=71&page=transcript> (Accessed 09 Jan 2021). The best work on Lend-Lease is [Kimball 1969]; see also [Herring, Jr. 1969, Weeks 2010]. The statistics on US aid to Russia are derived from these latter two sources.

⁷ Josef Stalin quoted in: Franklin Roosevelt Administration: Stalin Replies to Roosevelt Letter of October 30, 1941 (November 4, 1941), Jewish Virtual Library, available at: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/stalin-replies-to-roosevelt-letter-of-october-30-1941-november-1941> (Accessed 09 Jan 2021).

dangerous as it required ships to sail past German-occupied Norway. But, of the 3,964,000 tons of goods shipped along this route (twenty-three percent of the total aid), only seven percent of the cargo was lost. Two other routes were safer and, by 1943, they were the best avenues for aid to the Soviet Union. By then, routes via the Persian Gulf through Iran, and across the Pacific from Alaska to Vladivostok were preferred to the Atlantic route to Murmansk.

The aid was significant. The Soviets received more than 14,000 American planes, 44,000 jeeps, 376,000 cargo trucks, 8,000 tractors and 13,000 tanks. In addition, the Russians received 1.5 million blankets, 331,000 liters of alcohol, 15 million pairs of army boots, 107,000 tons of cotton, 2.6 million tons of petroleum products, and, probably most important, 4.5 million tons of food supplies. This last item was especially welcome for the children. These figures do not include assistance from U.S. Russian War Relief (a private, nonprofit organization) and the Red Cross.

Support for such aid to the Soviet Union, despite its obvious benefits, was not unanimous in the US. Rumors surfaced that the Russians were trading some lend-lease aircraft to the Japanese in exchange for rubber. Japan, the story went, then used those planes against American forces in the Pacific. A thorough investigation revealed that the story was what we call today, “fake news.”

Also, William Standley, the US Ambassador to the Soviet Union, complained to his superiors often about Josef Stalin’s tendency to diminish the American contributions to the Russian war effort in public statements. In March 1943, for example, Standley charged, “It seems that the Russian government wants to hide the fact that it receives help from outside. Obviously it wants to ensure its people that the Red Army is fighting this war alone”⁸.

But such petulance was beside the point. The major objective of Lend-Lease and similar programs was to sustain the Russian war effort. The collapse of the Eastern front would be a terrible blow to the Allied war effort against the Axis powers. That was significantly more important at the time than doling out appropriate credit.

Lend-Lease was the most visible program of wartime cooperation between the US and the Soviet Union. By the end of January 1945, the US had spent \$36 billion on the Lend-Lease program, \$11 billion of which went to the Russians. Although Stalin never revealed the full

⁸ For William Standley’s comments and their context, see: Lend-Lease: “How American supplies aided the USSR in its darkest hour”, *Russia Beyond*. March 14, 2016, available at: https://www.rbth.com/defence/2016/03/14/lend-lease-how-american-supplies-aided-the-ussr-in-its-darkest-hour_575559 (Accessed 09 Jan. 2021).

extent of Lend-Lease to his people, he noted at the 1945 Yalta Conference that “Lend-Lease is one of Franklin Roosevelt’s most remarkable and vital achievements in the formation of the anti-Hitler alliance”. The aid had a significant impact. The Russian offensive which drove the Germans out of White Russia and Ukraine was a product of the American transfer of thousands of guns, planes, tanks, and trucks.

On April 25, 1945, Soviet and American soldiers greeted each other at the Elbe River near Torgau, Germany to celebrate the impending defeat of Nazi Germany. Two weeks later, in Reims, France, the Germans unconditionally surrendered to the Allied forces. On June 5, 1945, General Dwight D. Eisenhower, Supreme Allied Commander in Europe, met Marshal Georgi K. Zhukov, his Russian counterpart, in occupied Berlin. Within a few months, the Cold War would replace the bonhomie of the Second World War between these allies in arms and, almost just as quickly, Josef Stalin and his successors would revise the narrative of wartime cooperation with the US and deny the crucial role American support provided to the Soviet effort⁹.

The tensions of the Cold War were not only a result of Stalin’s machinations in postwar Eastern Europe. The Soviet menace played well in American politics. President Harry S. Truman, FDR’s successor, understood the political benefits of taking a strong stance against the Soviet Union, and, often, Stalin obliged, as with meddling in Greece and Turkey, and the Berlin blockade, the latter of which resulted in the Berlin Airlift.

These events immediately following World War II were played out in the context of a remarkable memorandum, the so-called “Long Telegram” sent to the Truman administration in February 1946 by George F. Kennan, the American charge d’affaires in Moscow. The telegram sounded the alarm of Soviet intentions to effectively subjugate Eastern Europe, and it recommended the policy of containment to ensure that the Soviet Union would not expand its political and military control over Western Europe as well. The upside, Kennan wrote, was that although the Soviet Union was “impervious to logic of reason”, it was “highly sensitive to logic of force”. The policy of containment and its implied threat of military intervention persisted throughout most of the Cold War¹⁰.

⁹ On the meeting of Marshal Zhukov and General Eisenhower, see: “Allies Leaders Signing the Berlin Declaration in Berlin, Germany, June 1945”, *The National WWII Museum*, available at: <https://www.ww2online.org/image/allies-leaders-signing-berlin-declaration-berlin-germany-june-1945> (Accessed 09 Jan 2021).

¹⁰ George F. Kennan’s “Long Telegram” may be accessed here: <https://nsarchive2.gwu.edu//coldwar/documents/episode-1/kennan.htm> (Accessed 09 Jan 2021).

This adversarial cast not only informed President Truman's foreign policy, but also fueled anti-Soviet sentiment in the US to the point where Republican Senator Joseph McCarthy of Wisconsin launched a successful political career looking for Soviet spies and informants in the US government, in educational institutions, in the entertainment industry, and in the press. The untold damage in personal lives ruined by the McCarthy probes was finally halted when the Senator pushed too hard in his investigation of alleged Communist influence in the US Army in 1954. The McCarthy era was less a studied and effective response to Soviet espionage than a self-inflicted wound on the American body politic [Shogan 2009]¹¹.

Still, the fraught relations between the US and the Soviet Union did not dissolve the good will generated by wartime cooperation. Although Josef Stalin attempted to bury the memory of US-Soviet collaboration during the Second World War, or at least minimize the American contribution to Russian forces, other Soviet leaders knew better. And once Stalin was gone, they were less constrained to hide the truth of the two countries' collaboration even if the official "story" of the war continued the Stalinist perspective.

In 1963, Marshal Zhukov who, probably more than any Russian could accurately assess the impact of US aid, challenged the Party line:

Now they say that the allies never helped us, but it can't be denied that the Americans gave us so many goods without which we wouldn't have been able to form our reserves and continue the war. ...We didn't have explosives [or] gunpowder. We didn't have anything to charge our rifle cartridges with. The Americans really saved us with their gunpowder and explosives. And how much sheet steel they gave us! How could we have produced our tanks without American steel? But now they make it seem as if we had an abundance of all that. Without American trucks we wouldn't have had anything to pull our artillery with¹².

Zhukov's view was not an outlier. Nikita Khrushchev wrote unequivocally in his memoirs, published in the US in 2004, about the timeliness of American aid during the war:

¹¹ See also: Menand, L. (2020), "Joseph McCarthy and the Force of Political Falsehoods", *The New Yorker*, Aug. 3 & , available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2020/08/03/joseph-mccarthy-and-the-force-of-political-falsehoods> (Accessed 09 Jan 2021).

¹² Marshal Zhukov's comments may be accessed at: <https://www.globalsecurity.org/military/world/war/ww2/great-patriotic-war-05.htm> (Accessed 09 Jan. 2021).

If the United States had not helped us, we would not have won. One-on-one against Hitler's Germany, we would not have withstood its onslaught and would have lost the war. No one talks about this officially, and Stalin never, I think, left any written traces of his opinion, but I can say that he expressed this view several times in conversations with me¹³.

Boris Sokolov, one of the most prominent Russian historians of World War II, endorsed Zhukov's and Khrushchev's assertions:

In a hypothetical battle one-on-one between the U.S.S.R. and Germany, without the help of Lend-Lease and without the diversion of significant forces of the Luftwaffe and the Germany Navy... Stalin could hardly have beaten Hitler.

Sokolov asked his readers to imagine the Soviet Union without the Lend-Lease program:

Without Lend-Lease, the Red Army would not have had about one-third of its ammunition, half of its aircraft, or half of its tanks. In addition, there would have been constant shortages of transportation and fuel. The railroads would have periodically come to a halt. And Soviet forces would have been much more poorly coordinated with a constant lack of radio equipment. And they would have been perpetually hungry without American canned meat and fats¹⁴.

Marshal Zhukov's comments are particularly noteworthy for their timing. US-Soviet relations were very strained at the time, and it was possible to argue that those relations were at a particularly dangerous juncture. A trio of provocative events occurred between 1960 and 1962, each one of which could have escalated into a full-fledged armed conflict.

On May 1, 1960, the Soviets shot down a high-altitude reconnaissance plane – essentially a spy craft – over their air space. The so-called U-2 incident, named after the secret military aircraft involved in the surveillance, not only netted the sophisticated plane, but also the pi-

¹³ Nikita Khrushchev's comments from his memoirs may be accessed at: Coalson, R. (2020), "We Would Have Lost': Did U.S. Lend-Lease Aid Tip the Balance in Soviet Fight against Nazi Germany?", *Radio Free Europe/Radio Liberty*, May 07, available at: <https://www.rferl.org/a/did-us-lend-lease-aid-tip-the-balance-in-soviet-fight-against-nazi-germany/30599486.html> (Accessed 09 Jan 2021).

¹⁴ Ibid.

lot, Francis Gary Powers, who the Soviets promptly put on trial for espionage. President Dwight D. Eisenhower who, just fifteen years earlier, had embraced Marshal Zhukov in Berlin, had to acknowledge the deed and the fact that such spy planes had routinely crossed into the Soviet Union. A Soviet court sentenced Powers to ten years in prison, though he served less than two years, winning his release as part of a spy exchange between the US and Russia. The U-2 incident poisoned a scheduled Four Powers Summit meeting in Paris two weeks later when Premier Khrushchev abruptly left the conference after one day. He also rescinded an invitation to President Eisenhower to visit the Soviet Union later that year [Beschloss 1986, Pickett 2007].

In April 1961, a failed invasion of Cuba by a private army (with secret backing from the Central Intelligence Agency) further roiled relations between the US and the Soviet Union. By this time, Fidel Castro's Cuba had become a client state of Russia and a valuable asset just ninety miles from the US mainland. How valuable, the US would find out the following year when the Soviet's installed ballistic missiles on the island [Rasemberger 2012].

The Soviet missiles were a direct response both to the American deployment of ballistic missiles in Turkey and Italy, as well as the U-2 spy plane incident. Historians believe that this confrontation was the closest the Americans and Soviets came to a hot war during the existence of the Soviet Union. But President Kennedy agreed (privately) to dismantle the ballistic missiles in Turkey and Nikita Khrushchev agreed (publicly) to remove the missiles from Cuba. In a public declaration, President Kennedy promised not to support or initiate an invasion of Cuba again. The incident led to the establishment of a Washington-Moscow hotline, the better to defuse potentially dangerous confrontations in the future [Stern 2005].

These incidents, however, did not characterize the general tenor of US-Soviet postwar relations. That is, the countries were not consistently on the brink of war. The consequences of a potential nuclear conflict and, I would argue, the remembrance of cooperation during the Second World War, particularly among Soviet citizens and several prominent leaders, inhibited a more bellicose response.

Russia and America were competitive adversaries, to be sure, particularly in the space race, for one prominent example. But again, despite dire predictions from some American political leaders about the untoward military consequences of the Soviet edge in space and the need for a strong US response, the American reaction focused much more on the shortcomings of US advances in scientific and technological research than on militarizing outer space. It was also fortunate that former general Dwight D. Eisenhower was president.

On October 4 1957, the Soviet Union launched a satellite into orbit around the earth. The Russians called it *Sputnik*, or “fellow traveler”. The small satellite was just over 180 pounds and no bigger around than a beach ball. But it circled the earth every ninety-two minutes at eighteen thousand miles per hour. To compound the surprise and embarrassment to the US, the Soviets launched a larger craft one month later, with scientific instruments and a dog that had medical instruments strapped to its body. Worse still, in December, the US launched its response, a Vanguard missile. It rose two feet off the launching pad and then crumbled to the ground in flames¹⁵.

The series of events highlighted two issues: the technological superiority of the Soviet Union, and the military consequences of such superiority. Under enormous pressure from the military, members of Congress, and many American citizens, Eisenhower had to decide how best to respond to the new threat. Rather than request significant increases in military spending, the president instead emphasized the need to expand the nation’s educational capabilities, especially, though not exclusively, in the sciences. Investing in people rather than in hardware, Eisenhower believed, was the best way to ensure the nation’s security in the long term.

This was a new way of thinking and, fortunately, it came from a former general. Rather than escalating the tension between the two countries, the president decided to send Americans to school. This strategy did not sit well with many Americans and some political leaders. Lyndon B. Johnson (D-TX), the Majority Leader in the US Senate, proclaimed that *Sputnik* was “a disaster... comparable to Pearl Harbor”¹⁶.

Eisenhower’s military background and familiarity with Russian military capabilities played well in the crisis. He realized that the military significance of *Sputnik* was minimal. Besides, to ramp up America’s nuclear program would be an expensive and ultimately useless endeavor. At a news conference shortly after the launch of the first *Sputnik*, the president asked, “What is going to be done with this tremendous number of weapons?” How many times “could [you] kill the same man?”¹⁷

¹⁵ For a detailed discussion of *Sputnik* and its impact on US public policy in the late 1950s, see [Goldfield 2017, pp. 215–220].

¹⁶ Price, G.R. (1957), “Arguing the Case for Being Panicky”, *Life*, Nov. 18, pp. 125–126.

¹⁷ Foreign Relations of the United States, The Soviet Union, 1933–1939. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v19/d152> (Accessed 09 Jan 2021).

Eisenhower dismissed calls for increased defense expenditures. His rationale was that these appropriations would come at the expense of civilian needs. Reminding Americans of the broader picture, the president noted, “We must remember that we are defending a way of life.” Turning America into a “garrison state” would mean taking the risk that “all we are striving to defend... could disappear”¹⁸.

A wiser policy Eisenhower believed would be to invest in scientific and engineering fields where he cited “glaring deficiencies”. To address these shortcomings, Eisenhower promised, “The federal government... must and will do its part”. The first result was the National Defense Education Act (NDEA) of 1958 to strengthen education in the sciences, foreign languages, and area studies in universities. It represented an important breakthrough for the federal government with respect to direct aid for college students¹⁹.

Shortly after submitting his proposal for the NDEA to Congress, Eisenhower named the first special assistant for science and technology, James R. Killian Jr., president of the Massachusetts Institute of Technology (MIT). Killian formed and chaired the President’s Science Advisory Committee (PSAC), which included representatives from the nation’s scientific and academic elites. By 1963 the federal government had, in fact, assumed primary responsibility for supporting basic research. Equally striking, but much less publicized was the rapid growth of federal funding of “nonscience” research projects through the Department of Health, Education, and Welfare (HEW). The NDEA and subsequent legislation boosted appropriations for the National Science Foundation (NSF) and the National Aeronautics and Space Agency (NASA) [Goldfield 2017, p. 218].

In a sense, *Sputnik* turned out to be the Soviet gift to the US that kept on giving. Shortly after the second launch, the Pentagon, under the president’s directive, established what would become the Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA). This agency laid the foundation for today’s information economy, as it

¹⁸ *Eisenhower D.D.* Address to the American Society of Newspaper Editors and the International Press Institute. 1958. Apr. 17 // *The American Presidency Project*, available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-american-society-newspaper-editors-and-the-international-press-institute> (Accessed 09 Jan 2021).

¹⁹ Eisenhower, D.D. (1957), “Radio and Television Address to the American People on Science in National Security”, Nov. 7, *The American Presidency Project*, available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/radio-and-television-address-the-american-people-science-national-security> (Accessed 09 Jan 2021).

helped develop the Internet, chip design, and artificial-intelligence software. The federal government provided the seed money for Silicon Valley²⁰.

It would be a mistake, however, to depict the first few decades after World War II as an unrelenting series of adversarial encounters between the US and the Soviet Union. There were numerous areas of cooperation, particularly in arts and music. The Bolshoi Ballet, for example, toured the US in 1959. Cultural diplomacy or soft power was a hallmark of the Eisenhower years. Bolshoi dancers also performed on the popular Ed Sullivan Show, a Sunday night television staple in the US during the late 1950s and early 1960s [Richmond 2004].

And, of course, Van Cliburn wowed Russian judges at the first international Tchaikovsky Competition in Moscow in 1958. When he won the competition, he became a national hero in two countries and was treated to a ticker-tape parade in New York City – a very rare honor for a classical musician. In 2008, on the fiftieth anniversary of his Moscow triumph, Cliburn reminisced, “To know that these people [the Russian audience] knew all of this music and were interested in how I played it, that was such a thrill. They were sweet and friendly, so passionate about music”²¹.

Perhaps the most important and positive interaction between the US and the Soviet Union during this postwar period related to polio, a dreaded disease that ravaged both the US and Russia, and to which children were especially susceptible. Dr. Jonas Salk, the son and grandson of Russian Jewish immigrants to the US, developed a vaccine that came into widespread use in 1955. However, the rollout was so rushed that some tainted batches of the vaccine went undetected, with predictably disastrous results. Salk and his team traced the problem to a laboratory in California and soon rectified the situation.

In the meantime, Albert Sabin, another Russian Jewish immigrant now resident in the US, had developed a live-virus polio vaccine in collaboration with some Russian colleagues. The stumble of the Salk vaccine (which used an attenuated version of the virus) enabled Sabin’s vaccine to gain notice. The problem was how to test a vaccine that contained a live poliovirus. There were few volunteers in the US, but through his Russian colleagues, Sabin sent several million doses of

²⁰ On DARPA, see: Judis, J.B. (2013), “Steve Jobs’s Angel: The Republicans Want to Kill It”, *New Republic*, Sep. 2, no. 4, pp. 6–7.

²¹ Simon, S. (2013), “Pianist Van Cliburn, Warmed Russian Hearts During Cold War”, *NPR*, March 2, available at: <https://www.npr.org/2013/03/02/173307757/pianist-van-cliburn-warmed-russian-hearts-during-cold-war> (Accessed 09 Jan 2021).

the vaccine to Russia in 1959. More than 1.5 million Russian schoolchildren received Sabin's oral vaccine with excellent results. American health authorities immediately approved the vaccine for use in the US and, by the early 1960s the Sabin oral vaccine had overtaken the Salk vaccine as the dose of choice for American schoolchildren [Horstmann 1991].

The point is that even at the height of the Cold War, the residual good feelings between the war generations in the Soviet Union and the US, respectively, as well as domestic politics and policy, allowed for cultural and scientific collaboration that not only benefited both countries, but the world as a whole. There were, of course, flash points in the 1950s and 1960s, such as the U-2 incident, the aborted Bay of Pigs invasion of Cuba, and the Cuban missile crisis, as noted. And there were significant strains in US-Russian relations following the Soviet invasions of Hungary in 1956 and Czechoslovakia in 1968.

The US and Russia recalled the Second World War during the 1960s and beyond for reasons other than the nostalgic collaboration. There was the issue of money. Specifically, at the end of the war, the US asked recipient countries to pay for civilian supplies sent by the American government to sustain the allies. These included items such as civilian trucks, the construction of power plants, and items of food and clothing directed toward those citizens on the home front.

According to US accounting, the Soviet bill came to \$1.3 billion, a sum the Russian government stated flatly it could not pay. Instead, the Soviets offered \$170 million. The standoff led to negotiations in 1972. The Soviet Union and the US signed an agreement that the Russians would pay a total of \$722 million by 2001. To make good on this promise, the Soviet government soon transferred \$48 million to the US. Then the payments stopped.

The halt in remuneration resulted from the passage of the Jackson-Vanik amendment to a trade bill Congress passed in 1974. Henry M. "Scoop" Jackson, a Democratic Senator from Washington State and Charles A. Vanik, a Democratic Congressman from Ohio offered the amendment in order to restrict trade with nations that impeded emigration and violated other human rights. A major reason for introducing the amendment was the growing concern about the Soviet treatment of its Jewish citizens, particularly the government's refusal to allow them to emigrate.

There the matter remained until 1990 when the Soviet Union returned to the war payment talks. The result was an agreement that the Americans would receive \$674 million by 2030. One year later, the Soviet Union collapsed. But the successor government of Boris Yeltsin agreed to the debt repayment and, in fact, Russia soon paid

for all the non-military goods it had received through the Lend-Lease accord. By then, the right of Jewish citizens to emigrate freely had become a moot issue²².

Debts paid and aid acknowledged, it was now time to memorialize US-Soviet cooperation during World War II. In a riverfront park in downtown Fairbanks, Alaska, American, French, Canadian, and Russian officials gathered on August 27, 2006 to dedicate the Lend-Lease Memorial. The sculpture depicts a US Army Air Force pilot alongside a Soviet pilot and a Bell P-39 Airacobra propeller. The Bell P-39 was a common aircraft featured in the Lend-Lease program. Fairbanks was the staging area for one of the three major routes to ferry war materiel to the Soviet Union²³.

Russian defense minister, Sergei Ivanov, was a featured speaker at the dedication. “We highly appreciate the way the Alaskans keep the memory of our fight against fascism during World War II alive”. Ivanov hoped that the benefits of that cooperation would remain not merely a memory, but as an operating principle for the future: “The experience of cooperation that came from the war is a great example for the new generations of defenders. That experience should not be lost, but preserved”²⁴.

Relations between Russia and the US have deteriorated since that Alaskan summer, but it is important to remember two things about that relationship. First, even at the height of the Cold War during the 1950s through the 1980s, cultural and scientific connections persisted, and even flourished. Also, vital issues such as nuclear arms limitations were addressed. Even today, the cooperative spirit persists in some areas.

In October 2020, a Soyuz rocket blasted off from a Kazakhstan launch site. Nearly sixty years earlier, Soviet cosmonaut Yuri Gagarin became the first person to reach outer space as a Vostok rocket sent him into orbit from Kazakhstan. As with the two *Sputnik* launches three years earlier, the event shook the US. A headline in *Newsweek* magazine in April 1961 blared, “Why We’re Behind – Will We Catch Up?” The event was instru-

²² Farnsworth, C.H. (1990), “Evolution in Europe; Soviets to Repay Lend-Lease After a Trade Accord”, *The New York Times*, June 7, available at: <https://www.nytimes.com/1990/06/07/world/evolution-in-europe-soviets-to-repay-lend-lease-after-a-trade-accord.html> (Accessed 09 Jan 2021).

²³ On the Lend-Lease Memorial, see: Weaver, J. (2006), “Memorial honors American, Russian pilots”, *Eielson Air Force Base*, Nov. 15, available at: <https://www.eielson.af.mil/News/Article-Display/Article/384452/memorial-honors-american-russian-pilots/> (Accessed 09 Jan 2021).

²⁴ *Ibid.*

mental in spurring our program to land a manned spacecraft on the moon by the end of the decade²⁵.

The Soyuz launch in 2020 included a Russian and an American team headed for the International Space Station. These joint flights had been going on for the previous twenty years. But, spokespersons for both countries indicated that this might be the last joint expedition, at least for awhile. Considering the unforeseen trajectories of US-Russian relations since the end of World War II, it is hazardous to make predictions. In 1961, joint space efforts with the US (and vice versa) were fantasies, assuming anyone was thinking about such collaboration²⁶.

But the history is clear. The collaborative efforts of World War II, the cultural and educational exchanges even at the lowest ebb of US-Soviet relations, and the cooperation on nuclear disarmament and in outer space demonstrate that there are strong historical bases for positive and productive relationships between the two countries. Domestic politics will be the filter through which the respective foreign policies will play out.

References

- Beschloss, M. (1986), *Mayday: Eisenhower, Khrushchev, and the U-2 Affair*, Harper & Row, N.Y., USA.
- Churchwell, S. (2018), *Behold, America: The Entangled History of America First and the American Dream*, Basic Books, N.Y., USA.
- Cole, W.S. (1953), *America First: The Battle Against Intervention, 1940-1941*, University of Wisconsin Press, Madison, WI, USA.
- Cole, W.S. (1997), *Senator Gerald P. Nye and American Foreign Relations*, University of Minnesota Press, Minneapolis, USA.
- Coulter, M.W. (1997), *The Senate Munitions Inquiry of the 1930s: Beyond the Merchants of Death*, Praeger, N.Y., USA.
- Dallek, R. (1995), *Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945, Second Edition*, Oxford University Press, N.Y., USA.

²⁵ “ ‘Why We’re Behind – Will We Catch Up?’ ”, The Voyage-Special Section (1961), *Newsweek*, Apr. 24, available at: <http://www.newsweek.com/april-24-1961-us-response-yuri-gagarin-1860> (Accessed 09 Jan 2021).

²⁶ *Luzin P.* Prospects for Future US-Russia Space Cooperation // Eurasia Daily Monitor. 2020. June 22. URL: <https://jamestown.org/program/prospects-for-future-us-russia-space-cooperation/> (Accessed 09 Jan 2021). See also: *Roulette J., Auyezov O.* One American, Two Russians Blast Off to International Space Station // Reuters. 2020. Oct. 14. URL: <https://www.reuters.com/article/us-space-exploration-astronaut/one-american-two-russians-blast-off-to-international-space-station-idUSKBN26Z0ST> (Accessed 09 Jan 2021).

- Detzer, D. (1948), *Appointment on the Hill*, Henry Holt, N.Y., USA.
- Divine, R. (1969), *Roosevelt and World War II*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA.
- Goldfield, D. (2017), *The Gifted Generation: When Government Was Good*, Bloomsbury, N.Y., USA.
- Herring, Jr., G.C. (1969), *Aid to Russia, 1941–1946: Strategy, Diplomacy, and the Origins of the Cold War*, Columbia University Press, N.Y., USA.
- Hoff-Wilson, J. (1974), *Ideology and Economics: US Relations with the Soviet Union, 1918–1933*, University of Missouri Press, Columbia, MO, USA.
- Horstmann, D.M. (1991), “The Sabin Live Poliovirus Vaccination Trials in the USSR, 1959”, *Yale Journal of Biology and Medicine*, vol. 64, no. 5, pp. 499–512.
- Kimball, W.F. (1969), *The Most Unsordid Act: Lend-Lease, 1939–1941*, Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA.
- Nichols, C.M. (2013), “The Enduring Power of Isolationism: An Historical Perspectives”, *Orbis: A Journal of World Affairs*, vol. 57, no. 3, pp. 390–407.
- Pickett, W.B. (2007), “Eisenhower, Khrushchev, and the U-2 Affair: A Forty-six Year Retrospective”, in Clifford, J.G. and Wilson T.A. (eds.), *Presidents, Diplomats, and Other Mortals: Essays Honoring Robert H. Ferrell*, University of Missouri Press, Columbia, MO, pp. 137–153.
- Rasenberger, J. (2012), *JFK, Castro, and America's Doomed Invasion of Cuba's Bay of Pigs*, Scribner, N.Y., USA.
- Richmond, Y. (2004), *Cultural Exchange and the Cold War: Raising the Iron Curtain*, Pennsylvania State University Press, University Park, PA, USA.
- Shogan, R. (2009), *No Sense of Decency: The Army-McCarthy Hearings: A Demagogue Falls and Television Takes Charge*, Ivan R. Dee, NY.
- Stern, S.M. (2005), *The Week the World Stood Still: Inside the Secret Missile Crisis*, Stanford University Press, Stanford, CA., USA.
- Weeks, A.L. (2010), *Russia's Life-Saver: Lend-Lease Aid to the U.S.S.R. in World War II*, Rowman and Littlefield [formerly Lexington Books], Lanham, MD, USA.
- Young, J.G. (2017), “Making America 1920 Again? Nativism and US Immigration”, *Journal on Migration and Human Security*, vol. 5, no. 1, pp. 217–235.

Information about the author

David Goldfield, Ph.D., Robert Lee Bailey professor of History, University of North Carolina, Charlotte, USA; 9201 University City Blvd, Charlotte, NC 28223, USA; drgoldfi@uncc.edu

Информация об авторе

Дэвид Голдфилд, Ph.D., профессор истории, Университет Северной Каролины, США; 9201 University City Blvd, Charlotte, NC 28223, USA; drgoldfi@uncc.edu

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327(510+73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-55-66

Память о Второй мировой войне как фактор современных американо-китайских отношений

Иван А. Цветков

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, 9064175@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется вопрос о том, как память о Второй мировой войне воздействует на современные отношения США и Китая. Несмотря на то что обе эти страны находились в лагере держав-победительниц, активно сотрудничали в борьбе с общим врагом – Японией – и вроде бы должны были сохранить самые теплые воспоминания о своем «боевом братстве», изучение их мемориальных практик не приводит к оптимистическим выводам. В КНР память о Второй мировой войне вплоть до 1990-х гг. сознательно устранялась из общественно-политического дискурса. Затем в рамках перехода от коммунистической к националистической идеологии интерес к событиям военных лет возрос, но они толковались в духе виктимизации, с акцентом на жертвах, понесенных китайским народом в результате внешней агрессии. В настоящее время память о Второй мировой войне используется в Китае для обоснования активной внешней политики, которая, как принято считать, нацелена на предотвращение повторения страшных трагедий прошлого. Для американцев победа во Второй мировой войне изначально была символом превращения США в тихоокеанскую державу, обоснованием регионального лидерства. До тех пор пока Китай не претендовал на такую же роль, память о военном американо-китайском сотрудничестве можно было использовать в качестве дипломатического инструмента, говорить о «фундаменте дружбы», на котором держатся двусторонние отношения. Сегодня этот прием уже не работает, общая победа не сближает США и Китай, а разводит их по разные стороны баррикад.

Ключевые слова: историческая память, Вторая мировая война, США, Китай, американо-китайские отношения

© Цветков И.А., 2021

Для цитирования: Цветков И.А. Память о Второй мировой войне как фактор современных американо-китайских отношений // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 55–66. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-55-66

Memory of World War II as a factor in contemporary U.S.-China relations

Ivan A. Tsvetkov

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
9064175@gmail.com*

Abstract. This article explores how the memory of World War II affects contemporary US-China relations. Despite the fact that both of these countries were in the camp of the victorious powers, actively cooperated in the fight against a common enemy – Japan, and seemed to have retained the warmest memories of their “fighting brotherhood”, the study of their memorial practices leads to much less optimistic conclusions. In the PRC, the memory of the Second World War up to the 1990s was deliberately removed from the socio-political discourse. Then, as part of the transition from the communist to the nationalist ideology, the interest in the events of the war years increased, but they were interpreted in a spirit of victimization, with an emphasis on the sufferings endured by the Chinese people as a result of external aggression. Today, the memory of World War II is being used in China to underpin an active foreign policy, which is considered to be aimed at preventing the repetition of the terrible tragedies of the past. For Americans, victory in World War II was originally a symbol of the transformation of the United States into a Pacific power, a rationale for regional leadership. Until China claimed the same role, the memory of US-Chinese military cooperation could be used as a diplomatic tool; it was also possible to talk about the “foundation of friendship” on which bilateral relations were based. Today, this technique no longer works, a common victory does not bring the United States and China closer, but drives them apart dragging the countries to the opposite sides of the barricades.

Keywords: historical memory, United States, China, U.S.-China relations

For citation: Tsvetkov, I.A. (2021), “Memory of World War II as a factor in contemporary U.S.-China relations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 55–66, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-55-66

В современной российской научной литературе и публицистике вопросы памяти о Второй мировой войне обсуждаются очень активно, часто в остром полемическом ключе [Ефременко, Малинова,

Миллер 2018; Ермилова 2020; Грибан 2017]. Согласно распространенной точке зрения, повышенный интерес к подобным сюжетам свидетельствует о неустойчивом, переходном характере национальной идентичности. Странам, в которых достигнут социальный консенсус по ключевым вопросам национального развития, которые находятся в стабильном международном окружении, нет нужды «ворочать прошлое». К сожалению, в современном мире не так уж много таких стран, особенно среди «великих держав». Вторая мировая война сохраняет в этом смысле свою актуальность, продолжает поставлять материалы для конструирования взаимных образов участников современных международных отношений.

В данной статье мы исследуем вопрос о том, как память о Второй мировой войне воздействует на современные отношения США и Китая. Несмотря на то что обе эти страны находились в лагере держав-победительниц, активно сотрудничали в борьбе с общим врагом – Японией – и вроде бы должны были сохранить самые теплые воспоминания о своем «боевом братстве», изучение их мемориальных практик не приводит к оптимистическим выводам. Различные интерпретации исторических событий в США и Китае, в сочетании с часто негативным опытом отношений последних лет, хотя и не напрямую, но явно негативно воздействуют сегодня на взаимное восприятие американцев и китайцев.

С момента победоносного завершения Второй мировой войны Соединенные Штаты неизменно рассматривали память о ней как дипломатический инструмент, способствующий развитию отношений с Советским Союзом и Россией, Великобританией и Францией, Китаем и другими странами. Сегодня на самом видном месте исторического раздела сайта посольства США в КНР размещена подборка материалов под заголовком «Наши общие жертвы: сотрудничество США и Китая в ходе Второй мировой войны»¹. Под этой рубрикой собрано большое количество архивных фотографий, приводятся сведения о разных формах взаимодействия американских и китайских военных, о подвигах американских летчиков, снабжавших гоминьдановские армии через полный опасностей трангималайский воздушный коридор (“Hump Flight”), о героизме китайских солдат, противостоящих японской агрессии, об американских дипломатах и генералах, работавших в Китае в годы войны и т. д.

¹ Shared Sacrifice: US-China Cooperation during WWII [Электронный ресурс] // U.S. Embassy in China. URL: <https://china.usembassy-china.org.cn/our-relationship/policy-history/io/shared-sacrifice-u-s-china-cooperation-world-war-ii/u-s-china-cooperation-world-war-ii/> (дата обращения 14 февраля 2021).

Казалось бы, все эти исторические свидетельства действительно напоминают об одном из самых успешных периодов китайско-американских отношений и могут рассматриваться как своеобразная точка отсчета, как вдохновляющий идеал, на который стоит ориентироваться современным политикам и дипломатам.

Однако ошибочность такого представления становится очевидной уже при изучении содержания сайта посольства Китая в Соединенных Штатах. Истории отношений двух стран здесь посвящена лишь одна небольшая заметка, в которой идет речь об основных событиях, случившихся после 1972 г., то есть после первого визита президента США Р. Никсона в КНР. Вторая мировая война не упоминается вовсе². Можно сделать вывод, что современное политическое руководство Китая не рассматривает память о Второй мировой войне как ценный ресурс, который можно использовать для налаживания отношений с США.

При изучении выступлений китайских официальных лиц бросается в глаза, что они крайне редко называют события 1930–1940-х гг. Второй мировой войной. В китайском варианте это «Война Китая с Японией и мировым фашизмом»³. Завершилась она 3 сентября 1945 г., тут западная и китайская хронология совпадают, а началась – в 1937 или даже 1931 г., когда Япония оккупировала китайскую Маньчжурию.

Еще более внимательный анализ показывает, что и дата 3 сентября 1945 г. также не имеет для китайцев какого-то особенного сакрального смысла (во всяком случае, ее значимость не идет ни в какое сравнение, например, с мемориальным статусом 9 мая в современной России). Да, 3 сентября 1945 г. победоносно завершилась война с японскими агрессорами, но до образования КНР в 1949 г. еще должны были пройти четыре беспокойных года. В этот период в Китае бушевала гражданская война, коммунисты противостояли гоминьдану и стоящими за его спиной США. В итоге совместное с гоминьданом и США противостояние общему врагу во Второй мировой войне оказалось заслонено новым конфликтом.

² China-U.S. Relations [Электронный ресурс] // Embassy of the People's Republic of China in the United States of America. URL: <http://www.china-embassy.org/eng/zmgxs/ocusr/t946195.htm> (дата обращения 14 февраля 2021).

³ Полный текст выступления Си Цзиньпина на юбилейном торжестве по случаю 70-летия Победы в Войне сопротивления китайского народа японским захватчикам и Мировой антифашистской войне. 2015. 4 сен. [Электронный ресурс] URL: http://russian.news.cn/2015-09/04/c_134590053.htm (дата обращения 14 февраля 2021).

На протяжении первых десятилетий существования КНР, вплоть до смерти Мао Цзэдуна в 1976 г., память о Второй мировой войне, даже в формате «войны с японскими захватчиками», целенаправленно подавлялась и замалчивалась. Не воздвигались никаких памятников и мемориалов, не открывалось музеев, не писалось книг. Статус ветерана войны не только не сулил его носителю каких-то льгот от государства, но даже, наоборот, мог стать поводом для репрессий: ведь участие в боевых действиях на стороне правительства Китайской республики означало сотрудничество с режимом Чан Кайши – на тот момент злейшим врагом китайских коммунистов. В период «культурной революции» 1966–1976 гг. преследованиям подвергались даже те жители страны, которые в годы войны находились на территории, оккупированной Японией или в районах Китая, контролируемых гоминьдановским правительством [Waldron 1996].

Основным мемориальным событием, вместилищем эпизодов героизма и самоотверженной борьбы за народное счастье, считалась Китайская революция – долгий, растянувшийся на несколько десятилетий процесс завоевания власти Коммунистической партией Китая. Точкой отсчета здесь могли служить даты создания компартии (1921 г.), Великого похода (1934–1936 гг.) или какие-то иные эпизоды революционной истории, но Вторая мировая война или война с Японией не имели принципиального значения в этой системе координат.

Совершенно естественно, что о военной помощи со стороны США или Великобритании в этот период также ничего не говорилось. До ухудшения китайско-советских отношений в конце 1950-х гг. в китайских текстах о революции часто упоминалась «братская помощь» Советского Союза, но в 1960-е и 1970-е гг. северный сосед чаще предстал уже не в качестве помощника, а в качестве империалистического хищника, посягающего на китайские территории [Day 1985, p. 91].

Ситуация стала понемногу меняться с конца 1970-х гг., после прихода к власти Дэн Сяопина. Именно тогда в Китае появились первые научные публикации, специально посвященные событиям Второй мировой войны, историки получили возможность размышлять о вкладе гоминьдановских армий в победу Китая над Японией и в целом о значении этой войны в истории Китая (хотя история Китайской революции по-прежнему оставалась основным сюжетом) [Coble 2007].

На отношение официального Китая ко Второй мировой войне, несомненно, повлияла и нормализация отношений с США в 1972–1979 гг. Для объяснения причин сближения с бывшим ключевым

международным оппонентом нужны были идеологические аргументы. Помощь Китаю со стороны США в войне с Японией стала периодически, хотя и не очень часто, упоминаться в официальных заявлениях китайских лидеров в позитивном ключе.

В середине 1990-х гг. количество научных и популярных работ о «Войне с японскими захватчиками» уже позволяло говорить о настоящем буме интереса к событиям той эпохи. Даже о гоминьдановских генералах стали писать как о героях (это можно сравнить с интересом к «белому движению» в постсоветской России приблизительно в те же годы). С 1991 г. в Китае начал издаваться специальный научный журнал, целиком посвященный истории китайского сопротивления Японии [Coble 2007].

Считается, что этот историографический поворот был организован руководством КНР, стремившимся произвести идеологическую перезагрузку после политического кризиса 1989 г. Место коммунизма в общественном сознании должен был занять китайский национализм, память о войне и «веке унижения», который пережил Китай до 1949 г., превратились в ключевые маркеры новой национальной идентичности. Дэн Сяопин признавался в одном из выступлений, что недостаточное внимание к идеологической работе в 1980-е гг. стало основной причиной протестов на площади Тяньаньмэнь: «Надо было больше говорить о трудностях и лишениях, через которые прошел Китай на пути к современному успеху и процветанию»⁴.

Кульминацией интереса китайских лидеров ко Второй мировой войне стал 1995 г., когда председатель КНР Цзян Цзэминь в нескольких выступлениях, приуроченных к 50-летней годовщине победы над Германией и Японией, отметил важность участия Китая в совместной с другими державами-победительницами борьбе с мировым злом. В этот момент официальная трактовка значения Второй мировой войны лидером Китая практически полностью совпадала с ее трактовкой лидерами других держав-победительниц, включая США и Россию. Тем не менее, хотя, по словам Цзяна, «Китайская война сопротивления была важной частью мировой антифашистской войны» и достижение победы было «результатом действия многих глубоких исторических факторов», самым «фундаментальным» из этих факторов было

⁴ Deng Xiaoping. Address to officers at the rank of general and above in command of the troops enforcing martial law in Beijing, June 9, 1989 [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/19thcpcnationalcongress/2010-10/26/content_29714413.htm (дата обращения 14 февраля 2021).

то, что «Коммунистическая партия Китая взошла на историческую сцену»⁵.

После передачи под китайскую юрисдикцию Гонконга (1997 г.) и Макао (1999 г.) единственным препятствием на пути окончательного воссоединения страны остался Тайвань, с 1949 г. находящийся под контролем гоминьдановского режима и его преемников. Историческая реабилитация партии Гоминьдан в КНР была одним из компонентов политики воссоединения и создавала, по мнению пекинских властей, прочную идеологическую базу для реинтеграции Тайваня в китайское политическое пространство.

Характерной чертой китайского «нового национализма» стал акцент на воспоминаниях о трагических страницах истории, когда Китай находился под иностранным гнетом и страдал от происков внешних врагов. В 1990 г. в китайских школьных учебниках истории появилось понятие «Век унижения» – так стали называться события 1839–1949 гг., от начала первой Опиумной войны до окончательной победы революции и образования КНР⁶. Хотя страдания китайцев в этот период были в значительной степени связаны с политикой западных держав, главным историческим противником Китая была все же провозглашена Япония. Именно от действий японских армий Китай пострадал в наибольшей степени, и именно Япония на рубеже XX–XXI вв. представлялась многим китайцам основным источником внешней угрозы. Отношения с США еще не были испорчены, администрации Б. Клинтона и Дж. Буша-мл. проводили «политику вовлечения» Китая, в надежде на интеграцию КНР в мировую экономическую систему и его постепенную демократическую трансформацию. А вот Япония все более явно демонстрировала свои намерения пересмотреть ограничительные статьи Конституции 1947 г. и вернуть себе утраченный после поражения во Второй мировой войне статус полноценной державы без каких бы то ни было изъятий в национальном суверенитете. Таким образом, два крупнейших восточноазиатских государства, Япония и Китай, практически синхронно приняли на вооружение националистические идеологии и превратились друг для друга в естественных антиподов. Память о Второй мировой войне просто не могла не вернуться на

⁵ Более подробно см.: [Coble 2007, p. 404].

⁶ Dor A. China's WW2 Remembrance: 'Patriotic Education' in Action [Электронный ресурс] // The Diplomat. 2015. Aug. 15. URL: <https://thediplomat.com/2015/08/chinas-ww2-remembrance-patriotic-education-in-action/> (дата обращения 14 февраля 2021).

авансцену, только уже не в виде инструмента дипломатического сближения, а, наоборот, в качестве источника острых негативных эмоций, своеобразного топлива для нового национализма.

Итак, в XXI в. память о войне в Японии стала в Китае интенсивно возрождаться и культивироваться. Спецификой этого нового антияпонского тренда в КНР стал акцент на виктимизации. Современная память о войне в КНР – это почти исключительно память о зверствах японцев: Нанкинской резне 1937 г., опытах над людьми в подразделении 731, сексуальной эксплуатации китайских и корейских «женщин для утешения». В различных выступлениях и публикациях на тему Второй мировой о собственно военных аспектах противостояния говорится гораздо реже, чем о понесенных жертвах. Официально признаваемая численность этих жертв с середины 1990-х гг. резко увеличилась. В предшествующий период речь шла о 9,3 млн убитых. В 1995 г. Цзян Цзэминь произвел сенсацию, заявив о 35 млн китайцев, «замученных японскими мясниками», и о том, что в одной только Нанкинской резне 1937 г. погибло не менее 300 тыс. человек⁷.

Отличительной чертой китайской виктимизации памяти о Второй мировой войне (точнее, о войне с японскими захватчиками) была ее полная изолированность от глобального мемориального дискурса. В частности, в Китае не проводилось и не проводится никаких параллелей с западной традицией виктимизации, с трагедией холокоста. В китайском языке даже нет специальных иероглифов для понятия «холокост» [Daly 2020]. На наш взгляд, уже один этот факт свидетельствует о бесперспективности попыток западных держав, в частности США, использовать память о Второй мировой в качестве инструмента нормализации отношений с Китаем. Представления о сути и содержании этой войны в Китае и на Западе совершенно различны, любые декларации об «общих жертвах» носят сугубо ритуальный характер.

В последние годы, после прихода к власти в КНР Си Цзиньпина, идеологическое использование памяти о Второй мировой войне стало еще более интенсивным. В 2014 г. было объявлено о нескольких новых общенациональных праздниках, два из которых оказались связаны с памятью о японской агрессии (3 сентября – «День победы в китайской народной войне по отражению японской агрессии» и 13 декабря – «День памяти о Нанкинской резне»). Началось создание масштабных тематических музейных экспозиций, оборудованных с использованием новейших мультимедийных технологий. Все чаще стали звучать упреки в адрес западных ис-

⁷ Ibid.

ториков за то, что они не уделяют должного внимания изучению огромного вклада Китая в победу над Японией⁸.

Для США память о Второй мировой войне, конечно же, имеет совсем иной смысл. Это не жертвенный, не трагический эпизод национальной истории – это великий прорыв на Тихоокеанский фронт. Безусловно, Китай был участником и даже источником мотивации этого выхода Америки из скорлупы самоизоляции. По воспоминаниям многих американских ветеранов, они шли воевать за независимость Китая. Естественно, Китая воображаемого, христианского и проамериканского. В 1930-е гг. усилиями протестантских миссионеров и ряда влиятельных бизнесменов, связанных с Китаем, в общественное сознание США активно внедрялся именно такой образ. Знаменитый роман американской писательницы Перл Бак «Земля» (“The Good Earth”, 1931)⁹ и его экранизация не только собрали все мыслимые премии, но и заставили многих простых американцев кардинально поменять свои представления о далекой восточной стране. Хотя репрезентация китайского общества и китайских ценностей в романе Бак имели мало общего с реальностью, жители США увидели в этой книге и этом фильме именно тот Китай, какой им хотелось видеть. И именно за него многие из них пошли воевать в 1942 г.¹⁰

Сегодня восприятие Китая в США стало совсем другим. Для ныне живущих поколений образ этой страны складывается из трех ключевых фигур: Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина. Они олицетворяют три фазы эволюции современного Китая: Китай коммунистический, Китай капиталистический, Китай неоимперский. Эти три начала не просто сменяли друг друга, они продолжают сосуществовать в современном китайском государстве. Важно, что Вторая мировая война и китайско-американское сотрудничество тех лет в общем-то не имеют никакого отношения к сути современных американо-китайских отношений. Строго говоря, тот китайский режим (а точнее, его демократический преемник), за интересы которого США воевали во Второй мировой, управляет сегодня островом Тайвань. И любые отсылки к «общим жертвам», которые обнаруживаются на сайте американского посольства

⁸ China, a WWII Ally That Should Not Be Forgotten [Электронный ресурс] // Beijing Review. 2015. June 25. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:4041/api/document?collection=news&id=urn:contentItem:5G90-1SR1-JC5R-238R-00000-00&context=1516831> (дата обращения 14 февраля 2021).

⁹ *Buck P.* The Good Earth. Grosset & Dunlap, 1931.

¹⁰ *Bradley J.* The China Mirage: The Hidden History of American Disaster in Asia. Back Bay Books, 2016.

в КНР, гораздо уместнее смотрелись бы на сайте неофициального представительства США на Тайване (однако там все исторические сюжеты политкорректно обойдены стороной).

Еще одна проблема, связанная с памятью о Второй мировой войне в американско-китайских отношениях, касается американо-японского военного союза, который возник в годы холодной войны, а после ее завершения не только не был ликвидирован, а, наоборот, всячески расширялся и укреплялся. Разгоревшийся в последние годы территориальный спор между КНР и Японией по поводу принадлежности японских островов Сэнкаку (в Китае их считают своими и называют Дяоюйдао) удалось немного притушить лишь после того, как администрации Обамы, а затем Трампа заявили о готовности США защищать острова в случае нападения в соответствии с обязательствами по американо-японскому договору¹¹. Таким образом, в ключевом для китайской стороны противостоянии по линии Пекин – Токио, которое совпадает с противостоянием периода Второй мировой войны, США сегодня открыто поддерживают оппонента Китая.

Очевидно, что самый существенный и актуальный элемент памяти о Второй мировой войне в США – это ее ключевое значение в установлении политического и экономического доминирования Америки в этом регионе земного шара. Китай, за интересы которого США воевали тогда наряду с собственными интересами, сегодня превратился в основного соперника Соединенных Штатов в борьбе за влияние в регионе. Понятно, что любые воспоминания о бывшей дружбе не заставят стороны отказаться от этой борьбы, не помогут хоть как-то смягчить противоречия. Скорее наоборот, ведь для китайских властей понесенные в 1930–1940-е гг. жертвы тоже служат обоснованием современных претензий на региональное лидерство. Общая победа не сближает сегодня США и Китай, а разводит их по разные стороны баррикад.

С этой точки зрения раздел о Второй мировой войне на сайте посольства США в Китае выглядит несколько анахронично. Позиция китайских властей, сознательно отказавшихся от использования «исторической дипломатии» в двусторонних отношениях, представляется гораздо более уместной. К тому же в публикациях современных американских историков и публицистов часто проводятся идеи, не слишком хорошо рифмующиеся с официально де-

¹¹ Obama says US will defend Japan in island dispute with China [Электронный ресурс] // The Guardian. 2014. 24 Apr. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/apr/24/obama-in-japan-backs-status-quo-in-island-dispute-with-china> (дата обращения 14 февраля 2021).

кларлируемыми дипломатическими любезностями. Даже в книгах и статьях, содержащих призывы вспомнить о «забытом союзнике» – Китае, можно встретить, например, утверждения, что «Китай вряд ли смог бы выиграть эту войну без посторонней помощи»¹². Конечно же, подобные констатации вряд ли могут способствовать росту взаимопонимания между китайцами и американцами.

Литература

- Грибан 2017 – *Грибан О.Н.* Трансформируя память: отражение Второй мировой войны в компьютерных играх // Педагогическое образование в России. 2017. № 2. С. 32–38.
- Ермилова 2020 – *Ермилова Д.Ю.* Память о войне – проблемы и перспективы теории и практики // Сервис plus. 2020. Т. 14. № 4. С. 123–135.
- Ефременко, Малинова, Миллер 2018 – *Ефременко Д.В., Малинова О.Ю., Миллер А.И.* Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.
- Coble 2007 – *Coble P.* China’s “New Remembering” of the Anti-Japanese War of Resistance, 1937–1945 // *The China Quarterly*. 2007. June. No. 190. P. 394–410.
- Daly 2020 – *Daly R.* Trauma and Triumph: U.S.-China Relations and Memories of the War in the Pacific [Электронный ресурс] // *Legacy of the Pacific War: 75 Years later*. URL: <https://www.wilsoncenter.org/collection/legacy-pacific-war-75-years-later> (дата обращения 14 февраля 2021).
- Day 1985 – *Day A.* China and the Soviet Union 1949–84. N.Y.: Facts on File Publications, 1985. 203 p.
- Waldron 1996 – *Waldron A.* China’s New Remembering of World War II: The Case of Zhang Zizhong // *Modern Asian Studies*. 1996. Oct. Vol. 30. No. 4. Special Issue: War in Modern China. P. 945–978.

References

- Coble, P. (2007), “China’s ‘New Remembering’ of the Anti-Japanese War of Resistance, 1937–1945”, *The China Quarterly*, June, no. 190, pp. 394–410.
- Daly, R. (2020), “Trauma and Triumph: U.S.-China Relations and Memories of the War in the Pacific”, *Legacy of the Pacific War: 75 Years later*, available at: <https://www.wilsoncenter.org/collection/legacy-pacific-war-75-years-later> (Accessed 14 Feb. 2021).

¹² *Mitter R.* Forgotten ally? China’s unsung role in World War II [Электронный ресурс] // CNN. 2015. Sept. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2015/08/31/opinions/china-wwii-forgotten-ally-rana-mitter/index.html> (дата обращения 14 февраля 2021).

- Day, A. (1985), *China and the Soviet Union 1949-84*, Facts on File Publications, New York, USA.
- Efremenko, D., Malinova, O. and Miller, A. (2018), "Memory politics and historical science", *Rossiiskaya istoriya*, no. 5, pp. 128–140.
- Ermilova, D. (2020), "Memory of war – problems and prospects of theory and practice", *Servis plus*, vol. 14, no. 4, pp. 123–135.
- Griban, O. (2017), "Transforming Memory: Reflecting World War II in Computer Games", *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 2, pp. 32–38.
- Waldron, A. (1996), "China's New Remembering of World War II: The Case of Zhang Zizhong", *Modern Asian Studies*, Oct., vol. 30, no. 4, Special Issue: War in Modern China, pp. 945–978.

Информация об авторе

Иван А. Цветков, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; 9064175@gmail.com

Information about the author

Ivan A. Tsvetkov, Cand. of Sci. (History), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smol'nogo Street, Saint Petersburg, Russia, 191060; 9064175@gmail.com

УДК 324(73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-67-79

The 2020 U.S. presidential election, Trumpism and the roots of negative distrust

Erik Alfred Olsen

*University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands,
eaodakru@gmail.com*

Abstract. This article explores the role of negative distrust as applied to the 2020 U.S. presidential election focusing specifically on the campaign and supporters of President Donald J. Trump. I survey negative campaigning rhetoric, the enlistment of far-right militant groups to his cause and the general political discourse of the Trump campaign and its allies and how these elements created a dangerous environment within the United States leading to the 6 January attack on the U.S. Capitol. Furthermore, I examine how the sowing of conspiracy theories, fear and disinformation had led directly to a degradation of the presidential election process and for the first time in U.S. history, there was not a safe and smooth transfer of power from one presidential administration to another. Finally, I conclude how the active employment of negative distrust amongst the electorate contributes to political and national instability that threatens not merely constitutional crisis, but the invalidation of the electoral process in the United States in general.

Keywords: negative distrust, paranoid style, Trump, Trumpism, QAnon, 2020 election, transfer of power, president

For citation: Olsen, E.A. (2021), "The 2020 U.S. presidential election, Trumpism and the roots of negative distrust", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 67–79, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-67-79

Президентские выборы 2020 г. в США, «трампизм» и истоки крайнего недоверия

Эрик Альфред Олсен

*Амстердамский университет, Амстердам, Нидерланды,
eaodakru@gmail.com*

Аннотация. Эта статья описывает роль крайнего недоверия применительно к президентским выборам 2020 г. в США, в особенности в отношении кампании и сторонников президента Дональда Трампа. Автор

© Olsen E.A., 2021

изучает негативную риторику в отношении президентской кампании, привлечение ультраправых военных групп для достижения желаемого результата и общий политический дискурс президентской кампании Трампа и его соратников, а также то, как эти элементы способствовали созданию опасной ситуации внутри Соединенных Штатов Америки, приведших к штурму Капитолия в столице США 6 января 2020 г. Кроме того, он исследует, как рассеивание теорий заговора, страх и дезинформация привели к непосредственной деградации процесса президентских выборов в США и ситуации, в которой впервые за всю историю США передача власти от одной администрации президента к другой прошла не гладко. В завершение делается вывод о том, что активное использование крайнего недоверия среди избирателей способствует политической и национальной нестабильности, не только становясь угрозой для развития национального кризиса, но и способствуя признанию недействительным всего процесса выборов президента в США.

Ключевые слова: социальное недоверие, параноидальный стиль, Трамп, «трампизм», QAnon, выборы 2020, передача власти, президент

Для цитирования: Olsen E.A. The 2020 U.S. presidential election, Trumpism and the roots of negative distrust // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 67–79. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-67-79

The 2020 presidential election has presented unprecedented political challenges at both the governmental level as well as among an increasingly fractious electorate. If one factor can be cited for maintaining the almost 250 years of stable government in the United States, it would be the smooth transition of power from one presidential administration to another. Despite some heated campaigns, the contest has always ended with one side claiming triumph and the defeated concluding that they would honor the loss and endeavor to win four years later. The 2020 election, like many things in our lives that year, was different. These concerns were articulated by Peter Nicholas in his *The Atlantic* article, “Trump Could Still Break Democracy’s Biggest Norm”¹. What would happen to the American Experiment, not just in the short term but for the future of the United States, if a sitting President refused to honor election results and intended to

¹Nicholas, P. (2020), “Trump Could Still Break Democracy’s Biggest Norm”, *The Atlantic*. June 16, available at: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2020/06/when-does-trump-leave-white-house/613060/> (Accessed 18 Aug. 2020).

stay in office despite the two and a half centuries of stable government and precedent?

At the governmental level, officials and stakeholders have already begun to address this concern. At the end of July this year *The Boston Globe* reported that in late June a bi-partisan group including, “political operatives, former government and military officials, and academics” met online to engage in a role-play exercise on how a contested election would play out². Among the scenarios gamed, included: if President Trump refused to concede a loss, publicly hinted that he might not concede, and then how far he would go to try and retain the Presidency? In every scenario the group concluded that there would be varying levels of street violence and political deadlock. In each case where a close result was gamed, the 11 weeks between the election and Inauguration Day was dominated by political maneuvering by both candidates as the Trump side rallied his supporters and sought to use every lever of power available, the Biden people tried to fight through the courts and neither side was willing to concede. The overall conclusion was that in what is likely to be a close election in November, there are few actual mechanisms to prevent a Constitutional crisis especially if, as anticipated, President Trump used the vast authority vested to him in order to retain power. However, the results of the election did not turn out to be close at all, Biden won the 2020 contest by a significant share of electoral college votes over President Trump.

Now that the election has been decided decisively in favor of Joe Biden and Kamala Harris, despite unsuccessful legal challenges from the Trump campaign to invalidate the results from certain states, the worst fears of some have been realized. Facing likely criminal prosecution in the city and state of New York, President Trump vainly called upon his supporters to demand that he be installed for a second term regardless of the actual election results³. On 6 January 2021, the day that both chambers of Congress were set to certify the results of the Electoral College and formally recognize President-elect Biden as the 46th President of the United States, thousands of supporters of Donald

² Bidgood, J. (2020), “A bipartisan group secretly gathered to game out a contested Trump-Biden election. It wasn’t pretty”, *The Boston Globe*, July 26, available at: <https://www.bostonglobe.com/2020/07/25/nation/bipartisan-group-secretly-gathered-game-out-contested-trump-biden-election-it-wasnt-pretty/> (Accessed 01 Aug. 2020).

³ Rashbaum, W.K. and Weiser, B. “As Soon as Trump Leaves Office, He Faces Greater Risk of Prosecution”, *The New York Times*, Nov. 13, available at: <https://www.nytimes.com/2020/11/13/nyregion/trump-taxes.html> (Accessed 19 Dec. 2020).

Trump converged on the National Mall. These supporters were treated to speeches from not only the President, but his children as well as close advisors such as former New York City mayor Rudy Giuliani. All of whom extolled their patriotism and commitment to overturning the election results, with Trump even admonishing the crowd that they would only win through the use of force against Congress members⁴. The day ended with hundreds of Trump supporters storming the Capitol building, and disrupting the election certification until police were able to restore order and expel the insurrectionists.

How did the United States get to this point? In order to answer this, I would like to discuss the phenomenon of Negative Distrust in American politics. What do I mean by “Negative Distrust”? As opposed to “Positive Distrust” that is marked by healthy skepticism, Negative Distrust creates distorted images of one’s political opponents through statements made by politicians, supporters and media personalities. Eri Bertsou in his article, “Rethinking Political Distrust”, noted that most scholarship has in the past focused on issues related to positive aspects of trust. His work instead focused on the concept of what he termed, “political distrust”. Bertsou contrasts these two concepts, arguing, “that citizen distrust of government and political institutions poses a threat for democratic politics and clarifies the relationship between the distrust observed in established democracies and classical ‘liberal distrust’, which is considered beneficial for democracy” [Bertsou 2019, pp. 213–214].

Marc Hetherington and Jonathan Ladd in their article, “Destroying Trust in the Media, Science and Government Has Left America Vulnerable to Disaster”, examine the attacks made by President Trump on essential institutions and how this has translated into negative distrust amongst his support base. However, the authors are quick to point out that Trump’s attacks are not without precedent, “It is easy to think these are just examples of Trump’s unorthodox political style. Yet he is merely the apotheosis of a political approach that has animated much of the conservative movement for a half century or more: undermining trust in the media, science and government”⁵.

⁴ Savage, C. (2021), “Incitement to Riot? What Trump Told Supporters Before Mob Stormed Capitol”, *The New York Times*, Jan. 10, available at: <https://www.nytimes.com/2021/01/10/us/trump-speech-riot.html> (Accessed 13 Jan 2021).

⁵ Hetherington, M. and Ladd, J.M. “Destroying trust in the media, science, and government has left America vulnerable to disaster”, *Brookings*, May 01, available at: <https://www.brookings.edu/blog/fixgov/2020/05/01/destroying-trust-in-the-media-science-and-government-has-left-america-vulnerable-to-disaster/> (Accessed 03 Jan. 2021).

The seminal treatise on negative distrust is Richard Hofstadter's essay, "The Paranoid Style in American Politics" first published in Harper's Magazine in 1964. Hofstadter used the term "paranoid style" to discuss negative distrust, which he clearly framed as a pejorative. He wrote, "I call it the paranoid style simply because no other word adequately evokes the sense of heated exaggeration, suspiciousness, and conspiratorial fantasy that I have in mind"⁶. The main subject Hofstadter used to illustrate his thesis were the supporters of Barry Goldwater (R-AZ) in the leadup to his 1968 presidential ambitions. Goldwater, in a period that produced many such figures, was an exceptionally right-wing hawk. The ferocious nationalism expressed by Goldwater was noteworthy even in this hyper-nationalist period.

Of Goldwater's followers, Hofstadter wrote, "In recent years we have seen angry minds at work, mainly among the extreme right-wingers, who have now demonstrated in the Goldwater movement how much political leverage can be got out of the animosities and passions of a small minority"⁷. He added, "In the paranoid style, as I conceive it, the feeling of persecution is central, and it is indeed systemized by grandiose theories of conspiracy"⁸. Hofstadter noted that unlike clinical paranoids, those of the political persuasion see threats not to their individual self, but to the country at large, their cultural identification or more abstractly their way of life. Perhaps one can find some contemporary relevance when this is applied to people who decried that they had "lost their country" following the election of Barrack Obama [Walker 2011], or more recently to supporters of the Make America Great Again (MAGA) movement headed by President Donald J. Trump [Eddington 2018].

Hofstadter reminds us of an important point. That he is not a clinician who is making a diagnosis, but instead when Hofstadter discusses the "Paranoid Style", it is how it applies to otherwise normal functioning people. He wrote, "It is the use of paranoid modes of expression by more or less normal people that makes the phenomenon significant"⁹. So where does this political paranoia amongst mentally healthy people originate? The first thing that Hofstadter points out is how this form of negative distrust manifests, "Style has more to do with the way ideas

⁶ Hofstadter, R. (1964), "The Paranoid Style in American Politics", *Harper's Magazine*, P. 77, available at: <https://harpers.org/archive/1964/11/the-paranoid-style-in-american-politics/> (Accessed 03 Aug. 2020).

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

are believed than with the truth or falsity of their content”¹⁰. He then noted that political rhetoric drives political psychology and the most severe forms of negative distrust are linked to movements in which one finds severe discontent. One only need look at the last two presidencies in the US to see how the paranoid style manifested in the opponents of Barack Obama and then in supporters of Donald Trump. These people, not coincidentally largely make up the same group.

1. The Election of Barack Obama 2008 and the Tea Party

When President Obama was first elected to office in 2008 there were two distinct groups that appeared. The first group were those people who voted for and supported Mr. Obama. The second, who are of interest here, are those people who voted against and stood in opposition to Obama’s presidency. The sense of outrage and rejection that this second group expressed was without historical precedent, their reliance on Negative Distrust was even more so. In a paper delivered to the annual meeting of the American Political Science Association in 2011, Alan Abramowitz of Emory University discussed the rise of the anti-Obama movement in a paper titled, “Partisan Polarization and the Rise of the Tea Party Movement”. Abramowitz noted that the emergence of the Tea Party movement was in line with an increasingly conservative trend amongst Republican Party voters since the 1970s and that Tea Party members represented the most conservative members amongst Republicans, and therefore the most outspoken elements relying upon Negative Distrust rhetorical styles. Moreover, “While conservatism is by far the strongest predictor of support for the Tea Party movement, racial hostility also has a significant impact on support” [Abramowitz 2011]. Much in the same vein that Hofstadter described the Goldwater movement as one where the rightwing political elite played upon the fears and prejudices of Republicans, so too does Abramowitz see the rise of the Tea Party movement and rhetoric associated with it in much the same light. He writes,

It is clear that right-wing organizations such as Americans for Prosperity and Freedom Works have provided important logistical support for the movement and that conservative media figures, mainly associated with Fox News, have played crucial roles in publicizing and encouraging attendance at Tea Party rallies. However, these efforts could not have succeeded without the existence of a large, receptive audience among the public [Abramowitz 2011].

In their work *Change They Can't Believe In*, authors Christopher Parker and Matt Barreto noted many of the same trends in their analysis of Tea Party members. The authors asserted that Negative Distrust political rhetoric originating from those associated at all levels of the Tea Party had relied upon conspiratorial language in order to press their points. Assertions often utilized misinformation and referenced conspiracy theories [Parker, Barreto 2014]. The practice was so pernicious that analysis by the news verification site Politifact had routinely labeled Tea Party associated statements as ranging from “Mostly False” to their most deceptive label, “Pants on Fire”. Among the most dishonest statements was that Obama’s presidency was illegitimate because he was not a natural born U.S. citizen as required by the Constitution. Increasingly, conspiratorial calls to produce birth records by far-right voices in the media and among the public, including future President Trump, would hound Obama through his entire two terms in office.

2. The Election of Donald Trump, MAGA and the Post-Election Response amongst Trump Supporters

If the election of Barrack Obama evidenced how political opponents relied upon the Negative Distrust to explain the ascendancy of a particular president, the 2016 election of Donald Trump was unprecedented in the scope and degree to which Negative Distrust manifested from the new President’s supporters. For those who voted for and supported President Trump, one theme popularized from his campaign was the simple slogan, “Make America Great Again”. A statement that carried with it the culmination of decades long elements of Negative Distrust-based ideology sown into and amongst the most conservative elements of the American public, government and media structures.

One can see the “Make America Great Again” movement as the natural successor to the waning Tea Party movement. This slogan encapsulated the anxieties, hopes as well as the evolution of white conservative politics and its reliance of negative distrust rhetoric. As a retrospective term it harkens to some past Neverland where white conservative voters held absolute supremacy over the national discourse. It harnesses a longing among its supporters for a return to a white-dominated society seen as lost to a collection of race-traitors, racial and gender minorities, leftists and their collaborators, in both government and the media. Central to this mentality among proponents is the sense of embattlement and victimhood. Moreover, Donald Trump was often portrayed as being the torchbearer for these disenfranchised conservatives who feel that the destiny of the country is one in which their ideology is supreme.

The most intense form of negative distrust in this narrative manifested as failures of government, the media and other institutions in safeguarding the white conservative. Sean Eddington in his article, “The Communicative Constitution of Hate Organizations Online: A Semantic Network Analysis of ‘Make America Great Again’”, wrote that “... Donald Trump, has long been characterized as a beacon for and mouthpiece of hate speech in both offline and online contexts...” [Eddington 2018]. He adds, “Whereas journalists have sought to link his [Trump’s] rhetoric to hate groups, and have successfully demonstrated a mimicked rhetoric that is used by groups, this study found direct connections within the text corpus to #MAGA both in the overall semantic content and in the hashtag network” [Eddington 2018]. Eddington noted that the MAGA hashtag served through Negative Distrust appeals as a means of uniting white supremacists. Moreover, it served as a potent political tool for rallying supporters and their distrust of government and social institutions with their perception of being betrayed and victimized. At its heart MAGA capitalizes on negative distrust instincts among the conservative and rightwing portions of the electorate.

Another manifestation of the modern incarnation of negative distrust in the Trump era is the conspiracy theory/group known as “QAnon”. Unlike traditional conspiracy theories that tends to either focus on one event such as: the U.S. moon landing, the JFK assassination or the 9/11 terror attacks, and target as the culprit of the conspiracy one group such as: Jewish people, Catholics, the CIA, or Freemasons; the QAnon conspiracy theory instead encompasses a wide variety of smaller conspiracies and perpetrators from foreign states, to Hollywood figures and politicians, to institutional actors such as the CIA and the major media. Claims made include such things as Michelle Obama is actually a man in disguise making President Obama a closet homosexual, to secret caves where babies are raised and harvested for sacrifice in order to maintain the youth of the satanic worshipping elites such as Hillary Clinton, Ellen DeGeneres, and other people in politics and the entertainment industry. The Covid-19 pandemic is claimed to be a Deep State invention where the subsequent vaccine is not what it is purported to be but instead a way to control the population via microchips. 5G technology is also purported by QAnon followers to be another mind control technology. Donald Trump, according to adherents, is singularly in place to stop it all, and is backed by patriotic elements of the military¹¹.

¹¹ Forrest, B. (2021), “What Is QAnon? What We Know About the Conspiracy-Theory Group”, *The Wall Street Journal*, Feb. 4, available at: <https://www.wsj.com/articles/what-is-qanon-what-we-know-about-the-conspiracy-theory-11597694801> (Accessed 10 Jan. 2021).

QAnon conspiracy rhetoric originated in October 2017 from the 4Chan website message boards and an anonymous poster calling itself “Q”. The individual or group identifying as “Q” claimed to have a high-level U.S. security clearance known as “Q clearance” and disseminated messages to adherents via “breadcrumbs” or “Q drops”. While identifying people, groups or conspiracy theories that are in opposition to white conservative American values, the messages were also laced with pro-Trump propaganda. Because of the wide-ranging accusations leveled by “Q”, even supporters admit that it is all unprovable, but that they believe it nonetheless¹². The manifests as the essence of Negative Distrust that strikes at the heart of Hofstadter’s thesis in the 1960s and presents an existential threat to democratic institutions as evidenced on 6 January in Washington, D.C.

In the post-election milieu, this hyper-loyalty to President Trump has metastasized into a national crisis. Since 3 November and the presumptive win by Joe Biden, Donald Trump sought to marshal his forces in and outside of government to challenge the electoral results with the goal of overturning the election¹³. After a spate of losses in state and federal courts the President curried favor amongst sympathetic Congress members to object the Congressional certification of the Electoral College results to take place on 6 January 2021¹⁴.

In the most stunning turn of events, after a rally held that day led by Trump and his children, the attendees stormed the Capitol and broke into the building while Congress members were in session certifying the election. Footage of the event captured the insurrectionists claiming their purpose was to overturn the election and take control of the government¹⁵. While the political fallout is still playing out, there were

¹² Wendling, M. (2020), “QAnon: What is it and where did it come from?”, *BBC News*, Jan. 6, available at: URL: <https://www.bbc.com/news/53498434> (Accessed 12 Jan. 2021).

¹³ Williams, P. and Rada, N.V. (2020), “Trump’s election fight includes over 50 lawsuits. It’s not going well”, *NBCNews.com*, Nov. 23, available at: <https://www.nbcnews.com/politics/2020-election/trump-s-election-fight-includes-over-30-lawsuits-it-s-n1248289> (Accessed 03 Jan. 2021).

¹⁴ Hurley, L. (2021), “U.S. Supreme Court shuns election-related disputes”, *Reuters*, Jan. 12, available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-court-election/u-s-supreme-court-shuns-election-related-disputes-idUSKBN29G1UF> (Accessed 13 Jan. 2021).

¹⁵ Barry, D., McIntire, M. and Rosenberg, M. (2021), “ ‘Our President Wants Us Here’: The Mob That Stormed the Capitol”, *The New York Times*, Feb. 5, available at: <https://www.nytimes.com/2021/01/09/us/capitol-rioters.html> (Accessed 10 Jan 2021).

calls from Congress members, within the media and even amongst allies of the President to either immediately remove Trump from office through the use of the 25th Amendment or by impeachment and conviction in Congress.

Moreover, the desperate attempt to coup the government was not merely ill planned, but ill conceived. Historically most members of Congress have shown a great deal of pride in their role and in their institution. This direct attack was not merely on the body of the Congressional members, the Capitol building, but also the symbolic institution of Congress itself. The resulting fallout led to an immediate drop in support amongst supporters of the President according to Pew Research Center findings¹⁶. Bi-partisan statements were made by party leaders reiterating their allegiance to the government, the Constitution and to Congress and in the strongest terms condemned not only the insurrectionists, but the President as well for his role in the debacle¹⁷. In the days following the attempted insurrection of the government, House Speaker Nancy Pelosi along with other members began issuing an impeachment threat in the final days of President Trump's term. The most notable aspect of these calls has been their bi-partisan nature in a time of otherwise hyper-partisan politics, and a full-throated rejection of Negative Distrust rhetoric aimed at invalidating the 2020 election results¹⁸. Senate Majority Leader Mitch McConnell stated on the Senate floor in response to efforts by some Congress members to overturn the election results,

We're debating a step that has never been taken in American history, whether Congress should overrule the voters and overturn a presidential election. I've served 36 years in the Senate and this will be the most important vote I ever cast. President Trump claims the election was

¹⁶ Biden Begins Presidency with Positive Ratings; Trump Departs With Lowest-Ever Job Mark (2021), *Pew Research Center – U.S. Politics & Policy*, Jan. 15, available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/01/15/biden-begins-presidency-with-positive-ratings-trump-departs-with-lowest-ever-job-mark/> (Accessed 18 Jan. 2021).

¹⁷ Abril, D. (2021), "Congress members under siege in Capitol tweet their shock and frustration", *Fortune Magazine*, Jan. 6, available at: <https://fortune.com/2021/01/06/dc-riots-tweets-congress-senators-representatives-reactions-capitol-mob-2020-election-trump-supporters/> (Accessed 09 Jan 2021).

¹⁸ Warren, M., Gangel, J. and Acosta, J. (2021), "Angry Republican leaders float removing Trump from office", *CNN*, Jan. 6, available at: <https://edition.cnn.com/2021/01/06/politics/trump-capitol-impeachment-25-amendment/index.html> (Accessed 09 Jan 2021).

stolen, the assertions range from certain local allegations to Constitutional arguments to sweeping conspiracy theories... If this election were overturned by mere allegations from the losing side our democracy would enter a death spiral. We would never see the whole nation accept an election again¹⁹.

In the aftermath of the failed coup a number of disturbing allegations have been uncovered about the goals of the insurrectionists. Among them was how prepared they were on the 6th of January. A significant number of the Trump rally attendees arrived with arms, including Molotov cocktails, pipe bombs and other devices such as police-style zip tie handcuffs and various forms of bulletproof vests, ballistic helmets and similar gear²⁰. During the insurrection five people were killed in the immediate event or in the aftermath, including two police officers. One particularly disturbing video shows one Capitol police officer laying on the steps leading into the Capitol building as the violent mob began to beat him with various implements including flagpoles carrying the American flag and improvised weapons such as a fire extinguisher. This officer later died from complications resulting from the trauma²¹. Moreover, the formerly pro-police sentiment amongst these hardline Trump supporters has begun to turn. Where only six months ago groups such as the 3%'ers, Proud Boys, Boogaloo Boys and other pro-Trump white nationalist groups made dramatic expressions of support for the pro-police "Back the Blue" movement that opposed Black Lives Matter and other police reform efforts, these same right-wing groups are now repudiating the police as traitors in the strongest terms possible. Only a few nights after 6 January a Proud Boys demonstration in Salem, Oregon had supporters stepping on a "Back the Blue" flag and challenging police in the streets until they were forcibly dispersed by authorities.

¹⁹ Sanford, C. (2021), "Mitch McConnell Senate Speech Transcript January 6: Rejects Efforts to Overturn Presidential Election Results", *Rev.*, Jan. 6, available at: <https://www.rev.com/blog/transcripts/mitch-mcconnell-senate-speech-on-election-confirmation-transcript-january-6> (Accessed 09 Jan 2021).

²⁰ Schapiro, R. (2021), "Stun guns, 'stinger whips' and a crossbow: What police found on the Capitol protesters", *NBCNews.com*, Jan. 13, available at: <https://www.nbcnews.com/news/us-news/stun-guns-stinger-whips-crossbow-what-police-found-capitol-protesters-n1254127> (Accessed 18 Jan. 2021).

²¹ Hill, E., Ray, A. and Kozlowsky, D. (2021), " 'They Got a Officer!': How a Mob Dragged and Beat Police at the Capitol", *The New York Times*, Jan. 11, available at: <https://www.nytimes.com/2021/01/11/us/capitol-mob-violence-police.html> (Accessed 31 Jan. 2021).

Conclusion

With the electoral loss of Donald Trump and his failure to secure a second term in office, and the anticipation of legal action by the Attorney General of New York State awaiting his return to civilian life, Trump has not easily given into defeat. His supporters, exhibiting the worst aspects of Negative Distrust, likewise already primed to believe that his loss could only come about by the cheating of Biden supporters, have roundly rejected this outcome. This places the United States into very dangerous territory where for the first time in the history of the Republic, a smooth transition from one president to another or a smooth continuance of an administration from one term to another was not accomplished. The most dramatic example of this was the 6 January Trump rally and subsequent storming of the Capitol building by his supporters in an effort to halt the Constitutionally mandated ratification of the Electoral College and finalization of the victory of Joe Biden.

In U.S. history there have always been sophistic politicians, intellectuals and media figures interested in gaining either political power or monetizing the anger and outrage of a target group. During the tenure of Donald Trump and coming to an apex in the 2020 election and subsequent months, the paranoid style of American politics as practiced in the 21st century has taken on new shapes. Among those groups who claim their ultimate allegiance to the country and Constitution, we saw members trying to stage a violent overthrow of the government in order to install their chosen leader. This is not merely a difference of political tastes, but formed an existential threat to the society as a whole and the most dangerous expressions of a reliance on Negative Distrust to guide political perceptions and actions.

If politicians and other figures in society choose to play to the basest fears and prejudices of their voter bases, they are in danger of creating a Frankenstein-type monster whose capacity for mischief and existential damage cannot be overstated. In the days after 6 January, Trump-aligned groups and individuals were still conspiring to overturn the 2020 results. These events are still unfolding, and the extent of the impact of Donald Trump, QAnon, and Trumpism in general is impossible to illustrate. However, as investigations are conducted by both government and media actors, areas of further research into the impact of the Negative Distrust as manifested in the Trump era can be better understood.

References

- Abramowitz, A.I. (2011), "Partisan Polarization and the Rise of the Tea Party Movement", *APSA Annual Meeting Paper*, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1903153 (Accessed 9 Aug. 2020).
- Bertsou, E. (2019), "Rethinking political distrust", *European Political Science Review*, vol. 11, issue 2, pp. 213–230, available at: <https://doi.org/10.1017/s1755773919000080> (Accessed 9 Aug. 2020).
- Eddington, S.M. (2018), "The Communicative Constitution of Hate Organizations Online: A Semantic Network Analysis of 'Make America Great Again' ". *Social Media + Society*, vol. 4, issue 3, available at: <https://doi.org/10.1177/2056305118790763> (Accessed 9 Aug. 2020).
- Parker, C.S. and Barreto, M.A. (2014), *Change they can't believe in: the Tea Party and reactionary politics in America*, Princeton, NJ, Princeton University Press. Kindle Edition.
- Walker, C.E. (2011), " 'We're losing our country': Barack Obama, Race & the Tea Party", *Daedalus*, vol. 140, no. 1, pp. 125–130, available at: https://doi.org/10.1162/DAED_a_00064 (Accessed 9 Aug. 2020).

Information about the author

Erik A. Olsen, Ph.D. (History, American Studies), University of Amsterdam, Amsterdam, The Netherlands; 134 Spuistraat, Amsterdam, The Netherlands, 1012 VB; eaodak@gmail.com

Информация об авторе

Эрик А. Олсен, Ph.D. (история, американские исследования), Амстердамский университет, Амстердам, Нидерланды; 134 Spuistraat, Amsterdam, The Netherlands, 1012 VB; eaodak@gmail.com

УДК 327(438+47)
DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-80-90

Вторая мировая война в контексте современных российско-польских отношений

Денис О. Вакарчук

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vakarchuk.d@rggu.ru*

Аннотация. С 2014 г. российско-польские отношения переживают кризисный период. Противоречия затрагивают широкий спектр проблем, одной из которых является память о Второй мировой войне. В статье представлен количественный анализ событий, произошедших за последние 20 лет в рамках российско-польского взаимодействия по проблематике Второй мировой войны. Гипотеза автора заключается в том, что российско-польский официальный дискурс о Второй мировой войне обусловлен внешнеполитическими интересами руководства двух стран. Определяющим фактором решения сложных вопросов совместного исторического прошлого является готовность политических элит к диалогу, свободному от конкуренции за «историческую правду».

Ключевые слова: Россия, Польша, Вторая мировая война, количественный анализ

Для цитирования: Вакарчук Д.О. Вторая мировая война в контексте современных российско-польских отношений // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 80–90. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-80-90

World War II in the context of contemporary Russian-Polish relations

Denis O. Vakarchuk

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vakarchuk.d@rggu.ru*

Abstract. Since 2014, the Russian-Polish relations have been affected by crisis situations. The disagreements involve a wide range of issues, one of which is the memory of the Second World War. The article presents a quantitative

© Вакарчук Д.О., 2021

analysis of the events that have taken place for the last 20 years within the framework of the Russian-Polish interaction relating to the subject matter of the Second World War. The author's hypothesis is that the Russian-Polish official discourse on World War II is conditioned by the foreign policy interests of the leaders of those countries. The willingness of the political elites to engage in dialogue, free from competition for the «historical truth», is the determining factor in resolving the complex issues of the common historical past of both countries.

Keywords: Russia, Poland, Second World War, quantitative analysis

For citation: Vakarchuk, D.O. (2021), “World War II in the context of contemporary Russian-Polish relations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 80–90, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-80-90

Введение

Российско-польские отношения в постбиполярную эпоху переживают сложный период. Их позитивная повестка является скорее исключением, чем правилом. Помимо стратегических противоречий, связанных с атлантическим выбором руководства Польши и попытками конкурировать с Россией на постсоветском пространстве, двусторонние отношения отягощает различное восприятие прошлого. В частности, некоторые вопросы исторической памяти о событиях Второй мировой войны (далее – ВМВ) давно стоят на повестке российско-польских отношений, но в каждой из стран они интерпретируются по-разному.

Проведенное исследование не было посвящено изучению и сравнению основных положений российской и польской политики памяти о ВМВ. На эту тему написано большое количество научных работ [Бухарин 2013, Буневич 2016, Столяров 2014].

Автор попытался ответить на вопрос: имеет ли место корреляция российско-польского взаимодействия по оценке ВМВ и внешнеполитического климата двусторонних отношений с 2000 по 2019 г.?

Методология исследования

Для решения этой задачи была использована методология ивент-анализа [Вакарчук 2020], которая позволила операционализировать как развитие российско-польских отношений по пробле-

матике ВМВ, так и динамику отношений этих стран в целом. Источниками для проведения ивент-анализа послужили публикации международных информационных агентств на английском и русском языках. Необходимо отметить, что исследование ограничено двадцатилетним хронологическим периодом: с 2000 по 2019 г., что обусловлено проблематикой. Несмотря на то что фундамент современных противоречий в российско-польских отношениях закладывался еще в 1990-е гг., сложные вопросы исторического прошлого в целом не отягощали их. В тот период и российские, и польские высокопоставленные должностные лица воздерживались на официальном уровне от активной апелляции к болезненным событиям советско-польских отношений времен ВМВ. Это объясняется тем, что как в России, так и в Польше в 1990-е гг. политика памяти переживала этап становления и институционализации [Буневич 2016]. В свою очередь, с приходом к власти в 2000-е гг. в этих странах новых политических сил политика памяти стала широко использоваться в официальном дискурсе.

Наряду с ивент-анализом для изучения тональности российско-польского официального дискурса была применена методология контент-анализа. В настоящем исследовании не ставилась задача подвергнуть количественному анализу все возможные виды российско-польского дискурса по соответствующей проблематике. Акцент был сделан на официальном дискурсе. Поэтому корпус источников для проведения контент-анализа был ограничен стенограммами выступлений и публикациями высших должностных лиц России и Польши на английском языке за 2009, 2010, 2019 гг. Выбор был продиктован большим количеством выступлений высших должностных лиц по исследуемой тематике в эти годы. В свою очередь, выбор английского языка для проведения контент-анализа обусловлен, во-первых, потребностью в стандартизации корпуса источников, во-вторых, относительной семантической и морфологической простотой этого языка. Для определения тональности текстовых массивов был использован тематический словарь “Bing Liu Sentiment Lexicon”¹, который содержит более 6700 английских слов, разбитых на две категории: «положительная» и «отрицательная».

Помимо методов статистической обработки текстовой информации для идентификации взаимосвязи между проблематикой па-

¹Opinion Mining, Sentiment Analysis, and Opinion Spam Detection [Электронный ресурс] // University of Illinois Chicago. URL: <https://www.cs.uic.edu/~liub/FBS/sentiment-analysis.html#lexicon> (дата обращения 28 декабря 2020).

мнати о ВМВ и внешнеполитическим климатом российско-польских отношений применялся коэффициент корреляции Спирмена. Все расчеты производились при помощи языка программирования R.

Оценка российско-польского взаимодействия по проблематике ВМВ

Тема памяти о ВМВ в среднем чаще всего фигурировала в российско-польском официальном дискурсе в годовщины важнейших событий войны (рис. 1), значимых для этих стран: начало ВМВ (1939 г.), Катынские расстрелы (1940 г.), освобождение Освенцима (1944 г.), окончание ВМВ (1945 г.), – которые приходились на 2000, 2004–2005, 2009–2010, 2014–2015, 2019 гг.

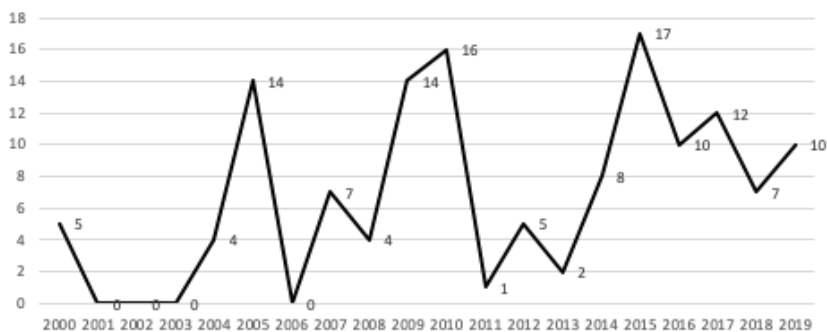

Рис. 1. Линейная диаграмма распределения интенсивности российско-польского взаимодействия по проблематике ВМВ (2000–2019 гг.)

Более того, столкновение польских и российских интерпретаций прошлого было наиболее показательным преимущественно в указанные годовщины. Во-первых, памятные мероприятия представляли возможность российской и польской политической элите обратить внимание электората и международного сообщества на свою трактовку прошлого. Во-вторых, именно на годовщины в рассматриваемый период приходились президентские выборы в Польше, что дополнительно способствовало интенсификации официальных заявлений со стороны польской политической элиты по проблематике ВМВ с целью получения электоральной поддержки.

Важно отметить, что событиям первой из представленных в исследовании годовщин, которые пришлись на 2000 г., высшими должностными лицами России и Польши не было уделено большого внимания. Значимым стало лишь открытие мемориальных кладбищ в Катыни и Медном². Официальные выступления польских и российских политиков, посвященные этому событию, не содержали каких-либо оценочных суждений и не демонстрировали наличие конфронтации по поводу трактовки истории. Тем не менее уже к следующей годовщине ситуация изменилась.

Как видно из графика (рис. 2), который представляет собой распределение среднего значения событий, взвешенных по шкале Дж. Гольдштейна, российско-польское взаимодействие по проблематике ВМВ развивалось за редкими исключениями преимущественно нейтрально вплоть до 2014 г., с которого начинается снижение показателя. Локальный минимум пришелся на 2017 г. и составил $-120,3$. В свою очередь, локальный максимум оценки польско-российского дискурса о ВМВ пришелся на 2010 г. Значение показателя составило $101,8$.

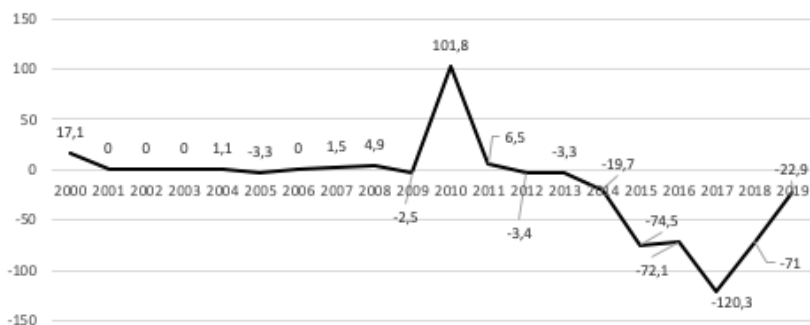

Рис. 2. Линейная диаграмма

распределения показателя оценки российско-польского взаимодействия по проблематике ВМВ (2000–2019 гг.)

Наибольший интерес представляют события 2009–2010 гг. Несмотря на то что среднее арифметическое показателя оценки российско-польских отношений с 2009 по 2010 г. является макси-

² В Катыни звонит колокол [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2000. 29 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/154247> (дата обращения 28 декабря 2020).

мальным относительно иных годовщин, распределение значений именно на этом временном отрезке имеет максимальный размах. Это обусловлено тем, что на 2009 г. пришлось довольно большое количество провокационных заявлений и инициатив с обеих сторон, к которым можно отнести публикацию министра иностранных дел России С. Лаврова о роли пакта Молотова–Риббентропа³, выступление президента Польши Л. Качиньского, в котором он приравнял события в Катыни к Холокосту⁴, а также резолюцию польского сейма по событиям 17 сентября 1939 г.⁵, осуждающую «агрессию» СССР против Польши. Тем не менее уже для 2009 г. было характерно стремление сторон к конструктивной повестке по болезненным вопросам истории ВМВ. В этом отношении безусловным маркером стал сентябрьский визит В. Путина в Гданьск по приглашению польской стороны для участия в памятных мероприятиях, посвященных началу ВМВ. В преддверии этого визита в известном польском издании “Gazeta Wyborcza” была опубликована статья В. Путина, в которой он впервые публично согласился с необходимостью осуждения советско-германского договора о ненападении и дополнительного протокола к нему от 23 августа 1939 г., при этом, однако, отметив, что Польша участвовала в разделе Чехословакии⁶.

В 2010 г. состоялся настоящий прорыв в российско-польских отношениях по проблематике ВМВ. Во-первых, Польше были переданы 67 томов рассекреченных материалов уголовного дела о расстреле польских граждан в Катыни⁷, а Государственная дума

³ Трагедия Второй мировой: кто виноват? [Электронный ресурс] // Российская газета. 2009. 1 сент. URL: <https://rg.ru/2009/09/01/voyna.html> (дата обращения 28 декабря 2020).

⁴ Two generations have passed but the Second World War still requires reflection? [Электронный ресурс] // The official website of the President of the Republic of Poland. 2009. Sept. 01. URL: <https://www.president.pl/en/archive/news-archive/news-2009/art,12,61,two-generations-have-passed-but-the-second-world-war-still-requires-reflection.html> (дата обращения 26 июля 2020).

⁵ Сейм Польши принял резолюцию, осуждающую ввод советских войск [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. 2009. 23 сент. URL: <https://ria.ru/20090923/186109187.html> (дата обращения 26 июля 2020).

⁶ Владимир Путин: «Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?» [Электронный ресурс] // ИноСМИ.RU. 2009. 31 авг. URL: <https://inosmi.ru/russia/20090831/252071.html> (дата обращения 28 декабря 2020).

⁷ Примирение. Дмитрий Медведев передал маршалу сейма Польши катынские документы [Электронный ресурс] // Российская газета. 2010.

РФ заявила об ответственности за эти события советских высших должностных лиц⁸. Во-вторых, российское руководство по приглашению польской стороны приняло участие в мероприятиях, посвященных годовщинам начала ВМВ, освобождения Освенцима, трагедии в Катыни. В свою очередь, польское руководство посетило парад Победы в 2010 г. по приглашению российской стороны.

Говоря о причинах такого прорыва, необходимо отметить влияние нескольких факторов. Безусловно, важное значение имела гибель президента Польши Л. Качиньского, одного из главных проводников исторической политики этой страны [Лькошина 2015], и концентрация власти в руках партии «Гражданская платформа», руководство которой в диалоге с Москвой старалось ставить во главу угла прагматичные интересы. Кроме того, значительный вклад в налаживание отношений внес Президент России Д. Медведев. Именно с его подачи в российском официальном и общественном дискурсе была развернута критика сталинизма⁹. В интервью польским СМИ Д. Медведев возложил ответственность за события в Катыни на «Сталина и других советских руководителей»¹⁰.

Ивент-анализ российско-польского взаимодействия с 2000 по 2019 г. (рис. 3) показал, что локальный пик двусторонних отношений также пришелся на 2010 г. Значение показателя составило 17087,1, что почти в 3 раза превысило второе по величине значение. Наличие такой взаимозависимости является не случайностью, а скорее закономерностью. Если сопоставить распределение значений на графиках (рис. 2 и 3), то станет очевидно, что параллельно

10 мая. URL: <https://rg.ru/2010/05/10/delo-katyn.html> (дата обращения 28 декабря 2020).

⁸ Дело о Катыни [Электронный ресурс] // Российская газета. 2010. 26 нояб. URL: <https://rg.ru/2010/11/26/katyn.html> (дата обращения 28 декабря 2020).

⁹ Слова Медведева о Сталине – сигнал обществу? [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. 2009. 30 окт. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2009/10/091030_repression_victims_day (дата обращения 28 дек. 2020); Медведев осудил Сталина и предостерег от новой войны [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. 2010. 7 мая. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2010/05/100507_medvedev_interview_war (дата обращения 28 декабря 2020).

¹⁰ Интервью польским средствам массовой информации [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство Президента России. 2010. 6 дек. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/9707> (дата обращения 28 декабря 2020).

с общим ухудшением климата российско-польских отношений¹¹ начиная с 2013 г. обострились отношения по проблематике ВМВ.

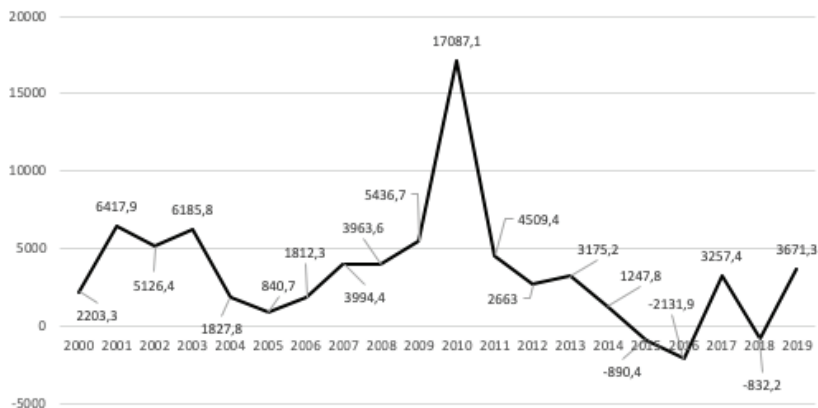

Рис. 3. Линейная диаграмма распределения показателя оценки российско-польских отношений (2000–2019 гг.)

Иллюстрацией кризиса стало замораживание деятельности Российско-польской группы по сложным вопросам, развертывание в Польше борьбы с памятниками советским солдатам, возвращение российского руководства к интерпретации пакта Молотова–Риббентропа как договора, соответствующего национальным интересам СССР, а также к критике Польши за причастность к разделу Чехословакии 1938 г.

Примечательно, что результат контент-анализа официальных выступлений и публикаций по тематике ВМВ российских и польских высших должностных лиц также в целом подтверждает выдвинутый выше тезис о наличии взаимозависимости. На рис. 4 видно, что в 2009 и 2010 гг. в официальных выступлениях в среднем преобладали слова с более положительной тональностью, чем в 2019 г.

В связи с этим была сделана попытка посредством статистического анализа доказать наличие взаимосвязи в рассматриваемый период между российско-польским взаимодействием по проблематике ВМВ и общим уровнем двусторонних отношений этих стран.

¹¹ Первопричиной обострения российско-польских отношений начиная с 2014 г. стал украинский кризис и его последствия.

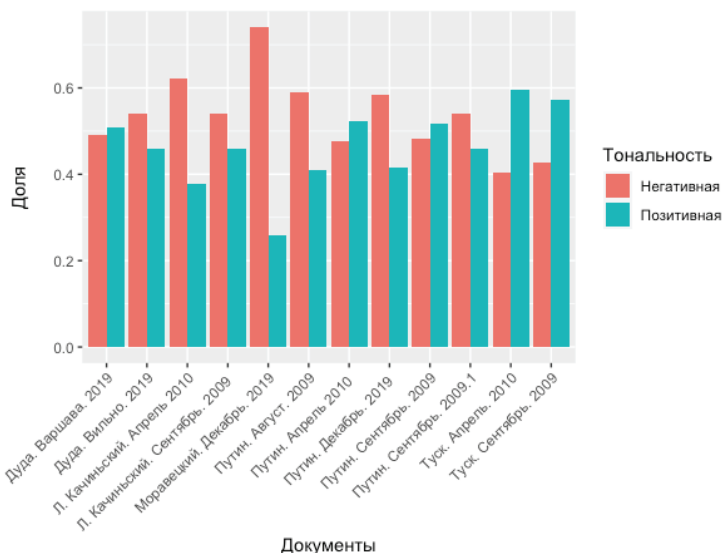

Рис. 4. Гистограмма частот распределения показателя тональности официальных выступлений и публикаций российских и польских высших должностных лиц (2009, 2010, 2019 гг.)

Результаты исследования

Применение коэффициента корреляции Спирмена продемонстрировало наличие статистически значимой взаимосвязи ($\rho = 0.61663$, $p\text{-value} = 0.01096$) между показателями оценки российско-польского взаимодействия по проблематике ВМВ и внешнеполитического климата двусторонних отношений. Данный тезис также подтверждает диаграмма рассеяния, изображенная на рис. 5. Как видно из графика, взаимосвязь между переменными линейная и положительная, большинство наблюдений располагаются в пределах доверительных интервалов.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод о наличии взаимозависимости между уровнем российско-польского официального дискурса по оценке ВМВ и внешнеполитическим климатом отношений этих стран в исследуемый период, что может говорить о внешнеполитической обусловленности политики памяти в этих государствах. В результате анализа была выявлена чувствительность российско-польского официального

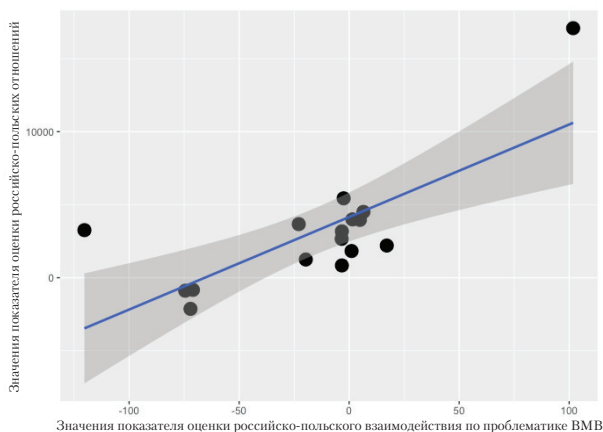

Рис. 5. Диаграмма рассеяния, указывающая на наличие положительной взаимосвязи

дискурса о ВМВ к изменению видения руководством этих стран развития двусторонних отношений. Попытки сторон найти точки соприкосновения, сформировать позитивную повестку положительным образом сказывались на дискурсе о ВМВ. В свою очередь, следствием ухудшения российско-польских отношений становилось регулярное обращение руководства России и Польши к сложным вопросам исторической памяти в негативном ключе.

При этом важно понимать, что корреляционный анализ не позволяет сделать точный вывод о наличии причинно-следственной зависимости между изучаемыми переменными. Представляется, что для получения более точных оценок взаимосвязи между развитием официального дискурса и внешнеполитических отношений двух стран необходим анализ временных рядов. Однако это тема для отдельной публикации.

Литература

- Бухарин 2014 – *Бухарин Н.И.* Россия – Польша: опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 204 с.
- Буневич 2016 – *Буневич Д.С.* Историческая политика как интеллектуальный ресурс внешней политики Республики Польша в 2000-е годы // *Интеллигенция и мир.* 2016. № 2. С. 123–134.

- Вакарчук 2020 – *Вакарчук Д.О.* Влияние различий между государствами – членами ЕС на их отношения с Российской Федерацией: 2014–2019 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 57–73.
- Лыкошина 2015 – *Лыкошина Л.С.* Историческая политика современной Польши в контексте российско-польских отношений // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 170–179.
- Столяров 2014 – *Столяров А.О.* Историческая память о России и СССР в польской национальной идентичности (1989–2010 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9–2 (47). С. 161–164.

References

- Bukharin, N.I. (2014), *Rossiya – Pol'sha: opyt dvadtsatiletnikh otnosheniĭ: 90-e gody KhKh veka – pervoe desyatiletie XXI veka* [Russia – Poland: the experience of twenty years of relations: the 90s of the XX century – the first decade of the XXI century], 2nd ed., rev. and add., Nestor-Istoriya, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Bunevich, D.S. (2016), “Historical politics as an intellectual resource of the foreign policy of the Republic of Poland in the 2000s”, *Intelligentsia and the world*, no. 2, pp. 123–134.
- Vakarchuk, D.O. (2020), “Differences among the member states of the European Union and its influence on their relations with the Russian Federation: 2014–2019”, *RSUH/RGGU Bulletin, Series “Political Science. History. International Relations”*, no. 4, pp. 57–73.
- Lykoshina, L.S. (2015), “Historical policy of modern Poland in the context of the Russian-Polish relations”, *Slavic Almanac*, no. 1-2, pp. 170–179.
- Stolyarov, A.O. (2014), “Historical memory of Russia and the USSR in Polish national identity (1989–2010)”, *Historical, philosophical, political and law sciences, culturalology and study of art. Issues of theory and practice*, no. 9-2 (47), pp. 161–164.

Информация об авторе

Денис О. Вакарчук, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vakarchuk.d@rggu.ru

Information about the author

Denis O. Vakarchuk, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vakarchuk.d@rggu.ru

Нормативно-правовое регулирование
академического взаимодействия России и Германии
в рамках Болонского процесса:
проблемы совершенствования

Мария А. Пашук

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mariaovpashuk@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена проблемам совершенствования нормативно-правового регулирования академического взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса. В работе использованы методы ретроспективного, статистического, сравнительного исследования. Автором обозначены ключевые направления, регламентированные Болонской декларацией, даны основные характеристики нормативно-правового обеспечения участия российских вузов в Болонском процессе. Отмечена роль российско-германского научно-образовательного партнерства в реформировании системы высшего образования в России. Рассмотрены нормативно-правовые акты, формирующие организационно-правовые рамки образовательного сотрудничества России и Германии в рамках Болонского процесса. В качестве основополагающей проблемы, препятствующей расширению академического взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса, указана недостаточность российской законодательной базы, отсутствие правовых условий для активной академической мобильности студентов и академического персонала: (1) высокие требования для получения студенческой визы (как для российских, так и для немецких студентов); (2) ограниченный объем программ образовательных обменов для студентов и преподавателей; (3) недостаток финансирования образовательных поездок (конференции, стажировки) за границу; (4) некорректная трактовка и оценка российской квалификации «специалист» в странах Европейского пространства высшего образования (ЕПВО).

Ключевые слова: Болонский процесс, нормативно-правовое регулирование, высшее образование, академическое взаимодействие, мобильность, Германия, Россия

Для цитирования: Пашук М.А. Нормативно-правовое регулирование академического взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса: проблемы совершенствования // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 91–104. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-91-104

© Пашук М.А., 2021

Legal regulation
of academic interaction between Russia and Germany
in the framework of the Bologna process:
problems of improvement

Mariya A. Pashuk

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
mariavonpashuk@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the problems of improving the legal regulation of academic interaction between Russia and Germany in the framework of the Bologna process. The work uses methods of retrospective, statistical, comparative research. The author outlines the key areas regulated by the Bologna Declaration, gives the main characteristics of the regulatory framework for the participation of Russian universities in the Bologna process. The role of the Russian-German scientific and educational partnership in reforming the higher education system in Russia is highlighted. The article considers the regulatory legal acts that form the organizational and legal framework of educational cooperation between Russia and Germany in the framework of the Bologna process. Insufficiency of the Russian legislative framework, the lack of legal conditions for active academic mobility of students and academic staff are pointed out as a fundamental problem preventing the expansion of academic cooperation between Russia and Germany within the framework of the Bologna process: (1) high requirements for obtaining a student visa (both for Russian and German students); (2) a limited amount of educational exchange programs for students and teachers; (3) lack of funding for educational trips (conferences, internships) abroad; (4) incorrect interpretation and assessment of the Russian qualification “specialist” in the countries of the European Higher Education Area (EHEA).

Keywords: Bologna process, regulation, higher education, academic interaction, mobility, Germany, Russia

For citation: Pashuk, M.A. (2021), “Legal regulation of academic interaction between Russia and Germany in the framework of the Bologna process: problems of improvement”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 91–104, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-91-104

Введение

В эпоху интенсификации цифровизации, научно-технического прогресса и инновационных преобразований система высшего образования становится интеллектуальной основой развития ключевых отраслей экономики, а ее совершенствование – фунда-

ментальным условием переориентации России с энерго-сырьевой модели экономического развития на инновационную. основополагающим драйвером реформирования российского высшего образования стало участие России в Болонском процессе, в рамках которого осуществляется сотрудничество с европейскими вузами, способствующее интеграции лучших элементов европейского образовательных систем в российское образование. Присоединение России к Болонскому процессу 19 сентября 2003 г. на Берлинской конференции детерминировано трансформацией ценностно-смысловой и методолого-мировоззренческой парадигмы высшего образования в стране, направленной на формирование экономики знаний и общества знаний, повышение конкурентоспособности отечественных выпускников на международном рынке, модернизацию качества и гармонизацию архитектуры высшего образования, развитие академической мобильности.

Цель статьи – выявить нормативно-правовые проблемы расширения академического взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса. Основная часть работы включает два раздела. В первом разделе рассматриваются нормативно-правовые рамки обеспечения участия российских вузов в Болонском процессе, во втором – анализируется специфика образовательного сотрудничества России и Германии. Вопросы нормативно-правового регулирования участия российских вузов в Болонском процессе исследуются в трудах А.И. Горылева, О.В. Кадникова, А.В. Мусаткина, Г.У. Муташанского, Л.В. Борзилова и др. Согласно выводам А.И. Горылева, в настоящий период российское законодательство не противоречит основным принципам Болонской декларации. Однако сохраняется объективная потребность в дальнейшей модернизации законодательства. В частности, требуется детализировать регламентацию правовых процессов, связанных с реализацией в российских вузах совместных международных образовательных программ. Несколько иной позиции придерживаются Г.У. Муташанский и Л.В. Борзилов. По мнению ученых, несмотря на соответствие нормативно-правовых актов, регулирующих образовательные правоотношения в РФ, требованиям системности и согласованности, выдвигаемым Болонской декларацией, отечественное образовательное законодательство характеризуется пробельностью и противоречивостью. Нивелировать недостатки предлагается посредством внесения систематических, последовательных коррективов в действующее законодательство и научно обоснованной систематизации образовательно-правовых норм.

Анализ российско-германского сотрудничества в сфере высшего образования осуществляется в работах В.Л. Петрова и В.С. Кома-

рова «Научно-образовательные партнерства России и Германии», О.В. Кадниковой и А.В. Мусаткиной «Российско-германское сотрудничество в сфере высшего образования» и т. д. При этом фактически отсутствуют научные исследования, посвященные проблемам расширения и совершенствования академического взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса, что актуализирует значимость нашего исследования, восполняющего пробелы в данной области.

Нормативно-правовое обеспечение участия российских вузов в Болонском процессе

Интеграция российского образования в единое образовательное пространство осуществляется по следующим ключевым направлениям, регламентированным Болонской декларацией 1999 г.:

- внедрение модели многоуровневого высшего образования, дифференцированного на несколько ступеней (бакалавр – магистр);
- разработка и обеспечение эффективного функционирования внутренней системы оценивания качества образования, соответствующего европейским стандартам;
- активизация мобильности и расширение академических свобод студентов и профессорско-преподавательского состава в целях обмена международным опытом;
- установление общеевропейской формы приложения к диплому (European Diploma Supplement).

Внесение структурных изменений в российскую образовательную систему в соответствии с положением Болонской декларации, несмотря на ряд положительных сторон и позитивных сдвигов (автоматическое признание диплома и присвоенной квалификации на международном уровне, мобилизация преподавателей и студентов, стабилизация асимметрии рейтингов по отдельным специальностям и региональной представленности и т. д.), активно критикуется как профессиональным, так и студенческим сообществом, что, на наш взгляд, обусловлено традиционализмом российского сознания, инертностью менталитета и рефлексом защиты культурной идентичности. Тем не менее процесс унификации и гармонизации российского образования все более консервируется и интенсифицируется, о чем свидетельствуют систематические нововведения в образовательном законодательстве Российской Федерации.

В целях нормативно-правового обеспечения участия российских вузов в Болонском процессе внесены коррективы в базовые

в сфере образования законы, а также приняты профильные нормативно-правовые акты, обеспечивающие полноаспектную реализацию положений Болонской декларации. В первую очередь, необходимо акцентировать внимание на Федеральном законе (ФЗ) РФ «Об образовании»¹, устанавливающим фундаментальные правовые, экономические и организационные основы государственной политики в области образования. Для реализации Болонского процесса актуальность представляют: глава 2, обеспечивающая соответствие содержания образования международным требованиям и определенную степень автономности образовательных учреждений при составлении образовательных программ; глава 6, устанавливающая рамки международного сотрудничества вузов и закрепляющая приоритет международных договоров РФ над внутренним законодательством. Доступность высшего образования, являющаяся важнейшим приоритетом Болонской декларации, обеспечивается ФЗ от 6 января 2007 г. № 1-ФЗ², предоставляющим военнослужащим ряд преференций при поступлении на обучение (повышенная стипендия, право на зачисление без сдачи экзаменов и т. п.) [Матушанский, Борзилова 2010].

Роль специальных нормативно-правовых актов, формирующих правовое поле единого образовательного пространства, принадлежит: Приказу Минобрнауки № 100 от 25 октября 2004 г.³, Приказу Минобрнауки России № 40 от 15 февраля 2005 г.⁴, Приказу

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 9 сентября 2020).

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения доступности среднего профессионального образования и высшего профессионального образования для военнослужащих (граждан), проходящих (проходивших) военную службу по контракту» от 06.01.2007 № 1-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64962/ (дата обращения 9 сентября 2020).

³ Приказ Министерства образования и науки РФ от 25 октября 2004 г. № 100 «О группе по осуществлению Болонских принципов в России» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/6152169/> (дата обращения 9 сентября 2020).

⁴ Приказ от 15 февраля 2005 г. № 40 «О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования

Министерства образования и науки РФ № 215⁵, Распоряжению Правительства РФ от 1 июля 2006 г. № 944-р⁶, Распоряжению от 8 декабря 2011 г. № 2227-р⁷, Концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг., Распоряжению Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 799-р. Первые инициативы по интеграции российского образования в международное пространство реализованы еще за десять лет до официального присоединения России к Болонской декларации. В 1994 г. МГИМО внедряет двухуровневую систему образования, а в 1996 г. принимается ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», предусматривающий многоуровневую систему высшего образования [Горылев 2019].

Нормативно-правовая поддержка вступления России в Болонский процесс обеспечивается, в первую очередь, Приказом Минобрнауки России № 40 от 15 февраля 2005 г. «О реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации», в рамках которого утвержден план мероприятий по реализации центральных положений Болонской декларации. План содержит ряд целей, достижение которых провозглашается приоритетным направлением образовательной политики РФ в настоящий период. На сегодня нереализованными остались цели, связанные с академической мобильностью

Российской Федерации» // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=360195#03041176804440686> (дата обращения 9 сентября 2020).

⁵ Приказ Минобрнауки России от 09.03.2017 № 215 «Об организации в Министерстве образования и науки Российской Федерации работы по рассмотрению и утверждению положений о закупках товаров, работ, услуг бюджетных учреждений, подведомственных Министерству образования и науки Российской Федерации, и вносимых в них изменений» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212570/ (дата обращения 9 сентября 2020).

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 1 июля 2006 г. № 944-р «Об утверждении плана мероприятий по поддержке развития экспорта образовательных услуг» // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6224473/> (дата обращения 9 сентября 2020).

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (дата обращения 9 сентября 2020).

студентов и преподавателей вузов, а также вопросы повышения качества российского образования и признания российских образовательных документов в странах – участниках Болонского процесса. Справедливо констатировать, что проблемы достижения надлежащего качества высшего профессионального образования в полной мере осознаются государством, о чем свидетельствуют положения Распоряжения от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.» В качестве ключевого фактора, препятствующего повышению качества образовательных услуг в России, законодателями обозначается недофинансирование сферы образования. Согласно официальным статистическим данным, обнародованным Федеральным казначейством и Организацией экономического сотрудничества и развития, в 2019 г. государственное финансирование образования в России составило 4,6% от ВВП страны. Для сравнения: в Швеции аналогичный показатель эквивалентен 6,1%, Финляндии и Франции – 5,5%, Бразилии и Великобритании – 5,2%, в США – 5%. Предполагается, что доля расходов на образование будет систематически увеличиваться, в том числе за счет роста доли частного финансирования и высвобождения финансовых ресурсов, направленных на поддержку бизнес-проектов.

Далее, для эффективного осуществления целей, закрепленных в Приказе Минобрнауки России № 40 от 15 февраля 2005 г., принят Приказ Министерства образования и науки РФ № 215 «Об инновационной деятельности высших учебных заведений по переходу на систему зачетных единиц», унифицировавший методику расчета зачетных единиц для отечественных вузов и масштабировавший их автономию для внедрения ECTS (Европейская система перевода и накопления кредитов). Обеспечить академическую свободу вузов при моделировании образовательных процессов призван Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 марта 2006 г. № 62 «Об образовательной программе высшего профессионального образования специализированной подготовки магистров», предусматривающий возможность разработки магистерских программ российскими специалистами в сотрудничестве с зарубежными научными деятелями. В 2006 г. Распоряжением Правительства РФ от 1 июля 2006 г. № 944-р принят План мероприятий по поддержке развития экспорта образовательных услуг. В 2011 г. разработана Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг., установившая основные цели, задачи, приоритеты и принципы интернационализации образования и повышения доли России на международном рынке образовательных услуг.

В 2019 г. Распоряжением Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 799-р⁸ установлен Перечень иностранных вузов, чьи документы об ученых степенях и ученых званиях признаются в России.

*Академическое взаимодействие
России и Германии
в рамках Болонского процесса*

Одним из инициаторов и активных участников Болонского процесса является Германия, успешно синтезировавшая немецкие образовательные традиции и прогрессивные модели организации учебного процесса в вузе (в частности, Германия первой участвовала в экспериментальном внедрении ECTS). Российско-германское научно-образовательное партнерство, охватывающее десятилетия, существенно актуализировалось и активизировалось с вступлением государств в Болонский процесс. Начало тесного взаимодействия России и Германии в рамках этого процесса датируется 2005 г., ознаменовавшемся подписанием «Инициативы о стратегическом партнерстве между Россией и Европой в области образования, исследований и инноваций» и формированием Российско-германской рабочей группы по профессиональному образованию. В 2012 г. двусторонним отношениям придает новый импульс Меморандум о намерениях Министерства образования и науки Российской Федерации и Федерального министерства образования и научных исследований Германии по сотрудничеству в сфере высшего профессионального образования. В 2013 г. в Берлине принимается решение о совместном проекте по подготовке профессиональных кадров по техническим специальностям на базе дуальной системы [Кадникова, Мусаткина 2019].

В настоящий период правовые рамки образовательного сотрудничества России и Германии формируют «Совместное заявление о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия в области образования, научных исследований и инноваций» (далее – Совместное заявление), «Соглашение между Правительством Российской Феде-

⁸Распоряжение Правительства РФ от 22 апреля 2019 г. № 799-р «Об утверждении перечня иностранных научных организаций и образовательных организаций, которые выдают документы об ученых степенях и ученых званиях, признаваемых в РФ» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323957/ (дата обращения 9 сентября 2020).

рации и Правительством Федеративной Республики Германия о научно-техническом сотрудничестве» (далее – Соглашение), «Дорожная карта сотрудничества в области образования, науки, научных исследований и инноваций» (далее – Дорожная карта). Совместное заявление направлено на расширение информационных каналов и форм прямого диалога между высшими учебными заведениями Германии и России, а также на содействие реализации в двустороннем формате принципов и целей Болонского процесса. Основные задачи Соглашения – укрепление связей между высшими учебными заведениями двух стран посредством обмена молодыми исследователями и формирования благоприятной среды для научно-технического взаимодействия и реализации научно-технических проектов. Наконец, Дорожная карта ориентирована на повышение академической мобильности студентов и интенсификацию совместной научной деятельности в рамках существующих международных соглашений [Корякин, Макаренкова 2017].

В 2018 г. состоялось открытие Российско-германского года научно-образовательных партнерств 2018–2020 гг. (далее – Перекрестный год), символизировавшее собой новый этап в развитии двусторонних отношений. Прогнозируется, что научные бизнес-партнерства, реализуемые в рамках Перекрестного года, значительно стимулируют академическую мобильность научных исследователей, повысят качество транслирования научных результатов в реальный сектор экономики и инновационное предпринимательство. По результатам Перекрестного года в академической среде декларировано более 200 партнерств [Петров, Комаров 2020], в том числе:

- 1) Международного института трансфера инноваций (МИТИ) и Московского финансово-юридического университета МФЮА с немецкой организацией EWB. Цель проекта – обмен опытом в области высоких технологий и инноваций, нивелирование коммуникационных барьеров в процессе взаимодействия российских и немецких вузов и предприятий, увеличение экспорта образовательных услуг;
- 2) Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого и Ганноверского университета имени Лейбница – совместные конференции, магистерские программы, семинары, исследовательские проекты, обмен студентами, преподавателями, научными деятелями;
- 3) Центр изучения Германии и Европы (ЦИГЕ), функционирующий на базе Санкт-Петербургского государственного университета в России и Университета Билефельда в Германии. Основопологающая задача Центра – способствовать популяризации высококачественного образования, расши-

- рению контактов и интенсификации научно-образовательного взаимодействия молодых ученых;
- 4) Германского дома науки и инноваций (DWIN) и Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова – сотрудничество в сфере искусственного интеллекта;
 - 5) Российско-германский Форум вузовской науки, посвященный вопросам поддержки международного научно-технического сотрудничества, дальнейшей имплементации Российско-германской Дорожной карты.

Расширению академического взаимодействия России и Германии в рамках Болонского процесса препятствуют проблемы нормативно-правового, финансового и организационного характера, недостаточность законодательной базы. В первую очередь, в отличие от Германии, где четверть студентов пользуется возможностью обучения и стажировки за рубежом, в России отсутствуют условия для активной академической мобильности студентов и академического персонала: 1) высокие требования для получения студенческой визы (как для российских, так и немецких студентов); 2) ограниченный объем программ образовательных обменов для студентов и преподавателей; 3) недостаток финансирования образовательных поездок (конференции, стажировки) за границу; 4) некорректная трактовка и оценка российской квалификации «специалист» в странах Европейского пространства высшего образования (далее – ЕПВО). Соответственно, для роста академической мобильности как стратегического направления реализации Болонского процесса целесообразным представляется:

во-первых, упрощение визового обеспечения для российских и немецких студентов. В 2019 г. возможность объявления безвизового режима для молодых россиян в возрасте до 25 лет обсуждалась в рамках германо-российского форума «Петербургский диалог». Основным тормозящим фактором для подписания соответствующего соглашения служит усиливающееся санкционное давление и серьезные политические пертурбации;

во-вторых, утверждение Проекта Постановления Правительства Российской Федерации «О проведении в 2018–2021 гг. эксперимента по апробации механизма финансового обеспечения академической мобильности обучающихся в процессе освоения образовательных программ высшего образования», с внесением следующих коррективов в п. 22 ч. 3 Постановления: «Оплата расходов обучающихся производится посредством смешанного механизма финансирования: за счет ассигнований и грантов, выданных государством; бюджетных средств вузов и научных организаций; внебюджетных средств вузов и научных организаций; средств прини-

мающей стороны, в том числе грантов международных организаций и частных фондов; личных средств участников программ академической мобильности». Рост академической и творческой мобильности студентов/преподавателей обусловлен, главным образом, уровнем финансовой поддержки государства, количеством выданных ссуд и грантов. Для сравнения: в 2018 г. Германия на реализацию академической мобильности выделила 4 млн евро, а Россия – 3,5 млн руб. (при этом преобладающая часть этой суммы поступила в бюджет из частного бизнеса). В этот же период немецкая сторона брала на себя все расходы, связанные с поездкой, а российская – оплачивала лишь билеты до места назначения и обратно. Также зачастую именно Германия занималась организацией мероприятий и досуга для участников обмена. В настоящий период законодательные основы организации и финансирования академической мобильности в Российской Федерации фактически отсутствуют. Дефицит финансовых ресурсов не позволяет российским вузам покрыть расходы участников проектов академической мобильности, что служит серьезным тормозом развития академического взаимодействия с Германией и другими странами Болонского процесса. Соответственно, целесообразным представляется нормативно-правовое регулирование академической мобильности одновременно на нескольких уровнях: межвузовском, государственном, вузовском, вневузовском. Опираясь на ст. 3 Соглашения о сотрудничестве государств – членов Евразийского экономического сообщества в области образования, предусматривающую автономное регулирование финансовых условий академических обменов, необходимо составление и подписание ежегодных двусторонних договоров о невзимании со студентов платы за обучение. Поскольку академические обмены между Россией и Германией осуществляются на паритетной основе, данное предложение представляется логичным. Далее, на государственном уровне требуется создание правовой основы целевого финансирования среднесрочных программ развития научно-образовательных структур, обеспечивающих развитие академических исследований, материальной базы, академическую мобильность ученых и преподавателей в виде институциональных грантов. Кроме того, необходима разработка солидной локальной нормативной базы – в отечественных вузах должна быть установлена четкая форма поддержки студентов, участвующих в программах академической мобильности. Например, предлагаем интегрировать опыт Томского государственного университета, где в качестве основной формы финансового обеспечения академической мобильности выступает выплата ежемесячной стипендии «Академическая мобильность», назначаемой на основании решения конкурсной комиссии и устанавливаемой на

весь период обучения за рубежом. Наконец, на вневузовском уровне повысить академическое взаимодействие России и Германии позволит установление в законодательстве РФ льгот и преференций для предприятий, обеспечивающих финансовую поддержку развития академической мобильности. Сегодня гранты для обучения за рубежом предоставляются Фондом Михаила Прохорова, Германской службой академических обменов, Фондом «Евразия», Фондом Форда. Однако финансовых вливаний данных грантодателей категорически недостаточно;

в-третьих, признание российской квалификации «специалист» как квалификации «магистр». В настоящий период квалификация «специалист» в странах ЕПВО эквивалентна квалификации «бакалавр» продвинутого уровня и расценивается как разновидность квалификаций первого цикла высшего образования Болонского процесса. Данное обстоятельство препятствует продолжению обучения российских выпускников специалитета в докторантуре за рубежом. Безусловно, программы специалитета сегодня не являются доминирующими в России, однако они обладают колоссальной значимостью для отечественного рынка труда и в среднесрочной перспективе с образовательного ландшафта не исчезнут (22 российских университета из рейтинга “The Times Higher Education World University Rankings” занимают успешной реализацией программы специалитета). Российская квалификация «специалист» в международном измерении должна оцениваться в качестве равнозначной квалификации второго цикла высшего образования, что аргументируется ее соответствием критериям 7-го уровня Международной системы классификации образования, а также превосходством объема учебной работы в сравнении с программой бакалавриата. В Германии существуют квалификации с непрерывными программами, которые существенно коррелируются по характеристикам с российским специалитетом, что предоставляет возможность для подготовки и подписания двусторонних соглашений о признании диплома специалиста на уровне диплома магистра [Лукичев, Скоробогатова 2016].

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, необходимо констатировать, что Болонский процесс не решил фундаментальных проблем российской образовательной системы (низкое качество образования, инертность, консервативность), однако стал ярким примером конвергенции норм и правил между Россией и Европой в отдельно

взятой сфере. Стратегическим партнером нашей страны в рамках Болонского процесса стала Германия – страна, гармонично синтезировавшая собственные образовательные традиции и прогрессивные положения Болонской декларации. Значимость академического взаимодействия России и Германии для эффективной модернизации отечественной системы образования детерминирует необходимость совершенствования соответствующей законодательной базы. Упрощение визового режима для российских и немецких студентов, создание правовой основы финансового обеспечения академической мобильности, признание российской квалификации «специалист» как квалификации «магистр», увеличение объема программ образовательных обменов для студентов и преподавателей способствуют расширению многолетнего сотрудничества между Германией и Россией, повышению экспорта образовательных услуг, росту международной конкурентоспособности российских университетов и национальных систем высшего образования, реализации болонских инициатив.

Литература

- Горылев 2019 – *Горылев А.И.* Нормативно-правовое регулирование участия российских вузов в Болонском процессе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 4. С. 20–27.
- Кадникова, Мусаткина 2019 – *Кадникова О.В., Мусаткина А.В.* Российско-германское сотрудничество в сфере высшего образования // Россия и Монголия: опыт и перспективы международной интеграции в образовании и науке. Чебоксары: Среда, 2019. С. 89–92.
- Корякин, Макаренкова 2017 – *Корякин К.В., Макаренкова Е.М.* Проблемы реализации Болонского процесса в контексте российской системы высшего образования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. 2017. № 6. С. 167–173.
- Лукичев, Скоробогатова 2016 – *Лукичев Г.А., Скоробогатова В.И.* Российская квалификация «специалист» в измерениях европейского пространства высшего образования // Практика признания, сближающая континенты: сборник тезисов международной конференции: М.: РУДН, 2016. С. 10–15.
- Матушанский, Борзилова 2010 – *Матушанский Г.У., Борзилова Л.В.* Нормативно-правовые основы регулирования высшего образования России при вхождении в Болонский процесс // Образование и наука. 2010. № 8. С. 42–52.
- Петров, Комаров 2020 – *Петров В.Л., Комаров В.С.* Научно-образовательные партнерства России и Германии. Итоги 2019 года // Горные науки и технологии. 2020. № 4. С. 318–325.

References

- Gorylev, A. (2019), "Legal regulation of Russian higher education institutions' participation in the Bologna process", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 4, pp. 20–27.
- Kadnikova, O., Musatkina, A. (2019), "Russian-German cooperation in the field of higher education", *Rossiya i Mongoliya: opyt i perspektivy mezhdunarodnoi integratsii v obrazovanii i nauke* [Russia and Mongolia: experience and prospects of international integration in education and science], Sreda, Cheboksary, Russia, pp. 89–92.
- Koryakin, K. and Makarenkova, E. (2017), "Problems of the Bologna Process implementation in the context of the Russian higher education system", *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Professional'noe obrazovanie, teoriya i metodika obucheniya*, no. 6, pp. 167–173.
- Lukichev, G. and Skorobogatova, V. (2016), "Russian qualification 'Specialist' in the dimensions of the European higher education space", *Praktika priznaniya, sblizhayushchaya kontinenty: sbornik tezisov mezhdunarodnoi konferentsii* [Practice of Recognition That Brings Continents Together: Proceedings of The International Conference], RUDN, Moscow, Russia, pp. 10–15.
- Matushansky, G. and Borzilova, L. (2010), "Regulatory framework governing higher education in Russia when entering the Bologna process", *The Education and Science Journal*, no. 8, pp. 42–52.
- Petrov, V. and Komarov, V. (2020), "Scientific and educational partnerships between Russia and Germany. Results of 2019", *Mining Science and Technology*, no. 4, pp. 318–325.

Информация об авторе

Мария А. Пашук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mariavonpashuk@gmail.com

Information about the author

Mariya A. Pashuk, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; mariavonpashuk@gmail.com

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 355.257(47)

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-105-116

Советские военнопленные в Германии,
1941–1945 гг. –
нежелательная для немецкого общества тема?

Валерий П. Любин

*Институт научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН, Москва, Россия, valerij.ljubin@gmail.com*

Аннотация. В немецкой и российской историографии тема о трагической судьбе советских военнопленных в Германии во время Великой Отечественной войны изучена недостаточно. В последнее время к этой теме обращалось очень мало исследователей. В современном немецком обществе данная проблематика остается в тени. Имеются попытки отразить эту трагедию в документальном кино. Автор анализирует историю с документальным фильмом “Keine Kameraden“, снятом в 2011 г., но до сих пор не показанном на немецком телевидении. В нем повествуется о советских военнопленных, большая часть которых погибла в нацистских концлагерях в 1941–1945 гг. Отражена история некоторых погибших в немецком плену советских военных, рассказано об их жизни до войны, взяты интервью у их родственников и выживших военнопленных. В фильме выступают немецкие историки, написавшие книги о советских военнопленных. Попытки представителей общественных организаций и ученых-историков повлиять на немецкое общественное мнение с тем, чтобы фильм был показан германским телевидением для широкой аудитории, не принесли успеха. Его увидели телезрители в Италии на государственном канале RAI 3. Еще раньше, в 2013 г., фильм был показан в России на канале «Культура» и получил Пушкинскую премию.

Ключевые слова: советские военнопленные 1941–1945 гг., германская и российская историография, немецкий документальный фильм “Keine Kameraden“, режиссер Беата Лер-Метцгер, российский телеканал «Культура», итальянский телеканал RAI 3, немецкий телеканал WDR

Для цитирования: Любин В.П. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945 гг. – нежелательная для немецкого общества тема? // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 105–116. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-105-116

© Любин В.П., 2021

Soviet prisoners of war in Germany, 1941–1945 – an undesirable topic for German society?

Valeriy P. Ljubin

*RAS Institute of Scientific Information on Social Sciences,
Moscow, Russia, valerij.ljubin@gmail.com*

Abstract. In German and Russian historiography, the tragic fate of the Soviet prisoners of war in Germany during the Second World War has not been sufficiently explored. Very few researchers have addressed this topic in recent times. In the contemporary German society, the subject remains obscured. There are attempts to reflect this tragedy in documentary films. The author analyses the destiny of the documentary film “Keine Kameraden”, which was shot in 2011 and has not yet been shown on the German television. It tells the story of the Soviet prisoners of war, most of whom died in the Nazi concentration camps in 1941–1945. The personal history of some of the Soviet soldiers who died in the German captivity is reflected, their lives before the war are described, and the relatives of the deceased and the surviving prisoners of war are interviewed. The film features the German historians who have written books about the Soviet prisoners. All the attempts taken by the civil society organizations and the historians to influence the German public opinion so that the film could be shown on German television to a wider audience were unsuccessful. The film was seen by the viewers in Italy on the state channel RAI 3. Even earlier, in 2013, the film was shown in Russia on the channel “Kultura” and received the Pushkin Prize.

Keywords: Soviet prisoners of war 1941–1945, German and Russian historiography, German documentary film “Keine Kameraden”, film director Beate Lehr-Metzger, Russian TV channel “Kultura”, Italian TV channel RAI 3, German TV channel WDR

For citation: Ljubin, V.P. (2021), “Soviet prisoners of war in Germany, 1941–1945 – an undesirable topic for the German society?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 105–116, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-105-116

Предлагаемая статья основана на материалах, полученных в ходе общения с режиссером фильма “Keine Kameraden” и участия в дискуссиях профессиональных историков и представителей общественных организаций после просмотров этого фильма. Историография по теме советских военнопленных в Германии не столь велика, ссылки на отдельные изданные работы приводятся в тексте. В фильме выступают с комментариями немецкие авторы интересных монографий о советских военнопленных. В раскрытии тематики в данной статье применены метод историзма и нарративный подход.

Недостаточное изучение темы и появление фильма “Keine Kameraden”

Признается, что в современной историографии, прежде всего российской и германской, уделяется недостаточное внимание такому острому и недоисследованному вопросу Великой Отечественной войны, как трагическая судьба советских военнопленных в Германии в 1941–1945 гг. Ряд авторов постарались частично заполнить эту лакуну. Сюда относятся монографии немецких авторов (привлеченных к участию в фильме), издания российских германистов [Ерин 2005; Стратиевский 2000; Keller 2011; Otto 1998].

Интересны попытки отобразить названную трагедию средствами документального кино для более широкого воздействия на массовую аудиторию. В советское время прогремел поучительный документальный фильм Михаила Рома «Обыкновенный фашизм», в который были включены кадры о судьбе советских пленников в немецких концлагерях. Сегодня требуются новые попытки посредством документального кино сохранить историческую память о спланированном главарями Третьего рейха массовом убийстве советских военнопленных. Сознательное издевательство и умерщвление миллионов советских военнопленных в нацистских лагерях в 1941–1945 гг. действительно мало отражено в средствах массовой информации, входящих в сферу культуры и образования, в том числе в документальном кино.

Следует рассказать о трудной судьбе правдивого документального фильма, появившегося в Германии в 2011 г. Работа над ним, по словам его режиссера, немецкой журналистки Беаты Лер-Метцгер, продолжалась в течение двух лет. Был собран значительный материал, в том числе свидетельства живых участников событий, проведены интервью с ними и с занимающимися данной темой немецкими историками.

Интересны история и процесс создания фильма. Б. Лер-Метцгер отдыхала однажды на острове Лангеог, расположенном в Северном море в гряде Фризских островов, и увидела там могилы советских военнопленных. Даты их смерти относились в основном к 1942 г. У нее возник интерес к тому, как они туда попали, как погибли и каковы судьбы их родственников в России.

“Keine Kameraden“ («Они вам не товарищи») – такое название она намеренно дала фильму. Эти слова содержались в приказе Гитлера, которому должны были следовать войска вермахта после вторжения в СССР по плану блицкрига Барбаросса. Им предписывалось относиться беспощадно к взятым в плен советским воинам, выискивая среди них и ликвидируя на месте без

суда и следствия евреев и комиссаров-коммунистов. Немецкие оккупанты с самого начала бесчеловечно обращались как с попавшими в плен солдатами и офицерами, так и с местным населением оккупированных территорий СССР, особенно Белоруссии, Украины и России. Население прибалтийских стран оказалось в более привилегированном положении. Людоедские программы уничтожения славянского населения были разработаны идеологами нацистской политики еще накануне войны. Одним из главных инициаторов этой изуверской политики был родившийся в Таллине остзейский немец А. Розенберг.

Режиссерские подходы и воздействие фильма

Для фильма характерны переходы от сцен, которые можно назвать лирическими, о жизни советских людей и о том, кем они мечтали и смогли стать до войны, к жестким кадрам издевательств и уничтожения находившихся в военном плену. Многие сюжеты созданы на основе бесед и общения с родственниками погибших и замученных узников. Автор нашла их родных в центральной России, в Серпухове и других городах, специально ездила к ним и брала видеointервью. Б. Лер-Метцгер до сих пор с ними общается и дружит. В фильме освещен предшествовавший войне жизненный путь погибших в плену молодых людей. Приведены фотографии, копии удостоверений о полученных ими профессиях и специальностях, рассказано о том, чего они успели достичь. Автор показывает, что они были людьми с дарованиями и могли бы прожить долгую и удачную жизнь. Подробно представлены судьбы двух военнопленных – Николая Курилова, умершего в плену на острове Лангеог в январе 1942 г., и Бориса Шапорова, которому удалось выжить.

Повествование перемежается отрывками из интервью с уцелевшими в этом аду советскими людьми, которые к моменту съемок находились в почтенном возрасте, а также немцами, тоже уже пожилыми, которые, проживая вблизи концлагерей для советских военнопленных, оказались невольными свидетелями преступлений нацистского режима. Приводятся воспоминания французского военнопленного из того же лагеря на острове Лангеог, где узники, советские и французские, под оком нацистских надсмотрщиков в срочном порядке строили военный аэродром. Цитаты из его дневника свидетельствуют о том, насколько положение французов отличалось в лучшую сторону от положения советских воен-

нопленных, обреченных на гибель. До весны 1942 г., по данным статистики, которые приводит Б. Лер-Метцгер, погибли более двух млн военнопленных из СССР. Об этих ужасающих жертвах и говорится в фильме.

После сцен мирной жизни в СССР в предвоенные годы следуют страшные документальные кадры – горы трупов советских военнопленных, голых, сложенных вповалку. Показаны моримые голодом советские узники, вынужденные жить под открытым небом, копать себе землянки и есть все, даже малосъедобное, что они находили на территории лагерей. Такое издевательское содержание вело к неизбежным болезням и смертям.

В фильм включены объективные комментарии по поводу политики нацистов в отношении советских военнопленных известных немецких историков – Рольфа Келлера, автора изданной в 2011 г. книги «Советские военнопленные в Германском рейхе, 1941–1942 гг. Обращение с ними и принуждение их к работе – между политикой уничтожения и потребностями военной экономики» [Keller 2011], и Райнхардта Отто, автора труда «Вермахт, гестапо и советские военнопленные в областях рейха, 1941–1942 гг.» [Otto 1998]. Они работали в Российском государственном военном архиве (РГВА) и предоставили режиссеру найденные ими интересные документы, нашедшие отражение в фильме.

К этой теме обращались и российские историки, например М.Е. Ерин [Ерин 2005], Д.В. Стратиевский [Стратиевский 2014] и др. Но, учитывая, что в советской, а затем и в российской исторической науке тематика военного плена 1941–1945 гг. долгое время не приветствовалась, она еще ждет полноценного изучения. Лишь в последние годы разворачивается работа в этом направлении.

Финансировала фильм сама режиссер, поскольку в Германии оказалось невозможно найти спонсоров. По ее словам, она потратила не менее ста тысяч евро и вынуждена до сих пор выплачивать набранные кредиты.

Подаренный мне автором CD-диск с фильмом я использую в преподавании студентам немецких университетов. Они, как и большая часть современного немецкого общества, в отличие от людей старшего поколения, не имеют почти никакого представления о том, как обходились в Германии в нацистское время с советскими военнопленными. Один из моих студентов в Боннском университете, в котором учились многие деятели, получившие мировое признание, сказал после просмотра фильма, оставляющего неизгладимое впечатление, что он наконец смог понять то, что рассказывал ему дед о Второй мировой войне, участником которой тот был.

Попытки показать фильм по телевидению Германии

На одной из научных конференций, проходившей в РГГУ в 2014 г. и посвященной Первой мировой войне, я разговорился с немецкими и австрийскими историками. Некоторые из них знали и хвалили фильм “Keine Kameraden”. Конечно, нечего и сравнивать судьбы военнопленных в Германии во время Первой и Второй мировых войн. В 1914–1918 гг. пленные офицеры (а среди них были будущий президент Франции Ш. де Голль и будущий советский маршал М.Н. Тухачевский) содержались в особых, можно сказать, привилегированных условиях, хотя рядовой состав военнослужащих находился в худшем положении и привлекался к тяжелым физическим работам. В конце войны вопреки всем подписанным германским руководством до войны документам о содержании военнопленных принудительный труд русских военнопленных использовался непосредственно и на линии фронта [Ленцен 1998]. Но специально спланированных массовых уничтожений военнопленных, как это происходило при нацистском режиме, тогда не было, и все оставшиеся в живых после окончания войны смогли вернуться домой.

Надо сказать, что “Keine Kameraden” был с большим интересом воспринят в России, показан в октябре 2013 г. по каналу «Культура», получил Пушкинскую премию. По воспоминаниям режиссера, после успешной демонстрации фильма в России она постоянно получала приглашения на мероприятия с участием представителей немецкой культуры, проходившие в Посольстве РФ в Берлине. О таких встречах – «Беседах у камина» и других – пишет в своей книге 2019 г. много сделавший для развития политических, экономических и культурных связей между двумя странами посол России в Германии в 2010–2018 гг. В.М. Гринин [Гринин 2019]. Подробнее о его плодотворной деятельности говорится в рецензии на названную книгу В.М. Гринина [Любин 2020].

Попытки показать фильм по немецкому телевидению наталкивались на неприятие и оканчивались неудачей. На его презентации и последующей дискуссии зрителей с режиссером в Музее Людвиг в Кёльне¹ мне удалось выступить и сказать, что этими сюжетами занимается Совместная комиссия российских и немецких историков, в которой я тогда состоял, но ее усилий недостаточно, поэтому такие фильмы очень нужны. На мой вопрос о том, почему картину не удастся показать по телевидению, немецкий журналист, специ-

¹ Museum Ludwig, Köln.

алист по России Роберт Бааг, ответил, что она не соответствует принятым критериям, т. е. подверг сомнению ее качество. Тогда я попытался уточнить, не политическое ли это решение, но реакции не последовало. Доминирующая в западной части Германии телерадиокомпания WDR (Westdeutsche Rundfunk) отказалась от демонстрации фильма, заявив, что он «не для телевидения, а в лучшем случае для показа в сфере школьного образования»².

Режиссер старалась всячески привлечь внимание общественности – были организованы показы в киноклубах, например в упомянутом Музее Людвига в Кельне (инициатива исходила от кельнского Центра документации истории нацистского режима³), а также в других местах. Видеодиски с фильмом, длящимся 69 минут, так и остаются у автора. Они не продаются, потому что из-за отсутствия рекламы на них нет спроса.

Привлечение профессиональных историков к поддержке фильма имело лишь частичный успех. В январе 2014 г. состоялся показ в кинотеатре «Централь»⁴ в Берлине. Он прошел при содействии Фонда «Память, ответственность и будущее»⁵. Выступили режиссер и приглашенные историки – известный английский и израильский исследователь Габриэль Городецкий [Городецкий 1995], директор Фонда Грамши Сильвио Понс [Pons 2012] и автор этих строк⁶. Мы пытались доказать, что фильм очень нужен зрителям

² См.: Keine Kameraden [Электронный ресурс] // Wikipedia. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Keine_Kameraden (дата обращения 15 января 2021).

³ NS-Dokumentationszentrum, Köln.

⁴ Central, Berlin.

⁵ Stiftung “EVZ: Erinnerung, Verantwortung, Zukunft”, Berlin. Этот фонд и другие общественные организации вносят свой вклад в то, чтобы были собраны, оцифрованы и переданы в Россию архивные материалы о советских военнопленных. 6 мая 2020 г. в Пресс-центре ТАСС состоялась торжественная церемония передачи электронных копий документов о советских военнопленных из Федерального архива ФРГ в рамках российско-германского проекта по поиску и оцифровке архивных материалов о советских и немецких военнопленных и интернированных времен Второй мировой войны. Материалы передал Чрезвычайный и Полномочный Посол ФРГ в Российской Федерации Геза Андреас фон Гайр.

⁶ Интересно сравнить судьбы советских и немецких военнопленных. Основной поток немецких военнопленных вернулся из СССР на родину в 1949–1950 гг. Но были и те, кто оставался до 1955 г. И лишь благодаря договоренностям с советским руководством, достигнутым канцлером ФРГ К. Аденауэром в ходе визита в Москву в сентябре 1955 г., последние

в Германии и других странах – участницах Второй мировой войны, а также государствах, сохранявших нейтралитет. Об унижениях и изморе голодом и холодом, спланированных убийствах миллионов советских военнопленных должен знать весь мир. Надо докричаться до очерствевших душ современников, как это удалось сделать Б. Лер-Метцгер. Кстати, благодаря стараниям Сильвио Понса фильм был позднее показан в Италии по 3-му телеканалу RAI (Radio Televisione Italiana), близкому по своей политической направленности к левым силам – бывшим коммунистам и социалистам.

Деятельность историков и добровольцев по сохранению исторической памяти

Нельзя сказать, что вопрос о положении военнопленных и в целом об отношении к жертвам Второй мировой войны в Германии не исследуется историками, в том числе немецкими. Выходят труды, посвященные этой сложной и зачастую мало желательной теме в немецкой историографии. Речь идет и о работах профессиональных историков, которые согласились прокомментировать в фильме происходившее с советскими военнопленными.

Что касается современного немецкого общества, то память об этих событиях в нем в определенном смысле сохраняется, но как бы под спудом. Власти вынуждены постоянно реагировать на то, что творилось с Германией и что творила она сама в 1933–1945 гг.

На мой взгляд, опасения относительно показа подобных кинопроизведений, в которых яркими художественными средствами правдиво рассказано о трагедии с умерщвлением миллионов советских военнопленных, разыгравшейся в Германии в 1941–1945 гг., имеются. Получение знаний по этой тематике широкими слоями

пленники (около 10 тыс. человек) были освобождены. Это было воспринято как триумфальная акция немецкого канцлера [Брам, Любин 2006; Brahm, Ljubin 2005]. См. также книгу немецкого историка Андреаса Петерсена о судьбе одного из тех, кого вернули в 1955 г. Это рабочий, берлинец Эрвин Йорис, немецкий коммунист, просидевший долгие сроки в нацистских лагерях и тюрьмах, вынужденный затем воевать в 1941–1945 гг. на восточном фронте. Он сдался в плен в 1945 г., сравнительно быстро вернулся на родину, был снова арестован уже в ГДР в 1949 г. и сослан в Воркуту [Petersen 2012] (Рец.: Любин В.П. Петерсен А. «Ты отморозишь свою морду в Сибири». Диктат века. Эрвин Йорис. Висбаден // Новая и Новейшая история. 2014. № 5. С. 245–247); см. также переведенные мною воспоминания рядового вермахта Норберта Плева [Плева 2000; Плева 2003].

общества тормозится. По-видимому, существует беспокойство по поводу того, что родственники погибших советских военнопленных требуют компенсации, и не только моральной, от нынешних властей страны.

Конечно, в немецком обществе есть энтузиасты, старающиеся сохранить память о погибших в нацистских застенках военнопленных и пригнанных насильно на работу в Германию молодых людей из оккупированных стран (прежде всего СССР и Польши). Приведу лишь два примера. В 2014 г. по инициативе врача Мартина Колека из города Дельбрюка близ Падеборна вышла двумя изданиями книга, посвященная памяти погибших в городе советских военнопленных и насильно угнанных со своей родины граждан СССР и Польши [Kolek 2014]. Предисловие к ней написал бывший председатель бундестага, социал-демократ Вольфганг Тирзе. По просьбе Колека в книге напечатан и мой отзыв о благородных усилиях немецкого энтузиаста, создавшего мемориальный комплекс. Кстати, познакомились мы с Колеком как раз на показе фильма “Keine Kameraden”, на который он специально приезжал в Кельн. Жители Дельбрюка поддержали инициативу об увековечении памяти погибших в годы войны «цвангсарбайтеров». Таких добровольцев, как Колек, можно встретить и в других местах Германии.

Денацификация немецкого общества осуществлялась последовательно, и ее результаты ощутимы. Хотя и есть неонацистские рецидивы, но они быстро и надежно устраняются, и группы правых экстремистов не делают погоды в современной Германии. Никто во власти и обществе не допускает героизации нацистского прошлого. Делается все, чтобы этого не происходило. Серьезные исторические исследования нацизма и его преступных деяний идут в этом русле.

Второй пример, который хотелось привести: летом 2014 г. я участвовал в конференции в старинном городе Гота в Тюрингии. После ее окончания мне удалось посетить мемориальное кладбище этого города и порадоваться тому, что могилы погибших при его освобождении в 1945 г. 220 советских солдат и офицеров ухожены.

Надо сказать, что и на памятных военных кладбищах (расположенных в основном в западной части Германии), где похоронены погибшие в ходе боев на немецкой территории англичане и американцы, могилы также содержатся в порядке. Их посещают представители двух стран – союзниц СССР в той войне. Кстати, ухожены и могилы немецких солдат, погибших в России. Знаю это по кладбищу города моего детства, в котором располагался госпиталь для немецких, румынских, венгерских военнопленных. На братских могилах умерших от ранений и болезней поставлены памятники, которые находятся в хорошем состоянии. В России,

Германии и других странах Европы существует взаимопонимание по поводу того, как надо относиться к памяти о военнопленных и жертвах войны. Это проявляется и в почтительном отношении, почти повсюду, к воинским захоронениям.

Желательно, чтобы такое взаимопонимание распространилось и на другие сферы отношений между государствами. Конференции, подобные проведенной в РГГУ 19–20 октября 2020 г., вносят вклад в его достижение и решение остающихся дискуссионными как в историографии, так и в обществах сложных вопросов, таких как трагическая судьба советских военнопленных, о которой повествует Б. Лер-Метцгер. Конечно, существуют и другие зарубежные ленты в жанре исторической документалистики, в которых затрагивается эта тема, но не часто они способны оказать столь же сильное воздействие на зрителей, как ее фильм. Его показ для массовой аудитории по телевидению в Германии позволил бы поставить острые вопросы перед немецким обществом, которому, как и всем другим, необходимо чаще всматриваться в зеркало своего прошлого.

Литература

- Брам, Любин 2006 – *Брам Х., Любин В.* Аденауэр и СССР: неизвестные страницы истории // Россия и современный мир. 2006. № 2 (51). С. 164–176.
- Городецкий 1995 – *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: Накануне войны. М.: Прогресс-Академия, 1995. 352 с.
- Гринин 2019 – *Гринин В.М.* Двудеинство судьбы. Как России и Германии распорядиться будущим во благо себе и миру. М.: Вест-консалтинг, 2019. 219 с.
- Ерин 2005 – *Ерин М.Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии: 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 178 с.
- Ленцен 1998 – *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 129–137.
- Любин 2020 – *Любин В.П.* На германском направлении. Размышления о книге бывшего посла в Германии В.М. Гринина // Международная жизнь. 2020. № 5. С. 126–131.
- Плева 2000 – *Плева Н.* В русском плену: Воспоминания (1945–1949 гг.) // Россия и современный мир. 2000. № 3 (28). С. 111–115.
- Плева 2003 – *Плева Н.* Воспоминания о войне: Встречи с русскими людьми // Россия и современный мир. 2003. № 4 (41). С. 188–195.
- Стратиевский 2014 – *Стратиевский Д.* Положение бывших военнопленных в советском обществе // Плен и возвращение. Советские военнопленные в Германии 1941–1945 гг.: Сб. М.: Фонд «Историческая память», 2014. С. 67–82. [1]
- Brahm, Ljubin 2005 – *Brahm H., Ljubin V.* Ein unbekannter Adenauer // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2005. 13. Sep.

- Keller 2011 – Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Erfordernissen. Göttingen: Wallstein, 2011. 511 s.
- Kolek 2014 – Kolek M. VERGESSEN? Polnische und sowjetische Zwangsarbeiter und Kriegsgefangene im Raum Dellbrück 1939–1945. Ein DENK doch MAL und LESEbuch. Mit einem Begleitwort von Wolfgang Thierse, einem Bekenntnis von Gudrun Pausewang, einem Essay von Prof. Arno Klönne und Beiträgen von Anton Almoltd und Prof. Valerij Ljubin. Dellbrück: Kolek Verlag, 2. Auflage Mai 2014. 157 s.
- Otto 1998 – Otto R. Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegs gefangene im deutschen Reichsgebiet, 1941/42. Berlin, etc.: De Gruyter Oldenburg, 1998. 288 s.
- Petersen 2012 – Petersen A. Deine Schnauze wird dir in Siberien zufrieren. Ein Jahrhundertdiktat. Erwin Joris. Wiesbaden: Marixverlag GmbH, 2012. 520 s.
- Pons S. 2012 – Pons S. La rivoluzione globale. Storia del comunismo internazionale 1917–1991. Torino; Einaudi, 2012. XXIII. 424 p.

References

- Brahm, H. and Ljubin, V. (2005), “Ein unbekannter Adenauer”, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 13. Sep.
- Brahm, H. and Ljubin, V. (2006), “Adenauer and the USSR: history’s unknown pages”, *Russia and the contemporary world*, no. 2 (51), pp. 164–176.
- Gorodetskii, G. (1995), *Mif «Ledokola»: Nakanune voiny* [The ‘Icebreaker’ myth: On the eve of war]“, Progress-Akademiya, Moscow, Russia.
- Grinin, V.M. (2019), *Dvuyedinstvo sud’by. Kak Rossii i Germanii rasporyadit’sya budushchim vo blago sebe i miru* [A duality of destiny. How should Russia and Germany manage their futures for the benefit of themselves and the world], Vest-konsalting, Moscow, Russia.
- Erin, M.E. (2005), *Sovetskie voennoplennyye v natsistskoi Germanii: 1941–1945 gg. Problemy issledovaniya* [Soviet prisoners of war in Nazi Germany: 1941–1945, Research problems], YarGU, Yaroslavl, Russia.
- Keller, R. (2011), *Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Behandlung und Arbeitseinsatz zwischen Vernichtungspolitik und kriegswirtschaftlichen Erfordernissen*, Wallstein, Göttingen, Germany.
- Kolek, M. (2014), *VERGESSEN? Polnische und sowjetische Zwangsarbeiter und Kriegsgefangene im Raum Dellbrück 1939–1945. Ein DENK doch MAL und LESEbuch. Mit einem Begleitwort von Wolfgang Thierse, einem Bekenntnis von Gudrun Pausewang, einem Essay von Prof. Arno Klönne und Beiträgen von Anton Almoltd und Prof. Valerij Ljubin*, Kolek Verlag, 2. Auflage Mai 2014, Dellbrück, Germany.
- Lenzen, I. (1998), “The use of Russian prisoners of war in Germany (1914–1918)”, *Vo-prosy istorii*, no. 4, pp. 129–137.

- Ljubin, V.P. (2020), "In the German direction. Reflections on the book by former ambassador to Germany V.M. Grini" *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 5, pp. 126–131.
- Otto, R. (1998), *Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet, 1941/42*, De Gruyter Oldenburg, Berlin, etc., Germany.
- Petersen, A. (2012), *Deine Schnauze wird dir in Siberien zufrieren. Ein Jahrhundertdiktat. Erwin Joris*, Marixverlag GmbH, Wiesbaden, Germany.
- Plewa, N. (2000), "In Russian captivity: Memories (1945–1949)", *Rossiya i sovremennyyi mir*, no. 3 (28), pp. 111–115.
- Plewa, N. (2003), "Memories of War: Meetings with Russian People", *Rossiya i sovremennyyi mir*, no. 4 (41), pp. 188–195.
- Pons, S. (2012), *La rivoluzione globale. Storia del comunismo internazionale 1917–1991*, Einaudi, Torino, Italy.
- Stratievskii, D. (2014), "The state of former prisoners of war in Soviet society", [2] *Plen i vozvrashchenie. Sovetskie voennoplennyye v Germanii 1941–1945 gg.* [Captivity and return. Soviet prisoners of war in Germany 1941–1945], Fond "Istoricheskaya pamyat'", Moscow, Russia.

Информация об авторе

Валерий П. Любин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 15/2; valerij.ljubin@gmail.com

Information about the author

Valeriy P. Ljubin, Dr. of Sci. (History), leading researcher, Russian Academy of Sciences Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia; bld. 15/2, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, Russia, 117418; valerij.ljubin@gmail.com

Проблема национальной травмы в коллективной памяти немцев объединенной Германии

Марина В. Новикова

*Нижегородский государственный университет им. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, marina.novikova@mail.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка охарактеризовать состояние исторического сознания немцев в конце XX – начале XXI в. Рассматривается, какие факторы влияли на формирование «жертвенного нарратива» в коллективной памяти немцев объединенной Германии. Источниковую основу исследования составляют публикации в немецкой, польской и российской прессе, автобиографические произведения, интервью, дневники и мемуары Гюнтера Грасса, Герхарда Шрёдера и др., анализируются художественные произведения и фильмография, вышедшие в это время. Воспоминания о страданиях немецкого гражданского населения в годы Второй мировой войны, как правило, принадлежали индивидуальной памяти или оставались частью семейной истории немцев. Правда, нередко травматичное прошлое использовалось и в политических целях, особенно в ФРГ, в вопросах, связанных с темой изгнания. В первое десятилетие нового тысячелетия благодаря изменениям в культурной повестке – выходу ряда книг и художественных фильмов, в основе сюжета которых лежали страдания немцев, – травматичное прошлое оказывается в центре общественных дискуссий. Однако переосмысление темы страданий немецкого гражданского населения достаточно настороженно было встречено в мире, в первую очередь в Польше и странах-победительницах.

Ключевые слова: жертвенный нарратив, травматичное прошлое, коллективная память немцев, бомбовая война союзников, изнасилование немецких женщин, «Вильгельм Густлофф», «Безымянная. Одна женщина в Берлине»

Для цитирования: Новикова М.В. Проблема национальной травмы в коллективной памяти немцев объединенной Германии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 117–126. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-117-126

The problem of national trauma in the collective memory of Germans in the united Germany

Marina V. Novikova

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia, marina.novikova@mail.ru*

Abstract. The article attempts to characterize the state of historical consciousness of the Germans at the end of the 20th – beginning of the 21st century. The article examines what factors influenced the formation of the “sacrificial narrative” in the collective memory of the Germans of the united Germany. The research is based on the publications in the German, Polish and Russian press, autobiographical works, interviews, diaries and memoirs of Gunther Grass, Gerhard Schroeder, etc., analyzes the works of art and filmography released at that time. Memories of the suffering of the German civilian population during the Second World War usually belonged to the individual memory or remained part of the German family history. True, the traumatic past was often used for political purposes, especially in the FRG in the matters related to the theme of exile. In the first decade of the new millennium, thanks to the changes in the cultural agenda – the release of a number of books and feature films, the plot of which was based on the suffering of the Germans, the traumatic past is at the center of public debate. However, the rethinking of the theme of the suffering of the German civilian population was met with a rather wary response in the global context, primarily from Poland and the victor countries.

Keywords: sacrificial narrative, traumatic past, collective memory of Germans, Allied bomb war, rape of German women, “Wilhelm Gustloff”, “Nameless. One woman in Berlin”

For citation: Novikova, M.V. (2021), “The problem of national trauma in the collective memory of the Germans in the united Germany”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 117–126, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-117-126

Введение

Первое десятилетие нового тысячелетия в Германии запомнилось резким всплеском воспоминаний, дебатов, в основе которых лежала тема страданий гражданского немецкого населения в годы Второй мировой войны. Латентно эта проблематика присутствовала в коллективной памяти немцев на протяжении всего послевоенного времени, однако именно в упомянутый период драматический

опыт войны, пережитый гражданским населением, с периферии смещается в центр публичных дискуссий. «Бум жертвенных воспоминаний» принято связывать с выходом в 2002 г. книги Гюнтера Грасса «Траектория краба», в центре сюжета которой гибель от ударов советской подводной лодки лайнера «Вильгельм Густлофф», перевозившего, помимо войск и армейской техники, тысячи беженцев. В Германии произошел поворот в «эмоциональной и мемориальной культуре», «память о трагедиях, пережитых немцами пятьдесят восемь лет назад, вновь заявила о себе с неожиданной и неведомой ранее силой», – констатировала Алейда Ассман [Ассман 2018, с. 205].

Репрезентация «жертвенного нарратива» в художественной культуре. Бомбовая война

В конце 1980-х гг. историк литературы В.Г. Зебальд, живший с 1970 г. в Великобритании, выступил с Цюрихскими лекциями «Воздушная война и литература», в которых высказал мысль, что тема страданий немецкого населения от бомбардировок неоправданно долго предана забвению. В.Г. Зебальд считал, что «на писателей возложена миссия – сохранять коллективную память нации» [Зебальд 2019, с. 19], но, проанализировав корпус текстов немецких писателей послевоенного времени, пришел к выводу, что тема страданий немецкого гражданского населения от бомбовой войны не получила должного отражения на страницах литературы. Он задался вопросом, а «был ли стратегически или морально оправдан – и если да, то чем – план неограниченной воздушной войны, поддержанный группировками в составе британских ВВС и осуществлявшийся при использовании колоссальных людских и военно-промышленных ресурсов? [Зебальд 2019, с. 88] После публикации лекций историк получил шквал писем от читателей и запросов от различных СМИ для интервью. «Я понял, что мои пробные рассуждения задели больное место в душе немецкой нации. Некоторые мотивировали такой интерес потребностью наконец-то увидеть немцев, представленных как жертвы», – писал он [Зебальд 2019, с. 72].

Отклики поступали и из ГДР. Он приводит в пример письмо пенсионерки-профессора, которая, познакомившись с его лекциями, в очередной раз убедилась, что Германия по-прежнему разделена на две части и что на Западе ничего не знают и знать не хотят о другой немецкой культуре [Зебальд 2019, с. 72]. Дело в том, что по другую сторону Стены тема воздушной войны не замалчивалась и каждый год чтли память налета на Дрезден. Там были преданы забвению

другие аспекты прошлого. В объединенной Германии происходит слияние двух проектов памяти: «бывшей ГДР» и «прежней ФРГ». В ГДР «местом памяти» бомбовой войны был Дрезден, в современной Германии география этого аспекта жертвенного нарратива расширяется. В начале нового тысячелетия к этой проблематике обращается Йорг Фридрих в своей работе «Пожар» (2002).

По мнению ряда исследователей¹, разговор о немецких жертвах «неизбежно ведет к приравниванию их к жертвам немецкой агрессии и тем самым, в конечном счете, к релятивизации Холокоста». Появились опасения, что «конкуренция жертв» может способствовать возвращению риторики взаимных зачетов, которая была принята среди определенных кругов ФРГ до конца 1970-х гг., когда противопоставлялись шесть миллионов уничтоженных евреев семи миллионам депортированных немцев [Ассман 2018, с. 207]. Оживление жертвенной памяти вызывало беспокойство, сопротивление и вопросы: не произойдет ли тем самым смещение центра тяжести в мировой мемориальной политике? Впишутся ли немцы в качестве жертв в сложившийся у мирового сообщества мемориальный ландшафт? [Ассман 2018, с. 201] Те, кто сам пережил немецкие бомбардировки, посчитал себя оскорбленным моральным сведением счетов. Так, в одной из полемик, развернувшихся на страницах журнала “New Yorker”, прозвучали «советы» немцам, чтобы они публично демонстрировали, что помнят о Холокосте, а о собственных страданиях продолжали вспоминать лишь приватным образом, так как «Гамбург, Дрезден и Берлин навсегда превзойдены Аушвицем, Собибором и Бухенвальдом» [Ассман 2018, с. 201].

Проблема «беженцев и изгнанных»

В Германии оказалось немало тех, кто с осторожностью отнесся к актуализации жертвенного дискурса, увидев в этом связь с риторикой 1950-х, когда немцы ни о чьих страданиях, кроме своих, не хотели слышать. В тематике произведений художественной культуры действительно можно увидеть ряд аналогий. В 1959 г. режиссер Франк Висбар работает над художественным фильмом «Ночь над Готенхафеном», повествующем о трагедии лайнера «Вильгельм Густлофф», но потом, на протяжении долгих лет, по

¹ Grossmann A. A Question of Silence: The Rape of German Women by Occupation Soldiers / Robert G. Moeller (Hg.). West Germany under Construction. Politics, Society, and Culture in the Adenauer Era. Michigan, 1997. P. 33–52.

словам Гюнтера Грасса, о трагедии лайнера никто не хотел слышать – ни на Западе, ни тем более на Востоке². В нулевые Грасс сам обращается к этой проблематике. Выход «Траектории краба» сопровождался масштабной информационной кампанией, журнал «Шпигель» со своей шестимиллионной аудиторией сделал трагедию лайнера «Густлофф» главной темой номера. Обычно книги Грасса вызывают споры, поляризуют мнения критиков, но «Траектория краба» получила у рецензентов из изданий правого и левого политического толка довольно единодушное одобрение³. Особый вес новелле придавал тот факт, что ее автор был не реваншистом, а, наоборот, писателем, посвятившим литературную жизнь теме вины и ответственности немцев за содеянные преступления. И вот этот человек заговорил о том, что, по его словам, непозволительно долго было на второстепенных ролях:

О таких страданиях нельзя было молчать все эти годы только потому, что важнее казались признание собственной огромной вины и горячее покаяние, нельзя было отдавать то, что замалчивалось, на откуп правым и реваншистам. Это упущение безмерно...⁴

Гюнтер Грасс не просто так вспоминает о правых и реваншистах, спекулирующих на теме изгнания. Дело в том, что проблема изгнанных была крайне политизирована. С послевоенных лет беженцы и вынужденные переселенцы с восточных земель, объединившись в различные союзы, оказывали большое влияние на формирование внешнеполитического курса, прежде всего «восточной политики». И, по мнению ряда историков,

...потерявшие все свое имущество, они представляли собой крайне националистическое и непримиримое крыло западногерманского общества, имевшее своих представителей во всех партиях, но самое мощное в ХДС. Их негативное влияние замедляло формирование гибкой и конструктивной политики Западной Германии на восточно-европейском направлении [Павлов, Новиков 2005, с. 53].

В нулевые с этой проблемой столкнулся Герхард Шрёдер, который в своем внешнеполитическом курсе сделал акцент на сближение с восточными соседями и расширение ЕС. Тему изгнания

² Грасс Г. Траектория краба / Пер. с нем., послесловие Б. Хлебникова, послесловие Е. Ямбурга. М.: Бослен, 2013. С. 33.

³ Хлебников Б. Pro captu lectoris... // Грасс Г. Указ. соч. С. 231.

⁴ Грасс Г. Указ. соч. С. 106.

в это время активно эксплуатирует «Союз изгнанных», возглавляемый с 1998 г. Эрикой Штайнбах (ХДС), к которой в Польше сложилось негативное отношение из-за ее нежелания признавать государственную границу по Одере и Нейсе и высказывания сомнений по поводу готовности Польши вступить в ЕС. Ближайших восточных соседей беспокоило, что дискуссия грозит перерасти в конфликт с оспариванием послевоенного геополитического порядка [Новикова 2020, с. 127–137]. Накануне поездки федерального канцлера в Польшу, на памятные торжества по случаю 60-й годовщины Варшавского восстания, «Союзы изгнанных» потребовали от Польши вернуть им утраченную собственность и выплатить компенсацию. В речи, которую писал Гюнтер Грасс, Г. Шрёдер сделал акцент на том, что «воспоминания о пережитых страданиях должны объединить, а не разделить вновь. Поэтому не должно быть места для реституционных претензий из Германии» [Шрёдер 2007, с. 343].

Снятие табу с темы насилия

Еще одним отголоском 1950-х стала публикация в 2003 г. книги «Безымянная. Одна женщина в Берлине». Она была популярна в 1950-е гг. в некоторых странах, но не в Германии. В то время между немецкими мужчинами и женщинами была принята негласная конвенция, предполагающая, что одни не будут интересоваться тем, что делала их половина на войне, а другие – тем, что происходило с ней на родине, когда пришли солдаты-победители. Поэтому дневник почти на полвека исчез с книжных полок, но в 2003 г. книга более 8 недель возглавляла список бестселлеров «Шпигеля», а затем на ее основе вышел одноименный фильм. Перед его выходом британская “The Times” писала: «Этот фильм наверняка шокирует Германию, разбередит обиду на русских и станет толчком к диспуту о морали на войне»⁵. В основе сюжета – история 34-летней журналистки Марты Хиллерс, подвергшейся изнасилованию со стороны солдат Красной армии. С 20 апреля до 22 июня 1945 г. она ведет дневник, в котором фиксирует происходящее с немецкими женщинами и все свои переживания, в том числе и прагматичные мысли – найти русского офицера высокого ранга, который смог бы стать ее защитником.

Оставим за скобками вопрос о подлинности «дневника безымянной» как исторического источника, чья аутентичность неоднократно подвергалась сомнению. Нас интересует его восприятие в современной Германии. Сценарист и режиссер Макс Фербербёк

признается, что мысль о фильме пришла ему на ум, когда он прочел описание ночи любви, которую Марта провела с русским майором.

Несмотря на насилие, которое ей пришлось вытерпеть от русских, она все же смогла увидеть в этом майоре человека. Она как бы нарушает табу, некий запрет, накладываемый обществом на такие чувства. <...> Русские для нее теперь – это не просто орда насильников⁶.

По словам Фербербёка, прочитанный дневник привел его к мысли, что немцы очень плохо знают, что же на самом деле представляла собой Красная армия:

Был и позитивный образ русского, который повторяется в дневниках женщины. Всегда попадался такой солдат или офицер, который приносил хлеб, играл с детьми⁷.

Выход картины предсказуемо вызвал вопросы у российского зрителя, который увидел в нем продолжение тиражирования мифа о двух миллионах немцев, изнасилованных солдатами Красной армии. Стоит отметить, что в научной плоскости эта цифра опровергнута, в том числе и немецкими учеными. Мириам Гебхард в своем исследовании «Когда пришли солдаты» называет цифру в 860 тыс. женщин и несколько мужчин по всей Германии. Опираясь на источники, исследовательница доказывает, что среди насильников были американские, французские, бельгийские, британские солдаты [Гебхард 2018, с. 8]. Но и в Германии фильм вызвал неоднозначную реакцию. Рецензенты писали о том, что сексуальное насилие выглядит на экране безобидно, насильники и жертвы быстро переходят к дружеским объятиям, как будто режиссером выступило «Общество германо-советской дружбы»⁸. При этом сам режиссер

⁵ Лысков Д. Германию заставят «вспомнить» «насильника-освободителя» // Pravda.ru. 2008. 21 окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/world/288554-german/> (дата обращения 15 сентября 2020).

⁶ Новак В. Изнасилованные Красной Армией: Интервью с Максом Фербербеком, режиссером и сценаристом фильма «Безымянная. Женщина в Берлине» (перевод статьи, опубликованной в Gazeta Wyborcza 12.09.2008) // ИноСМИ.ru. 2008. 30 дек. [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/raporama/20081230/246405.html> (дата обращения 20 сентября 2020).

⁷ Там же.

⁸ Володина Э. Безымянная // Deutsche Welle. 2008. 23. Окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://p.dw.com/p/Fhu1> (дата обращения 20 сентября 2020).

признается, что не решился перенести на экран многие из тех грубых и хлестких слов, которыми характеризует автор дневника возвращавшихся с фронта немецких мужчин⁹. Сломленные, озлобленные, они проигрывали на фоне победителей, не могли защитить своих женщин, почему те и решили сами за себя постоять, ища покровителей среди русских офицеров. Но немецкое общество не готово было принять такой шаг женщин ни в 1950-е, когда дневник был обнаружен, ни в нулевые. После войны в немецких газетах писали, что эту «мерзостную» книжку читать не стоит, что ее автор позорит имя немецкой женщины¹⁰. В современной Германии оказалось, что фильм, показавший романтическую сторону взаимоотношений немецких женщин и русских солдат, немецкие мужчины отвергают¹¹. Газета “Frankfurter Allgemeine Zeitung” упрекнула автора фильма в том, что свидетельства дневника он превратил в «конфетную мелодраму»¹². Журнал “Spiegel” критиковал режиссера за то, что тот не так рельефно дифференцировал палачей и жертв, на что Фербербек ответил:

Если и были 100 тысяч насильников с красными звездами, то были еще 1,4 млн солдат, которые не насильовали. А теперь какой-то идиот из газеты требует от меня, чтобы я повторял: «Берегись! Русские!»¹³.

Заключение

Завершая краткий анализ культурной повестки в нулевые годы, стоит отметить, что в это время в Германии происходит актуализация всех компонентов жертвенного нарратива: темы страданий немцев от бомбовой войны, от изгнания и бегства из Восточной Пруссии, от насилия со стороны армий победителей. После выхода

⁹ Кондон Ш.Ф. «Женщина в Берлине» – душераздирающий взгляд на романтические отношения в истерзанной войной Германии [Электронный ресурс]. URL: <http://sidikhin.narod.ru/film52.html> (дата обращения 20 сентября 2020).

¹⁰ Новак В. Указ. соч.

¹¹ Там же.

¹² Kilb A. Kitsch und Vergewaltigung: “Anonyma” // FAZ.NET [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20081218133814/http://www.faz.net/s/Rub070B8E40FAFE40D1A7212BACEE9D55FD/Doc-E04BA1A3F342D4663B1D060D95BDC56FD~ATpl~Ecommon~Spezial.html> (дата обращения 25 сентября 2020).

¹³ Новак В. Указ. соч.

«Пожара» Й. Фридриха, «Траектории краба» Г. Грасса и его мемуаров «Луковица памяти» (2006), в которых он среди прочего коснулся страданий родителей во время бегства из Данцига, ежегодно в немецком кинематографе появляются фильмы, развивающие жертвенный нарратив: «Марш миллионов. Бегство» (2007), «Безымянная. Одна женщина в Берлине» (2008), «Густлофф» (2008). Режиссеры обращались к сюжетам, актуализированным в 1950-е. Среди ремейков можно назвать фильм «Мост» (2006), созданный на основе автобиографического романа Грегора Дофмейстера (Die Brücke, 1958), в основе сюжета которого бессмысленная смерть жертв войны с немецкой стороны, практически детей, 16-летних немецких солдат. Таким образом, можно сказать, что проблема страдания немецкого населения в годы Второй мировой войны в нулевые годы становится доминирующей в художественной культуре.

Литература

- Ассман 2018 – Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2018. 205 с.
- Геххардт 2018 – Геххардт М. Когда пришли солдаты. Изнасилование немецких женщин в конце Второй мировой войны / Пер. с нем. М.А. Елизарьевой. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 229 с.
- Зебальд 2019 – Зебальд В.Г. Естественная история разрушения: Пер. с нем. М.: Новое издательство, 2019. 172 с.
- Новикова 2020 – Новикова М.В. Проблема исторической памяти в Германии в годы правления Герхарда Шрёдера // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 127–137.
- Павлов, Новиков 2005 – Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера. М.: Московские учебники – СиДиПресс, 2005. 606 с.
- Шрёдер 2007 – Шрёдер Г. Решения. Моя жизнь в политике / Пер. с нем. Г. Леоновой. М.: Европа, 2007. 343 с.

References

- Assman, A. (2018), *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics], Moscow, Russia.
- Gebhardt, M. (2018), *Kogda prishli soldaty. Iznasilovanie nemetskikh zhenshchin v kontse Vtoroi mirovoi voiny* [Als die Soldaten kamen Die Vergewaltigung deutscher Frauen am Ende des Zweiten Weltkriegs], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.

- Novikova, M. (2020), "The problem of historical memory in Germany during the reign of Gerhard Schroeder", *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 4, pp. 127–137.
- Pavlov, N. and Novikov, A. (2005), *Vneshnyaya politika FRG ot Adenauera do Shredera*, [FRG foreign policy from Adenauer to Schroeder], Moskovskie uchebniki – SiDi-Press, Moscow, Russia.
- Sebald, G. (2019), *Estestvennaya istoriya razrusheniya* [Naturgeschichte der Zerstörung], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Shreder, G. (2007), *Resheniya. Moya zhizn' v politike* [Solutions. My life in politics], Evropa, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Марина В. Новикова, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; Нижний Новгород, Ашхабадская ул., д. 4, 603105; marina.novikova@mail.ru

Information about the author

Marina V. Novikova, Cand. of Sci. (History), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; bld. 4, Ashkhabadskaya Street, Nizhny Novgorod, Russia, 603105; marina.novikova@mail.ru

Память о холокосте
в Мемориальном музее США
(г. Вашингтон)

Мария М. Сиротинская

Российский государственный гуманитарный университет;

Институт всеобщей истории Российской академии наук,

Москва, Россия, masha_sirotinskaia@mail.ru

Аннотация. В статье ставится цель рассмотреть, как в Мемориальном музее США в Вашингтоне сохраняется память о холокосте, какие образовательные технологии предлагается использовать педагогам при его изучении. Увековечение памяти о холокосте тем более важно, что и в наши дни предпринимаются попытки отрицать сам факт массового уничтожения евреев или преуменьшить его масштабы. В Музее прописывается в широком историческом контексте традиционный нарратив – приход Гитлера к власти, политика Третьего рейха в отношении евреев. Значительное место отводится нацистской идеологии и пропаганде. Большое внимание уделяется источникам, причем не только официальным – дневникам, письмам, мемуарам, фотографиям, интервью с бывшими узниками концлагерей, артефактам, аудио- и видеоматериалам и т. д. Онлайн-выставка «Американцы и холокост» знакомит с оценками событий в Германии различных периодических изданий США. Даются конкретные рекомендации педагогам – избегать простых ответов на сложные вопросы, сопоставления уровня страданий разных народов, показывать, что холокост не был неотвратимым, учитывать возрастные особенности аудитории и пр. Можно согласиться с исследователями в том, что реконструкция холокоста в музее оказывает влияние на наше восприятие прошлого и, следовательно, углубляет наше понимание современности.

Ключевые слова: Мемориальный музей, Вашингтон, холокост, память

Для цитирования: Сиротинская М.М. Память о холокосте в Мемориальном музее США (г. Вашингтон) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». № 2. С. 127–139. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-127-139

United States Holocaust Memorial Museum (Washington, D.C.)

Mariya M. Sirotinskaya

*Russian State University for the Humanities;
Russian Academy of Sciences Institute of World History,
Moscow, Russia, masha_sirotinskaia@mail.ru*

Abstract. The article is aimed at examining how the United States Memorial Museum in Washington, D.C., preserves the memory of the Holocaust, what educational technologies are recommended for teachers. Transmission of the Holocaust memory is still very important, as even nowadays attempts are made to deny the fact of systematic persecution and destruction of Jews or underrate its scale. The museum communicates, in the historical context, traditional narrative – Hitler’s rise to power, Nazi Jewish policy. Emphasis is put on German ideology and propaganda. Great attention is paid to the historical sources, not only official ones, – to the diaries, letters, memoirs, photographs, interviews with the camp prisoners who have survived, as well as to the artifacts, audio- and video materials. The online exhibition “Americans and the Holocaust” reveals events in Germany as seen through the lens of different U.S. periodicals. Concrete recommendations are made to the educators – to avoid simple answers to complex questions and the comparison of suffering, to show that the Holocaust was not inevitable, to take into consideration an age-appropriate approach, etc. The author shares the views of the researchers who come to the conclusion: the reconstruction of the Holocaust in the museum determines our perception of the past and, therefore, deepens our understanding of the present.

Keywords: Memorial Museum, Washington, D.C., Holocaust, memory

For citation: Sirotinskaya, M.M. (2021), “United States Holocaust Memorial Museum (Washington, D.C.)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 127–139, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-127-139

Введение

В последнее время исследователи и общественность уделяют значительное внимание проблемам исторической, культурной памяти, той роли, которую она играет в конструировании национальной идентичности, понятию «травма» [История, память, идентичность 2016; Репина 2020]. В частности, широко обсуждаются события 1930-х гг., Второй мировой войны. Особое место в этом контексте занимает память о холокосте, включая музейные

«места памяти» [Альтман 2009; Хавкин 2018; Альтман, Хавкин 2020; Young 1994; Linethal 2001; Stier 2009; Hansen-Glucklich 2014; Wilhelm 2020; Jaeger 2020]. Холокост определяется директором Международного научно-образовательного центра истории холокоста и геноцидов РГГУ, сопредседателем Центра «Холокост» И.А. Альтманом, а также профессором РГГУ Б.Л. Хавкиным как «политика нацистской Германии, ее союзников и пособников по преследованию и массовому уничтожению евреев в 1933–1945 гг.». Под «преследованием» понимается не только и не столько изгнание евреев из Германии. Это был комплекс законодательных актов Третьего рейха, направленный против прав евреев и еврейского населения всех оккупированных Германией стран [Альтман, Хавкин 2020, с. 5].

Исследование памяти о холокосте показывает опасность разжигания ненависти, расовых и иных предрассудков, помогает понять истоки массового насилия и жестокости, антисемитизма. Обращение к еврейской политике Третьего рейха тем более важно, что и в наши дни предпринимаются попытки отрицать сам факт холокоста или преуменьшить его масштабы. В этом смысле трактуется деятельность американской просветительской организации правого толка «Институт пересмотра истории» (Institute for Historical Review)¹. Недавно в преддверии Дня памяти жертв холокоста и Дня снятия блокады Ленинграда Владимир Матвеев, в то время профессор РАНХиГС и СПбГЭУ, на вебинаре для завучей и директоров школ Ленинградской области заявил, будто холокост – это миф².

Данная статья посвящена Мемориальному музею холокоста в США, одному из крупнейших в мире учреждений, которое занимается увековечиванием памяти об этих трагических страницах в истории нацистской Германии, просветительской и популяризаторской деятельностью. Музей находится в самом центре Вашингтона, на Национальной аллее. Со времени своего открытия в 1993 г. он принял свыше 40 млн человек, включая 99 глав государств и более 10 млн школьников. Вебсайт Музея доступен на 16 иностранных языках. В 2015 г. его посетили более

¹ Institute for Historical Review [Электронный ресурс] // SPLC Southern Poverty Law Center. URL: <https://www.splcenter.org/fighting-hate/extremist-files/group/institute-historical-review> (дата обращения 15 октября 2020).

² «Настоящий фашизм». Учителям рассказали, что Холокоста не было [Электронный ресурс] // Север. Реалии. 2021. 27 янв. URL: <https://www.severreal.org/a/31070502.html> (дата обращения 15 октября 2020).

16,5 млн человек из 211 стран и территорий³. Понятно, что в связи с эпидемиологической ситуацией большую часть 2020 г. экспозиция музея была доступна лишь в онлайн-формате. Музей получает государственную поддержку, а также частные пожертвования. Совет попечителей, заседания которого проводятся два раза в год, состоит из 55 членов, назначаемых президентом США. В его состав входят по пять сенаторов и конгрессменов, члены ex officio от различных министерств. Текущая деятельность осуществляется Исполнительным комитетом⁴.

В статье предпринята попытка рассмотреть, как сохраняется память о холокосте в Мемориальном музее США, какие образовательные технологии предлагается использовать педагогам при изучении политики нацистов в отношении еврейского населения.

Реконструкция холокоста

Экспозиция Мемориального музея США представляет традиционный нарратив событий. Приход Гитлера к власти, мероприятия Третьего рейха рассматриваются в широком историческом контексте – в свете итогов Первой мировой войны, социально-экономического, политического развития Германии в 1920-е – начале 1930-х гг. Подвергнуты анализу законодательные акты в отношении немецких евреев. Большое внимание уделяется нацистской идеологии, пропагандистской деятельности. Интересно, что на занятиях рекомендуется обсуждение и анализ мемов – последние помогают, с точки зрения педагогов и кураторов музея, конструированию коллективной идентичности⁵. Показано, как зарождался и поощрялся антисемитизм в Германии, запечатлена жизнь в концентрационных лагерях Германии, реакция союзников, освобождавших «лагеря смерти».

³ About the Museum. A Living Memorial to the Holocaust [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/information/about-the-museum> (дата обращения 15 октября 2020).

⁴ United States Holocaust Memorial Council (Board of Trustees) [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/information/about-the-museum/council> (дата обращения 15 октября 2020).

⁵ Teaching Materials on Propaganda [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/teach/teaching-materials/propaganda>; <https://www.ushmm.org/m/pdfs/USHMM-Meme-Lesson.pdf> (дата обращения 15 октября 2020).

Международную обстановку после Первой мировой войны воспроизводит 38-минутный документальный фильм «Путь к нацистскому геноциду», который можно посмотреть на различных языках⁶.

Немалое место в экспозиции занимают архивные материалы, источники, как официальные (законодательные акты, дипломатические документы), так и личного происхождения (дневники, письма, мемуары), публицистика, художественные произведения. Представлены статистические документы, материалы опросов общественного мнения, периодические издания, визуальные источники – фотографии, открытки, аудио- и видеоматериалы, видеoinсталляции, а также артефакты. Значительное внимание уделено жизни и творческой деятельности знаменитого писателя, журналиста, узника нацистских концлагерей Освенцим и Бухенвальд Эли Визеля. Его мемуары «И мир молчал» впервые вышли в свет на идише в 1956 г. в Буэнос-Айресе (французское издание 1957 г. – «Ночь»)⁷. Дан подробный план проведения занятий, посвященных произведению писателя⁸. Мемориальным музеем в 2011 г. учреждена премия борцам против человеконенавистнической идеологии, геноцида (впоследствии она названа в честь Э. Визеля, которому она впервые была присуждена).

В рамках коммеморации холокоста представлены открытки из национальных архивов США, американских частных коллекций, показывающие освобождение американцами узников концентрационных лагерей весной 1945 г.⁹

Безусловно, масштабен проект «устной истории», который позволяет ознакомиться со свидетельствами оставшихся в живых

⁶ The Path to Nazi Genocide [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/learn/holocaust/path-to-nazi-genocide/the-path-to-nazi-genocide/full-film> (дата обращения 15 октября 2020).

⁷ Teaching Materials Using Books and Literature. Exploring *Night* as Literature: Bearing Witness to History. Timeline Cards. Elie Wiesel [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/m/pdfs/USHMM-Timeline-Elie-Wiesel.pdf> (дата обращения 15 октября 2020).

⁸ Teaching Materials Using Books and Literature. Exploring *Night* as Literature: Bearing Witness to History. Lesson Plan [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/m/pdfs/USHMM-Exploring-Night-Lesson.pdf> (дата обращения 15 октября 2020).

⁹ Commemoration Themes. Poster Set [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/m/pdfs/20141010-dor-posterset-liberation.pdf> (дата обращения 15 октября 2020).

бывших узников концлагерей, а также очевидцев тех трагических событий. Записаны – иногда и в видеоформате – устные интервью¹⁰. К примеру, Александра Горко (родилась в Киеве, в 1948 г. эмигрировала в США) рассказывает о своей жизни в немецких концентрационных лагерях. Американец Томас Гардинер в аудиointервью 1997 г. делится своими воспоминаниями о том, как он в составе 157-го пехотного полка армии США участвовал в освобождении узников Дахау, беседовал со многими из них, что наложило отпечаток и на его дальнейшую судьбу¹¹.

Можно посмотреть 40-минутный фильм 1995 г. (год 50-летия завершения Второй мировой войны) о пережившей холокост Герде Вейсман. Картина основана на ее книге «Все, кроме жизни» (1957)¹². Вейсман вышла замуж за американского лейтенанта Курта Кляйна, с которым познакомилась в сентябре 1945 г. Их историю любви включают в десятку самых невероятных.

Сара Блумфилд, директор Мемориального музея в Вашингтоне, призналась: на многих посетителей оказали большое впечатление экспонировавшиеся артефакты Мемориального музея в Майданеке – несколько тысяч пар обуви жертв холокоста (в польском лагере смерти было уничтожено около 80 тыс. узников, включая 60 тыс. евреев)¹³.

Очень интересна онлайн-выставка «Американцы и холокост». Представлены социально-экономическое развитие Соединенных Штатов в годы Великой депрессии, иммиграционная политика президента США Франклина Ф. Рузвельта в 1930-е гг., отклики американской общественности на преследования евреев.

¹⁰ Oral History Collections [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: collections.ushmm.org/search/?f%5Brecord_type_facet%5D%5B%5D=Oral+History (дата обращения 15 октября 2020).

¹¹ Oral History Collections [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn501895> (дата обращения 15 октября 2020).

¹² One Survivor Remembers Film [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/remember/holocaust-reflections-testimonies/one-survivor-remembers> (дата обращения 15 октября 2020).

¹³ United States Holocaust Memorial Museum Shocked and Saddened at the News of the Fire at Majdanek [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/information/press/press-releases/united-states-holocaust-memorial-museum-shocked-and-saddened-at-the-news-of> (дата обращения 15 октября 2020).

Историк Даниель Грин, куратор выставки, проводит 39-минутный тур, поднимая сложные вопросы о степени осведомленности американской общественности о событиях в Германии, о том, что еще могло быть сделано для помощи немецким евреям, о понимании американцами места и роли США в мире¹⁴.

Один из видеороликов демонстрирует ряд антинацистских протестных манифестаций в 65 городах США весной 1933 г.¹⁵ Приводятся материалы местных газет середины 1930-х гг., в которых рассказывается о еврейской политике нацистов. Газета “Indianapolis News” 16 сентября 1935 г., то есть на следующий день после принятия на съезде Национал-социалистической немецкой рабочей партии в Нюрнберге расовых законов «О гражданстве рейха» и «Об охране германской крови и германской чести» и их единодушного одобрения сессией рейхстага, прямо и недвусмысленно говорит о фактическом лишении евреев немецкого гражданства. В тот же день газета Алабамы “The Tuscaloosa News” в статье «Гитлер опускает евреев до средневекового статуса» пишет об антисемитских законах, о провозглашении свастики как национального флага Третьего рейха¹⁶. В “Washington Post” 19 ноября 1935 г. отмечается, что студенты Висконсинского университета в Мэдисоне задавали послу Германии в США «неудобные» политические вопросы относительно преследования евреев и католиков. По-видимому, негативный ответ немецкого дипломата их не удовлетворил¹⁷. Отдельные онлайн-занятия посвящены освещению холокоста в афроамериканской, испаноязычной прессе¹⁸.

¹⁴ Americans and the Holocaust. Exhibition Viewing Guide [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/information/exhibitions/museum-exhibitions/americans-and-the-holocaust/tour> (дата обращения 15 октября 2020).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Teaching Materials on Americans and the Holocaust. Lesson Plans. Interpreting News of World Events 1933–1938. Historical newspapers [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/m/pdfs/USMM-interpreting-news-newspapers.pdf> (дата обращения 15 октября 2020).

¹⁷ Teaching Materials on Americans and the Holocaust. Lesson Plans. Interpreting News of World Events 1933–1938. Closing Slides [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/teach/teaching-materials/americans-and-the-holocaust> (дата обращения 15 октября 2020).

¹⁸ Teaching Materials on Americans and the Holocaust. Lesson Plans. History Unfolded: Black Press Newspaper Coverage of the Holocaust [Электронный

Рассмотрение иммиграционной политики США не только опирается на статистику, но и вплетается в судьбы конкретных людей. Так, например, сложность эмиграции евреев из Германии за рубеж, включая Америку, демонстрирует дневник немецкого подростка еврейского происхождения Клауса Ленжера с конца 1938 – начала 1939 г.¹⁹ Мальчику в конечном итоге удалось эмигрировать в Палестину, куда он прибыл в январе 1940 г., но его родители и бабушка погибли²⁰.

Приводится выдержка из статьи с характерным названием «Немцы убивают миллионы невинных людей» во флоридской газете “Miami News”, где идет речь о вопиющих зверствах гитлеровцев в лагере Аушвиц-Биркенау. В ответ на эту и другие публикации в американских газетах, основывавшиеся на свидетельствах узников, которым удалось бежать из лагеря в апреле 1944 г., газета “Washington Post” 3 декабря 1944 г. опубликовала редакционную статью под названием «Геноцид»²¹. Под последним подразумевается умышленное уничтожение какой-либо нации или этнической группы. Считается, что это было первое употребление в американской прессе нового термина. Статья принадлежала перу польского адвоката еврейского происхождения Рафаэля Лемкина.

Думается, что эти материалы американских газет, в том числе штатного уровня, еще предстоит ввести в научный оборот отечественным исследователям.

ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/teach/teaching-materials/americans-and-the-holocaust>; <https://newspapers.ushmm.org/about/teacher-resources> (дата обращения 15 октября 2020).

¹⁹ Teaching Materials on Americans and the Holocaust. Lesson Plans. Klaus Langer Diary Excerpts. Lesson: Challenges of Escape, 1938–1941 [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/m/pdfs/USHMM-Challenges-of-Escape-Langer-diary.pdf> (дата обращения 15 октября 2020).

²⁰ Teaching Materials on Americans and the Holocaust. Lesson Plans. Challenges of Escape, 1938–1941. Steps to Immigrate to the United States [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/m/pdfs/USHMM-Challenges-of-Escape-1938-1941.pdf> (дата обращения 15 октября 2020).

²¹ Teaching Materials Using Books and Literature. Exploring *Night* as Literature: Bearing Witness to History. Timeline Cards. Elie Wiesel [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/m/pdfs/USHMM-Timeline-Elie-Wiesel.pdf> (дата обращения 15 октября 2020).

Администраторы и кураторы выставки делают обоснованный вывод: хотя американцы могли не знать отдельных деталей, в целом они имели возможность сформировать собственное представление о том, что происходило в гитлеровской Германии. Американские периодические издания в 1930-е гг. информировали общественность о политике нацистов в отношении евреев, что, однако, не всегда приводило к активным действиям. Делается заключение о том, что больше могло быть сделано для того, чтобы спасти хотя бы некоторых из шести миллионов уничтоженных евреев.

Как, по мнению специалистов, можно объяснить такую реакцию? Д. Грин говорит об изоляционистских настроениях в американском обществе в 1930-е гг., о негативном отношении многих жителей Соединенных Штатов к возможному увеличению иммиграционных квот в годы Великой депрессии, не скрывает антисемитизм части американцев, их расовые предрассудки. Однако однозначного ответа на вопрос не дается. По-видимому, подобный подход согласуется с общей позицией педагогов и исследователей Музея.

Образовательные технологии

На сайте даны конкретные советы преподавателям касательно того, как целесообразно вести речь о холокосте. Прежде всего необходимо развивать критическое мышление обучающихся, побуждать студентов самим ставить вопросы, в том числе выводящие на современность. Можно обсудить проблему: что заставляет людей оказывать помощь друг другу, каковы причины их равнодушия к судьбам других? Нужно быть предельно четким в формулировках, избегать черно-белых оценок, простых ответов на сложные вопросы. Вводя холокост в общий контекст происходивших в Европе событий, не следует романтизировать историю. Полезно акцентировать внимание на том, что холокост не был неотвратимым – правительства, организации, конкретные индивиды способствовали легализации дискриминации по расовому признаку, сеяли ненависть, предубеждения²².

²² Fundamentals of Teaching the Holocaust. Guidelines for Teaching About the Holocaust [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/teach/fundamentals/guidelines-for-teaching-the-holocaust> (дата обращения 15 октября 2020).

Подчеркивается необходимость учитывать возрастные особенности аудитории²³. Дети младшего возраста, вероятно, с интересом воспримут информацию о Кики, игрушечной наручной обезьянке, которая была использована 23-летним рядовым армии США Элдоном Николасом (он работал водителем скорой помощи) для развлечения малолетних узников концлагеря Виттель во Франции в сентябре 1944 г., о чем он сам рассказывал членам своей семьи в Мичигане (его сын в 2009 г. обнаружил письма отца)²⁴.

Рекомендуется избегать прямого сопоставления уровня страданий разных народов, проведения прямых аналогий между антисемитизмом в нацистской Германии и расизмом в Америке в эпоху Джима Кроу²⁵. Отметим, что, как показывают, например, материалы газеты “New York Amsterdam News” от 21 сентября 1935 г., в преддверии Олимпийских игр 1936 г. в Берлине подобные параллели усматривались рядом американских леворадикальных активистов. Так, член Коммунистической партии США, профсоюзный лидер Ишмаел Флори, одобряя призыв бойкотировать Игры, сравнивал «гитлеровский террор против евреев» с «фашистским» режимом в США в отношении темнокожих²⁶.

Музей живо откликается на современные события, занимая в целом, как представляется, умеренную позицию. В июне 2019 г. он выступил с официальным заявлением, в котором подверг критике вызвавшие полемику в средствах массовой информации высказы-

²³ Fundamentals of Teaching the Holocaust. Age Appropriateness [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/teach/fundamentals/age-appropriateness> (дата обращения 15 октября 2020).

²⁴ A Surprising Discovery: “Kiki” The Monkey Puppet Holocaust Encyclopedia [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/collections/the-museums-collections/curators-corner/a-surprising-discovery-kiki-the-monkey-puppet>; <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn37941> (дата обращения 15 октября 2020).

²⁵ Teaching Materials on Americans and the Holocaust. Lesson Plans. Black Americans and the Nazi Olympics [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/m/pdfs/USHMM-Black-Americans-and-the-Nazi-Olympics.pdf> (дата обращения 15 октября 2020).

²⁶ Teaching Materials on Americans and the Holocaust. Lesson Plans. Interpreting News of World Events 1933–1938. Closing Slides [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/teach/teaching-materials/americans-and-the-holocaust> (дата обращения 15 октября 2020).

вания известной сторонницы «демократического социализма», конгрессмена от Демократической партии Александрии Окасио-Кортес, которая проводила параллели между условиями содержания иммигрантов на южной границе США в период президентства Дональда Трампа и «концентрационными лагерями» (данный термин напомнил некоторым американцам о гитлеровских «лагерях смерти») ²⁷.

В связи с январскими событиями 2021 г. в Вашингтоне на сайте Музея появились материалы, которые разъясняют происхождение терминов и «символов ненависти», использующихся современными неонацистами и белыми националистами. Как подчеркивается, «Америка – не Германия», Адольф Гитлер не является сегодня лидером правых движений. Однако символика флагов, ряд лозунгов некоторых из тех, кто штурмовал Капитолий 6 января 2021 г., возбуждает ненависть, демонстрируя приверженность нацистской идеологии, теории превосходства белых. Отмечается, что символика флага, развернутого ультраправыми сторонниками Трампа у Капитолия, напоминает символику флага Национал-социалистической немецкой рабочей партии – в центре последнего вписанная в квадрат, изображенная черным цветом в белом круге свастика, символ «арийской расы» ²⁸.

Заключение

В целом образовательная, воспитательная деятельность Мемориального музея холокоста в Вашингтоне заслуживает высокой оценки. Можно согласиться с Дженнифер Хансен-Глаклич в том, что реконструкция холокоста в Мемориальном музее в Вашингтоне, как и в мемориале Яд ва-Шем в Иерусалиме и Еврейском музее в Берлине,

²⁷ Kelly C. Ocasio-Cortez Compares Migrant Detention Facilities to Concentration Camps [Электронный ресурс] // CNN. 2019. June 18. URL: <https://edition.cnn.com/2019/06/18/politics/alexandria-ocasio-cortez-concentration-camps-migrants-detention/index.html>; Steinbuch Y. US Holocaust Museum Denounces AOC's 'Concentration Camp' remarks [Электронный ресурс] // New York Post. 2019. June 24. URL: <https://nypost.com/2019/06/24/us-holocaust-museum-denounces-aocs-concentration-camp-remarks/> (дата обращения 15 октября 2020).

²⁸ Origins of Neo-Nazi White Supremacist Terms and Symbols: A Glossary [Электронный ресурс] // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://www.ushmm.org/antisemitism/what-is-antisemitism/origins-of-neo-nazi-and-white-supremacist-terms-and-symbols> (дата обращения 15 января 2021).

оказывает влияние на наше восприятие прошлого и, следовательно, углубляет понимание современности. По заключению американской исследовательницы, указанные музеи имеют общие цели, хотя методы, средства репрезентации ими холокоста отличны, будучи обусловлены историческими, культурными особенностями страны [Hansen-Glucklich 2014, pp. 2–3]. В Мемориальном музее США, считает она, в большей степени прописан традиционный нарратив.

Литература

- Альтман 2009 – Энциклопедия Холокоста на территории СССР / Гл. ред. И.А. Альтман. М.: РОССПЭН, 2009. 1143 с.
- Альтман, Хавкин 2020 – *Альтман И.А., Хавкин Б.Л.* Национал-социализм, холокост и антигитлеровское сопротивление в Германии (1933–1939 гг.): Материалы к спецкурсу для студентов РГГУ. М.: МИК, 2020. 150 с.
- История, память, идентичность 2016 – История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: Материалы Международной научной конф. / Под ред. О.В. Воробьевой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. М.: Аквилон, 2016. 474 с.
- Репина 2020 – Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с.
- Хавкин 2018 – *Хавкин Б.Л.* Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии: Антинацистское Сопротивление немецких евреев. М.: РГГУ, 2018. 243 с.
- Young 1994 – *Young J.E.* The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning. New Haven and L.: Yale University Press, 1994. 415 p.
- Linethal 2001 – *Linethal E.T.* Preserving Memory: The Struggle to Create America's Holocaust Museum. N.Y.: Columbia University Press, 2001.
- Stier 2009 – *Stier O.B.* Committed to Memory: Cultural Meditations of the Holocaust. Amherst: University of Massachusetts Press, 2009. 296 p.
- Hansen-Glucklich 2014 – *Hansen-Glucklich J.* Holocaust Memory Reframed: Museums and the Challenges of Representation. New Brunswick (N.J.): Rutgers University Press, 2014. 272 p.
- Wilhelm 2020 – *Wilhelm Th.* Holocaust Narratives: Trauma, Memory and Identity across Generations. N.Y.: Routledge, 2020. 218 p.
- Jaeger 2020 – *Jaeger S.* The Second World War in the Twenty-First Century Museum. Berlin/Boston: De Gruyter, 2020. 380 p.

References

- Altman, I. (ed.) (2009), *Entsiklopediya Kholokosta na territorii SSSR* [Encyclopedia of the Holocaust on the territory of the USSR], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Altman, I. and Khavkin, B.L. (2020), *Natsional-sotsializm, kholokost i antigitlerovskoe soprotivlenie v Germanii (1933–1939 gg.): materialy k spetskursu dlya studentov*

- RGGU [National-socialism, the Holocaust and anti-Nazi resistance in Germany (1933–1939): special course materials for RGGU students], MIK, Moscow, Russia.
- Hansen-Glucklich, J. (2014), *Holocaust Memory Reframed: Museums and the Challenges of Representation*, University of Massachusetts Press, New Brunswick, NJ, USA.
- Jaeger, S. (2020), *The Second World War in the Twenty-First Century Museum*, Routledge, Berlin, Germany and Boston, MS.
- Khavkin, B.L. (2018), *Rasizm i antisemitizm v gitlerovskoi Germanii: Antinatsistskoe Soprotivlenie nemetskiikh evreev* [Racism and antisemitism in Hitler's Germany. Anti-Nazi Resistance of German Jews], RGGU, Moscow, Russia.
- Linethal, E.T. (2001), *Preserving Memory: The Struggle to Create America's Holocaust Museum*, Columbia University Press, New York, USA.
- Repina, L., ed. (2020), *Proshloe dlya nastoyashchego: istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noi identichnosti* [The past for the present: history-memory and narratives of national identity], Aquilon, Moscow, Russia.
- Stier, O.B. (2009), *Committed to Memory: Cultural Meditations of the Holocaust*, University of Massachusetts Press, Amherst, USA.
- Vorob'eva, O., Leont'eva, O. Malovichko, S. and Rumyantseva, M. (eds.) (2016), *Istoriya, pamyat', identichnost': teoreticheskie osnovaniya i issledovatel'skie praktiki* [History, memory, identity: theoretical bases and research practices], Aquilon, Moscow, Russia.
- Wilhelm, Th. (2020), *Holocaust Narratives: Trauma, Memory and Identity across Generations*, Routledge, N.Y., USA.
- Young, J.E. (1994), *The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning*, Yale University Press, New Haven and London.

Информация об авторе

Мария М. Сиrotинская, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32А; masha_sirotinskaia@mail.ru

Information about the author

Mariya M. Sirotinskaya, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;

Russian Academy of Sciences Institute of World History, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninskii Avenue, Moscow, Russia, 119334; masha_sirotinskaia@mail.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

Н.В. Москвина

Подписано в печать 19.04.2021.

Формат 60×90^{1/16}.

Уч.-изд. л. 7,9. Усл. печ. л. 8,8.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1173

Издательский центр

Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru